

Борис Николаевич Громов
Выжить. Терской фронт

Терской фронт – 1

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - shtuks; OCR, ReadCheck, Conv - Zladey; Check - Igorek67)

«Выжить. Терской фронт / Борис Громов»: Издательство «Яуза», Издательство «Эксмо»; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-44981-1

Аннотация

Лучший фантастический боевик о мире после ядерного Апокалипсиса. Самая достоверная и убедительная военная фантастика. Полный «эффект присутствия»! Наш

современник на Кавказской войне будущего.

Попав в чеченскую засаду нынешней осенью, ветеран-омоновец приходит в себя через 30 лет, на руинах сгоревшего в ядерном огне мира. После атомного Армагеддона, после Большой тьмы и Резни 2013 года, от всей Европейской России уцелела лишь Югороссийская республика и Терской Фронт, который вот уже второе поколение держит оборону против горцев и турок.

Наши разведывательно-диверсионные группы против нохчей из Непримиримых Тейпов! Русский спецназ против горских набегов! «Волкодавы» из нового СМЕРШа против турецких диверсантов-мамелюков! Добро пожаловать в ад!

Борис Громов

Москва
Яуза
Эксмо
2011

Борис Громов
ВЫЖИТЬ

Терской фронт

Нет, ребята, ей-богу, нравится мне Моздок! Тихий городок, уютный. Чистые улицы, широкие тротуары. Большая часть города — увитые зеленью плюща и винограда одноэтажные домики, по-кавказски просторные, с большими тенистыми дворами, верандами, беседками, летними кухнями. И народ приветливый, гостеприимный. Даже

сложно представить, что всего в тридцати с небольшим километрах от этого райского уголка вот уже почти два десятилетия полыхает огнем войны Чечня. Там гремят взрывы, прорываются сквозь засады колонны, уходят в рейды по горам группы спецназа. А тут — тишина и сонный покой. Честное слово, как надоест мне воевать, выйду на пенсию — куплю себе тут домик и буду в огороде ковыряться да виноград на домашнее вино выращивать! А что? Вполне достойная старость. Главное — дожить...

В Моздок мы приехали вчера в обед. Вернее, не приехали, а приползли, почти как у Утесова, «на честном слове и на одном крыле», но об этом чуть позже. Из Москвы нам, наконец, привезли еще в самом начале командировки заказанные стройматериалы: доски, брус, цемент, без которых ремонтные работы на нашей базе под Беном замерли без подвижек, словно «Аврора» на Неве. Кроме того, в Веденский район мы увезем новый электрогенератор и целую грудку коробок разного размера и веса — всему отряду родственники из Подмоскovie подарков с оказией отправили. За несколько часов все это было перегружено в бортовые «КамАЗы», а вечером мы, ополоснувшись в душевой эмвэдэшного автохозяйства, неплохо посидели в маленькой шашлычной: покушали отличного свиного шашлыка, выпили по паре литров разливного светлого пива, пофлиртовали с симпатичными девчонками, сидевшими за соседним столиком. А вот теперь нам пора уезжать. И почему все хорошее так быстро заканчивается? Да и вообще... Не то, чтоб я был сильно суеверным, но как-то мне сегодня не по себе. Тревожно. Муторно. Что называется, «вещун разыгрался». Будь моя воля — никуда б не поехал. Но от меня в этом вопросе ничего не зависит.

Смотрю на постепенно светлеющее небо. На востоке тонкая полоска между скрытым туманной дымкой горизонтом и низкими сине-серыми облаками уже вовсю наливается густым малиновым цветом. Бросаю взгляд на часы. Уже почти половина шестого, но солнце пока не встало. Ничего не попишешь, на дворе не лето все-таки. Сентябрь к середине подошел, светает позже. За спиной фыркают стартерами двигатели грузовиков. Оглядываюсь на стоящих рядом Ваню и Ярослава.

— Ну, чего, парни, время. Давайте по машинам.

Бронежилет и РПС¹ уже на мне. Кряхтя, надеваю на себя эрдэшку,² с трудом втискиваясь в тесноватые лямки, защелкиваю клипсу застежки на груди, вешаю на шею автомат, подхватываю с земли шлем и чехол со спальным мешком и бодрим шагом направляюсь к ближайшему из четырех выстроившихся в шеренгу «КамАЗов». Открыв дверь, сначала забрасываю на пассажирское сиденье свою «железную шапку», а уже потом лезу сам. О, блин, а камазовская кабина куда больше и удобнее, чем у бронированного «Урала». И сиденье шире, и колени в приборную панель не упираются. Вот только лобовое стекло... Как-то уже привык я к небольшим и мутноватым триплексам, а за огромными и прозрачными стеклами «КамАЗа» чувствуешь себя манекеном в витрине. Причем манекеном, на лбу и груди которого намалеваны круги мишеней. Нет, в «Урале», может, и не так комфортно, но все-таки чувствуешь себя спокойнее и увереннее. Но выбирать нам не приходится. Наш бронированный трехосный «стальной конь» по дороге в Моздок вдруг «охромел» сразу на два задних моста. Причем и наш «руль» Блоха, и его коллеги с Моздокской автобазы МВД рвут на себе тельняшки и в один голос твердят, что понятия не имеют, с чего вдруг у него сразу четыре тормозные колодки горят, стоит только начать движение. И на «уазике» одна форсунка мозги дрюкает... А колонне надо кровь из носу сегодня быть в Бено, где на КПП-122 вот уже полтора месяца несет службу наш доблестный сводный отряд Подмоскovie ОМОНа. Кроме никуда, в принципе, не спешащих стройматериалов и посылок с подарками из дома мы возем новый дизель-генератор взамен

¹ РПС — ременно-плечевая система для размещения боеприпасов и снаряжения.

² Эрдэшка — РД-54, ранец десантный.

нашей древней АБшке, что позавчера приказала долго жить. А без электричества в чеченских горах, мягко говоря, хреново: не светят по ночам прожектора на блокпосту и по периметру базы, нет возможности зарядить аккумуляторы радиостанций. Что там говорить, электроплиты на кухне и те не работают, и приходится давиться кое-как разогретой на таблетках сухого спирта консервированной кашей или тушенкой из сухпайка. Да уж, ситуация! И наш доблестный зампотыл принял волевое решение: он вместе с водителями и поломавшейся техникой останется в Моздоке, и на базу они вернутся, когда все отремонтируют. А мы втроем садимся в «КамАЗы» и дуем «нах хаузэ, в смысле до дому». В двух БТРах архангельского ОМОНа, что нам выделили для сопровождения, свободных мест нету, вот и придется почти две сотни километров изображать из себя персонажа чеченской версии реалити-шоу «За стеклом». Ладно, бог не выдаст, свинья не съест. Прорвемся, не впервой!

Тут наша маленькая колонна: серый бронированный «УАЗ» с «люстрой» на крыше и надписью «Военная автоинспекция» по обоим бортам, два БТРа-«восемьдесятки», один позади «уазика», а второй — в хвосте, и четыре бортовых «КамАЗа», фыркая движками, трогается в путь. Снимаю лежащий на коленях автомат с предохранителя. Знаю, что нельзя, но если б я в Чечне делал только то, что делать можно, вряд ли дожил бы до сегодняшнего дня. Слегка склонив голову, крещусь и одними губами шепчу: «Господи, благослови!» Ловлю на себе ироничный взгляд молодого водителя. Ну-ну, сынок! Сколько ты уже на Кавказе? Целых полторы недели? А выезд какой по счету? Ах, второй! А у меня через три месяца юбилей — шестнадцать лет, как я в эту задницу первый раз попал. Вот когда (и если) доживешь до моих лет, тогда мы и глянем, чего от твоего атеизма останется. Как в свое время Ремарк сказал: «В окопах атеистов нет». А он, между прочим, всю Первую мировую рядовым в пехоте прошел, знал, о чем говорит!

По пустым улицам быстро выскочили из Моздока и проехали Веселое. Вот что значит нет позади десятитонной бронекапсулы! Летим, будто на крыльях. Этак до места доберемся не за четыре с половиной, а часа за три. Хорошо! Водитель молчит, да и у меня трепаться настроения нету. Едем в тишине, только рычит дизель да мелькают по сторонам кусты, пирамидальные тополя, дорожные знаки. А впереди все ярче разгорается восход.

Нет, все же, несмотря на всю его беззащитность, «КамАЗ» — машина определенно неплохая. До КПП «Ищерское» домчались всего за сорок минут. На границе Осетии и Чечни все по-прежнему. Прохаживаются возле шлагбаума и сложенного из бетонных блоков двухэтажного здания блокпоста вооруженные древними «АКМСами» заспанные чеченские милиционеры в сине-сером милицейском камуфляже и старых солдатских касках. Торчит справа от дороги непонятной формы конструкция, похожая то ли на стилизованный парус, то ли на четырехлучевую звезду метров пяти высотой с надписью «Наурский район». Приветливо улыбаются с большущего плаката Медведев и Кадыров-младший. Добро пожаловать в Чечню, блин! Колонна наша у местных стражей порядка ни малейшего интереса не вызывает. Тут таких деятелей, как мы, за сутки не одна сотня проезжает. Один из чеченцев не спеша, вразвалочку, подходит к головному «УАЗу», смотрит документы и дает отмашку бойцу у шлагбаума, мол, все нормально, открывай. Красно-белая полосатая труба взмывает вверх — проезжайте, гости дорогие! Почему-то всплывают в голове слова из какого-то древнего фэнтезийного боевика с Кристофером Ламбертом в главной роли: «Можешь войти без гарантий безопасности». Да уж, никаких гарантий тут тебе никто не даст. Да и не надо! Вот уже полтора десятилетия как-то сам справляюсь.

Едва мы пересекаем границу Чечни, как водитель вспоминает, что в машине есть радио. Дальше едем, слушая «Милицейскую волну». Песни в основном старые, но бодрые и веселые. Настроение улучшается, и не к месту разыгравшийся поутру «вещун» вроде как поуспокаивается. Ловлю себя на том, что физиономия моя сама по себе расплывается в улыбке. Даже начинаю мысленно подпевать Иришке Тоневой, Сати Казановой и этой, блин, забыл, как третью солистку «Фабрики» зовут... Стоп, а чего это ты расслабился, а, товарищ

прапорщик? Ты что, блин, уже дома в Подмоскovie? Нет? Так соберись, тряпка! Еще не хватало из-за своей расслабленности засаду проморгать! Дабы наказать самого себя за потерю бдительности, напяливаю на голову тяжеленный «Алтын».³ Вот так, вот тебе, бездельник! А вы что думали?! У нас не забалуешь, дисциплина — превыше всего.

В Алпатово въезжаем в семь утра. На улицах — пусто. Да уж, здесь вам не Москва, которая «невер слип». В Чечне народ рано вставать не любит. А зачем, собственно? Работать? Не смешите мои тапочки! В Чечню такие суммы из федерального бюджета вбухивают, что еще одну Москву можно было на эти деньги в чистом поле с нуля отстроить. Так что тут работать не модно. В здешних краях все коммерцией заняты. Или в армии-милиции-ФСБ-МЧС служат. Или по горам с автоматами бродят. Каждому свое... В любом случае ни одно из перечисленных занятий раннего подъема не требует. Так что в семь утра на улицах чеченских сел пустынно. Вот часа через полтора будет уже вполне оживленно, та же детвора в школу потопает. А вот, кстати, и она, школа, легка на помине. Колонна замедляет скорость: на дорогах тут одни джигиты, гоняют как сумасшедшие, поэтому перед школой накатали «лежачих полицейских» такой высоты, что БТР споткнуться может!

По позвоночнику внезапно ледяной молнией простреливает нехорошее предчувствие. Что не так? Мля, «Газель»! Какого хрена перед школой в семь утра делает грузовая «Газель»? Кабина желтая, тент синий, борта серые. В голове вспыхивает текст ориентировки «...угнана, предположительно, с целью совершения террористического акта...» Млядь!!! Хватаю лежащую между мной и водителем выдавшую виды «Моторолу» с замотанной синей изолентой антенной. Поздно! «Газель» рвет на куски мощным взрывом. Поравнявшийся с нею головной «УАЗ» просто сдувает с дороги, и он грудой обьятого пламенем металлолома проламывает ажурную сварную решетку забора школы, кувыркаясь, влетает во двор и взрывается на асфальтированной площадке перед входом. С обеих сторон от дороги яркими цветками вспыхивают дульные вспышки автоматов. По бортам горохом барабанят пули. Мерзко взвизгивают рикошеты. Нарвались!!! Не подвел-таки «вещун», чтоб его! Передовой БТР, замедлив ход и прижавшись к обочине, освобождает нашим «КамАЗам» дорогу для прорыва, а сам начинает крутить башней, лоя в прицел «спарки» КПВТ-ПКТ противника. Но тут же окутывается черно-багровым облаком взрыва, «словив» левым бортом кумулятивную гранату, и вспыхивает жирным чадным пламенем. По моей голове будто бьют киянкой, лобовое стекло брызжет в салон фонтаном осколков. Ай, мля! Одна радость — стекло каленое, а то всю рожу изрезало бы в хлам. И в глаза не попало, тоже хорошо. Засаекаю гранатометчика, он выскочил из-за угла школы, и навскидку всаживаю в него короткую очередь. Тот, сломавшись пополам, падает на землю, роняя трубу «Агленя».⁴ Попал, опыт не пропьешь! Оборачиваюсь к водителю и рявкаю во всю глотку:

— Гони, твою мать, если жить хочешь!

Их вообще-то уже не один раз должны были проинструктировать на этот счет: что бы ни случилось, если машина на ходу, водитель обязан на полной скорости покинуть зону поражения. Но кто их знает, новичков. Переклинит чего-нибудь в башке, да и даст по тормозам. И все, писец, вечная вам память, дорогие товарищи, и деревянный крест с фамилиями на обочине. Ну уж — хера! Я еще повоюю! Автомат бьется в руках, свинцовые струи хлещут по укрытиям, из-за которых по нам лупят «чехи». Гильзы скачут по всей кабине. Это когда ты врага видишь, надо вести прицельный огонь короткими очередями. А вот если между вами преграда, то надо просто не позволить ему даже голову приподнять, создав максимальную плотность огня. А не сможешь, дашь ему возможность прицелиться, он будет стрелять по тебе. Короткими и прицельными... И скорее всего — попадет.

³ «Алтын» — боевой защитный шлем с забралом для спецподразделений МВД и ФСБ.

⁴ «Аглень» — одноразовый противотанковый гранатомет РПГ-26.

Цепочка из трех ярко-зеленых трассеров уносится вперед и вышибает облачко цементной пыли из руин автобусной остановки. Пора менять магазин. Они у меня по два изоленной смотаны, так что мы это быстро! Вдруг в лицо слева плещет горячим и липким. Глаз залепляет чем-то красным. Я уже понял, что это, но все равно оборачиваюсь на водителя. Его тело с изуродованной безобразным рваным выходным отверстием головой заваливается на меня. Снайпер, сука!!! Проглядел я тебя, падаль!!! «КамАЗ», лишившись управления, вылетает на правую обочину. Впереди — широкий, метров двадцать, пустырь, а за ним высокий и, видимо, прочный забор из красного кирпича. До него всего ничего, и вряд ли грузовик успеет сильно потерять скорость до столкновения. А значит, если не выпрыгну — мне точно хана. Рву вверх дверную ручку и кубарем вылетаю из кабины. Последнее, что помню, — стремительно приближающиеся потрескавшиеся грязные кирпичи забора. А потом кто-то гасит весь свет.

Ох, мамочки мои, что ж мне так хреново-то? Пытаюсь открыть глаза, но получается плохо, а когда все же удастся разлепить свинцовые веки, то не вижу ничего, кроме сплошной пелены серого тумана. Внезапно из него проявляется лицо седого бородатого мужчины. Он что-то говорит, но я не слышу слов. Кто ты, старик? Может, апостол? Тогда я уже умер... А губы старика снова шевелятся. По артикуляции умудряюсь разобрать вопрос:

— Как тебя зовут?

Бесконечно долго собираюсь с силами, чтобы ответить. Но все равно выходит только с третьей попытки: мой язык невообразимо распух и, заняв почти все место во рту, почти не шевелится. Наконец, на выдохе буквально выдавливаю из себя:

— Миша.

А потом липкая чернота снова смыкается вокруг.

Через некоторое время я снова выплываю из небытия. Теперь вижу перед собой лицо красивой женщины, нет, скорее — молодой девушки. А где старик? Пытаюсь ей улыбнуться. Но вместо этого снова теряю сознание.

Окончательно прихожу в себя от того, что по шее ползет какая-то наглая насекомая сволочь. Стряхиваю ладонью нахальную букашку и, слегка приподнявшись на локтях, верчу головой, пытаюсь оценить обстановку. Получается плохо. Голова будто залита чугуном, а в ушах стоит громкий и противный писк. Судя по ощущениям, опять заработал небольшую контузию, но при падении ничего не сломал и даже сильно не ушиб. Шлема на голове нет, как нет и бронежилета, РДшки, РПС и автомата. О том, что у меня был «АПС», напоминает только пустая тактическая кобура из кордуры на правом бедре. Одежда, обувь и часы на месте. Так, значит, безоружен и незащищен. Хреново... Ладно, продолжаем осмотр. На дворе — поздний вечер: уже севшее солнце еще подсвечивает снизу редкие темно-синие облака, а в почти черном небе уже ярко светят звезды. Лежу я прямо на земле во дворе какого-то сильно разрушенного дома. А вот это странно. Бой был утром, на дворе — почти ночь. «Командирские» мои стоят, но навскидку — что-то около девяти вечера. За это время меня должны были или боевики добить, или свои в госпиталь отвезти. Правда, остается еще один вариант. Самый фиговый — плен. Хотя, если вдуматься, они что, идиоты, возиться с пленным в Алпатове? Тут не горы, в которых они у себя дома, тут равнина, и с бесчувственным телом на загривке далеко не убежать. Опять же, пленного наверняка бы связали. Значит, не в плену... А где тогда?

Буквально в десятке метров от меня стоят две автомашины: весьма преклонных лет бортовой грузовик «ЗИЛ»-«Бычок» и некогда зеленый, а теперь просто сильно поржавевший армейский «УАЗ» без крыши, зато с пулеметной турелью, на которой установлен пулемет «ПК» с примкнутым патронным коробом-«соткой». На водительском сиденье спиной ко мне сидит, прижав к себе симоновский самозарядник, легко узнаваемый даже в темноте по характерному неотъемному штыку, какой-то мужик. Из-за машин слышны голоса.

Откинувшись на спину, закрываю глаза, делаю вид, что все еще не пришел в себя, а сам изо всех сил напрягаю слух, пытаюсь сквозь перезвон в ушибленных барабанных перепонках разобрать разговор. Может, удастся хоть что-то важное или интересное услышать.

А за машинами спорят, судя по голосам, четверо мужчин. Причем спорят обо мне.

— А не дезертир ли он или бандит беглый? — предполагает первый.

— Не похож, — судя по голосу, говорит кто-то пожилой. — Уж больно чистый и опрятный, снаряжение дорогое, оружие хорошее. Да и в ориентировках на розыск никого похожего вроде не было. Так, Вить?

— Угу, — басом отвечает ему кто-то. — Примет у него — полно. Такого бы я точно запомнил. Нет его в розыске.

— Ну, тогда, может, он из ОВГ? Наших-то, что из Дорожной Стражи, что из комендатур, я всех если не по именам, то в лицо знаю. И из Червленной, и из Аргуна, и из Гора-Горского, — снова предлагает версию первый.

— Кстати, а вполне возможно, — поддерживает его еще один, с голосом молодым и звонким. — Снарягу-то его все видели, «АПС», «АКС» с «подствольником»... По-любому — ОсНаз или разведка!

— Ну, какой, нахрен, ОсНаз?! — прерывает его пожилой. — Ты еще свою любимую песню о Спецназе ГРУ начни опять! Шевроны его где, нашивки? А жетон?

— Ну, предположим, жетоны у него есть, целых два. Только чудные какие-то. А может, правда, Спецназ ГРУ?

— Вот, блин, так я и знал, завелась балаболка! — вздыхает пожилой. — Нету никакого Спецназа ГРУ. Сказки это все. Сразу после Большой Тьмы еще были. Лихие хлопцы, упокой Господь их души, головорезы почище нохчей из Непримириемых Тейпов. Да только во время Резни тринадцатого года и полегли все. Это тебя, сопливого, тогда еще и в проекте не было, а мне уже тридцать два исполнилось. Мы тогда в Ханкале круговую оборону держали, а они эвакуацию отсюда, из Наура и Чернокозово, прикрывали. Вот последние беженцы, что в Червленную прорвались, и рассказали, что погибли они все до единого. До последнего патрона держались, а потом вроде как в рукопашную пошли. Им поначалу еще думали памятник поставить, как более-менее на ноги встанем, да так и не собрались. То одно, то другое. А сейчас уже, считай, тридцать лет прошло, про ту историю и не помнит почти никто.

— Владимирыч, так тел-то никто не видел! — не унимается молодой. — Значит, мог кто-то выжить. А вот теперь...

— А вот теперь им всем было бы лет по пятьдесят минимум, — безапелляционно заявляет пожилой, которого называли Владимировичем, — а то и шестьдесят с копейками. Ага, только у человека в таком возрасте и дел, что с автоматом по горам скакать! Юра, ты в своем уме вообще?!

— Да наемник он, ребята, точно вам говорю, — звучным басом снова вступает в спор Витя. — Кто еще, кроме наемника, будет на Терском фронте черный платок на голове носить? За такое и сами Вольные Стрелки по ушам настучат, коли узнают, и Непримириемые, ежели живым возьмут, на куски живьем пластать будут долго и с удовольствием. Не, ради понта никто черный платок таскать не будет — чревато.

— Да кто бы он ни был, — говорит Владимирович, — делает он тут что? Контуженый, все лицо в царапинах, автомат в свежем нагаре, и один магазин пустой. А следов боя вокруг — нет. И гильз стрелянных нет. И воронки от взрыва. Ну, Юрок, ты у нас главный фантазер. Есть идеи?

— Даже не знаю... С места боя сюда кое-как добрел и тут свалился. Откуда-то привезли, да и бросили.

— Ты его видел? Он имя свое сказать с первой попытки не смог. В таком состоянии если куда и прогуливаются, то только к Райским Вратам, прости Господи. Добрел он... А если завезли, то кто? Свои? Тогда почему бросили? Враги? Так что ж не добились или, в крайнем случае, не обобрали? Чертовщина какая-то. Будто с неба свалился...

Охренеть! Узнал, называется, что-нибудь интересное! От всего услышанного у меня аж голова пошла кругом. Что за Большая Тьма? Какие, нафиг, Непримируемые Тейпы, какая Дорожная Стража? Какая Резня тринадцатого года, если еще сегодня утром на дворе было 15 сентября 2010-го? От кого могла держать оборону Ханкала и с кем до последнего бился Спецназ? Да еще и тридцать лет назад. Тринадцать и тридцать, если мои скромные познания в математике не подводят, будет сорок три. Я что, в 2043 году? Хрень какая-то! Бред сивой кобылы!!! Так, стоп, не истери, товарищ прапорщик! Попробуем мыслить логично.

Значит, варианты следующие. Первый, я потерял сознание от сильного удара и брежу. На самом деле я сейчас не в этом дворе и не слушаю никаких разговоров, а тихо-мирно лежу под капельницей в госпитале. Второй, почти полностью повторяет первый, за исключением того, что я не в госпитале, а все еще валяюсь рядом с разбитым «КамАЗом». Хреновый такой вариант, потому как я либо сгорю вместе с грузовиком, либо кровью истеку, либо напавшие на колонну чечены меня добьют. Черт, что-то мне эта версия вообще не нравится! Так что мы ее, пожалуй, с негодованием отменяем. Опять же, где-то читал, что во сне и в бреду человек может испытывать любые эмоции, кроме удивления. А я сейчас удивлен очень сильно. Сильно щипаю себя за мочку уха. Ай, блин! Вот и боль чувствую. Не, какой-то уж слишком реалистичный бред выходит. А значит, все вокруг, скорее всего, реальность. Думаем дальше. Третий, самый фантастический, но чем черт не шутит — я провалился в параллельный мир. Или в будущее. А что? Сюжетец в современной фантастике популярный и не единожды разными авторами поюзанный. Правда, в книжках «попаданцы» — парни реальные, не чета мне, убогому. Или спецназовцы мегакрутые, способные тираннозавра в рукопашную уделать, попивая пивко и тиская эротичную блондинку. Одним словом, такие, что мне, простому «прапору» из ОМОНа, и в ногах-то у них валяться не позволят. Или башковитые — страсть, без единого гвоздя одним топором могут телегу в танк Т-90 переделать, формулу и ингредиенты бездымного пороха наизусть знают, на семи языках балаболят и учебник всемирной истории помнят от корки до корки. И попадают в основном в прошлое. Ну, и устраиваются соответственно: становятся царями-королями и прочими большими начальниками, побеждают всех злодеев и женятся на прекрасных принцессах. Или идут тайными советниками к Тамерлану, Петру Великому или, на крайняк, к товарищу Сталину. Мне до них далеко. Да и нету в пределах видимости никого, пусть даже отдаленно напоминающего товарища Сталина... Есть пятеро, кажется, каких-то мутных мужиков неподалеку, но вряд ли кому-то из них я нужен в качестве тайного советника.

Ладно, значит, либо параллельный мир, либо будущее некоторой степени отдаленности. Либо все-таки очень, я бы даже сказал невероятно реалистичный бред. Вызванный сильной контузией. Есть возражения по версиям? Да вроде нет. Значит, берем их за основные и по ходу дела будем искать им подтверждения или опровержения. Хотя, честное слово, больше всего на свете я сейчас хочу очухаться на госпитальной койке! Эх, мечты-мечты. Но мало ли что хочется, а делать приходится то, что надо. А надо устанавливать контакт с «аборигенами». Только осторожно, чтоб какую-нибудь глупость не ляпнуть или не отчебучить. Лучше всего поменьше говорить и побольше слушать. Пусть уж лучше молчаливым тормозом считают, чем болтливым шизофреником. А «аборигены», как по заказу, снова вспоминают обо мне: я слышу голос пожилого.

— Егорка, как там найденыш наш?

Мужик с «СКСом» в «уазике» оборачивается в мою сторону, и вижу, что это совсем молодой парень лет двадцати, правда, крепкий и широкоплечий, из-за чего я в его возрасте и ошибся. Да и темновато уже...

— В порядке, только пить хочется, и башка болит, — говорю я до того, как парень успевает открыть рот.

— Егор, твою мать, я кому сказал, глаз с него не спускать! А если б сбежал?!

— Батя, да я только...

— Не ругай парня. Куда б я сбежал, если все мое оружие и снаряга у вас? Опять же, в моем состоянии «до ветру» самостоятельно сходить — и то подвиг.

— Ишь, защитник выискался... Ладно, если в себя пришел, то подходи к нам, поговорим.

С трудом встаю на ватные ноги и, слегка покачиваясь, обхожу «УАЗ». На противоположной стороне сидят на вросших в землю бетонных блоках четверо мужчин. Один, седой бородатый старик, которого я видел, когда приходил в сознание. Хотя какой он старик? Лет шестьдесят, не больше, просто седина и борода его здорово старят. Остальные — двое крепких мужиков средних лет и молодой, чуть постарше сидящего в «УАЗе» Егора, светловолосый парень, одетые в армейский трехцветный камуфляжи в одинаковые разгрузочные жилеты. Все трое вооружены автоматами «АКСУ». На рукавах курток у всех одинаковые шевроны, но что на них изображено, мне в темноте не видно. У седого Владимировича оружия или нет, или он не держит его на виду. А еще в кабине «Бычка» я замечаю молоденькую, лет шестнадцати девушку. А я уж думал, что в отличие от седого она мне примерещилась.

— Ну, здравствуй, мил человек, присаживайся, давай знакомиться, — берет на себя роль старшего пожилой. — Меня зовут Тимофей Владимирович, этот оболтус в «УАЗе» — сын мой, Егор, а в грузовике Оксана, дочка. Это — Андрей, Виктор и Юрка. Они, как видишь, из Дорожной Стражи. А ты кто будешь?

— И вам всем доброго вечера. Так я уже вроде представлялся. Михаил меня зовут. Или вас еще что интересует?

Я опускаюсь на сильно выщербленный обломок бетонной сваи и выжидающе гляжу на собеседника.

— Тут, Михаил, такое дело. Ехали мы, значит, из Моздока в Червленную. Время позднее, решили в Алпатове заночевать, чтоб ночью через Мертвые Земли не ехать, проблем на задницу не ловить. Только в Алпатово въехали, смотрим, валяется неподалеку от дороги возле забора бесчувственное тело. Причем отлично экипированное и вооруженное. По всему видно, что совсем недавно это тело с кем-то бой вело и даже контузию заработало. А вот никаких следов этого самого боя вокруг в упор не видно. Не просветишь нас, как такое возможно?

Ну, Тимофей Владимирович, ты и задачки ставишь! Да кто б меня просветил, каким образом я умудрился выскочить из грузовика в 2010 году, а на землю упасть уже тридцатью годами позже! Что ж тебе ответить-то?

— Знаешь, Тимофей Владимирович, в одной мудрой книге сказано: «Во многие знания — многие печали». А еще есть такое понятие «военная тайна». Так что, извини, просветить я тебя и друзей твоих не смогу.

Вроде ничего получилось. И не сильно обидно, и многозначительно. Мол, не то, что нечего сказать, скорее — есть о чем промолчать.

— Так ты из военных или все-таки наемник?

Вот, блин, никогда бы не подумал, что случайно, под настроение купленная в магазине «Сплав» копеечная тряпка станет тут для меня определяющим признаком моего социального статуса. Зато отпала проблема кем представиться, чтоб никаких подозрений не вызвать. Все само собой и решилось. Ну, тогда и не будем отпираться. Наемник, так наемник. Не самый плохой вариант, если вдуматься. Приняли б меня за золотаря, было бы куда хуже. А военным называться опасно. Это «солдат удачи» — птица вольная, а у военных есть базы, командиры... Воинские звания, в конце концов! А я о здешних военных реалиях не имею ни малейшего понятия.

— Наемник.

— И как ты тут оказался и что с тобой случилось, нам значит, не скажешь? — угрожающе басит один из мужиков в камуфляже, тот, которого назвали Виктором и который опознал во мне по бандане наемника. Глядит мужик на меня хмуро, с угрозой. Да еще и автомат держит стволом в мою сторону...

— Нет. И что, может, пристрелишь меня за это?! — вскипаю я. — Обворовать уже обворовали, осталось пулю в башку загнать и все, концы в воду!!!

Виктор, похоже, подобного не ожидал и даже как-то растерялся. Зато тут же среагировал седой.

— Погоди, паря, не кипешуй. Никто тебя не обворовывал, вон оно, твое шмотье, возле Егора в «УАЗе» лежит. Хотели б прикончить, так пока ты без сознания валялся, ножом бы чиркнули, и всего делов. Так нет, мы возились с тобой, время теряли. А ты нам такие обвинения в лицо. И не стыдно?

— Извини, Тимофей Владимирович, но есть такая хорошая поговорка: «Не хочешь услышать ложь в ответ — не задавай вопросов». Вот она как раз про наш случай.

— Вот значит как? Ладно. Свой долг христианский, беспомощному помочь, мы выполнили. В розыскных ориентировках никого на тебя похожего нету. Но, скажу тебе честно, не нравишься ты мне, паря. Как рассветет, отдадим мы тебе твое барахло, и иди, куда тебе надо. Уж не знаю, что с тобой приключилось, но проблем, похоже, у тебя много. А мне чужие проблемы — ни к чему. И своих хватает. Прямо сейчас оружие мы тебе не вернем, уж извини, не доверяю я тебе. Так что ночью держись к нам поближе. Все-таки Мертвые Земли, сам понимать должен...

Уж не знаю, что такого я сам должен понимать об этих самых Мертвых Землях, но хорошее и спокойное место так назовут вряд ли. Поэтому уходить далеко от группы вооруженных людей (и от своего оружия) как-то и сам не собирался. Отойдя к руинам дома, я нашел там несколько относительно чистых и длинных досок, трухлявых, но, по крайней мере, сухих. Соорудив из них прямо на земле рядом с «УАЗом» какое-то подобие настила, поплотнее застегнул «горку» и лег. М-да, далеко не «Хилтон», но всяко лучше, чем на голой земле.

Не успел я толком улечься, как ко мне подошел и присел рядом молодой светловолосый Юрка.

— Слышь, мужик, будь человеком, скажи честно — ты из Спецназа ГРУ?

— Нет, парень, я из другого ведомства, извини.

Когда он, уходя, повернулся, мне, наконец, удалось рассмотреть нашитый на рукав шеврон. Кроме надписи «Дорожная Стража», на нем был вышит герб Терского казачьего войска: окруженный венком из лавровых ветвей двуглавый орел под большой императорской короной, на груди которого — черный щит, на котором перекрещиваются императорский штандарт и серебристая волнистая линия, символизирующая Терек. А чуть ниже щита — кавказский крест. Вот так вот, значит.

Закрываю глаза, пытаюсь осмыслить и систематизировать все, что услышал и увидел. Но в голове полнейшая каша. Нет, ребята, сегодня я обо всем этом думать не стану, иначе мои контуженные мозги точно закипят. Завтра, все завтра. А сейчас — спать.

Нас утро встречает прохладой... Ох, слабо сказано! Лично я замерз, как собака. Выползший под утро неизвестно откуда туман промочил меня насквозь. Этим-то хорошо, у них с собой куртки, а на мне даже легкого свитера нет, одна футболка под сырой навывлет «горкой». Чтоб не задубеть окончательно, вскакиваю и начинаю, несмотря на протесты не отошедшей от контузии головы, разминать затекшие мышцы и разгонять кровь по жилам. Вращаю руками, приседаю и выпрыгиваю, а потом просто падаю в упор лежа и в максимальном темпе толкаю сотню отжиманий. Когда я, задыхаясь и хрипло откашливаясь, рывком принимаю вертикальное положение, от меня валит пар. Жестоко, конечно, такие нагрузки без разминки... Но зато согрелся. Стоящий в карауле Витя смотрит на меня с уважением.

— Силен, бродяга. Это где ж так тренируют?

— Слушай, ну не начинай, а! Прав ваш Владимирович, не нужны вам мои проблемы. Все равно ведь помочь не сможете.

— Гляди... Может, и помогли бы. Но, если сам не хочешь — навязываться не будем. Человек ты вольный, как жить — сам решай.

Через некоторое время проснулись и остальные. Тимофей Владимирович и Егор

вытащили из-под пулеметной турели все мои пожитки и, демонстративно отстегнув «спарку» магазинов от автомата и разрядив «стечкина», вручили их мне.

— В общем, паря, бывай. Червленая по дороге направо, Моздок — налево. А там, топай, куда тебе надо. Бывай, — говорит мне на прощание Владимирович и лезет за руль «Бычка». Мужики из Дорожной Стражи свой «УАЗ» уже завели. Виктор и Андрей сели на передние сиденья, Юрка занял место у пулемета.

— Спасибо вам за помощь, и удачи! — отвечаю я.

— И тебе удачи, наемник. — Юрка на прощание машет мне рукой, и маленькая колонна трогается в путь. А я выхожу вслед за ней на дорогу, пытаюсь сообразить, что же мне, собственно, делать дальше.

Положение у меня — полный аллес! Нахожусь я, судя по всем собранным к этому моменту данным, в будущем. Примерно в 2043 году. Где-то между 2010 и 2013 годами тут приключился какой-то массированный армагеддец, оставшийся в памяти народной как Большая Тьма. Что бы это ни было, государство, похоже, рухнуло. В и так беспокойной Чечне началась очередная кровавая баня, которую Владимирович назвал коротким, но емким словом Резня. Воевали, видимо, вполне по-взрослому: Ханкала в осаде, Спецназ ГРУ, прикрывающий эвакуацию беженцев... Да и руины Алпатово, которые я вижу сейчас вокруг, красноречиво говорят сами за себя. Даже не сильно разбирающемуся в военных делах человеку станет понятно, что тут шел серьезный бой, с применением артиллерии, а возможно, и авиации. Кругом одни развалины: от той самой школы остался только первый этаж, да и тот черен от копоты и зияет многочисленными проломами в стенах. Да бог с ней, со школой. По всей улице, насколько мне отсюда видно, не осталось ни одного целого дома: осыпавшиеся заборы, проломленные крыши, слепые провалы без каких-либо признаков рам на месте окон. Да уж, неслабо они тут зарубились.

Порядок, по всей видимости, потом все-таки навели, об этом говорят наличие Дорожной Стражи из терских казаков, какие-то Комендатуры, загадочная ОВГ, в которой есть разведка и ОсНаз. Но при этом есть какие-то Непримиимые Тейпы (получается, что примиренные тоже есть?), Мертвые Земли, по которым никто не рискует ездить ночью, опасаясь проблем. Да сам факт существования такой «категории граждан», как наемники, тоже кое о чем говорит. В спокойных местах они просто не нужны, там и милиции за глаза хватает. Опять же, судя по брошенной Виктором фразе, здешние края называют теперь Терским Фронтом. Тоже деталь яркая и о многом говорящая. Фронт — это место, где идут бои. Других вариантов нет.

Так, ладно, с глобальными стратегическими вопросами закончили, пора переходить к конкретике. Где бы я сейчас ни находился, мне тут теперь придется жить. А что мы имеем для жизни? Сейчас поглядим... Не спеша подхожу к разбитой автобусной остановке, некогда сложенной из бетонных плит, покрытых незатейливой керамической мозаикой. От той, правда, не много осталось, но кое-какие элементы простенького орнамента еще можно разглядеть. Кстати, внешняя часть одной из стен здорово побита пулями. Если память меня не подводит, именно сюда я стрелял прямо перед тем, как снайпер убил водителя. Ну, вот и еще один факт в поддержку версии о провале в будущее. Лавочка внутри остановки тоже бетонная и вполне себе целая. Рукой смахиваю с нее всякий мелкий мусор, скидываю с плеч «РД» и начинаю инвентаризацию имущества. Итак, что у нас завалилось в «закромах Родины»?

Поехали по порядку, с того, что на мне. Летние армейские ботинки «Коркоран-Марадер». «Родные», штатовские. Сами из кордуры, носы и пятки — кожаные, с какими-то прочными вставками. Не новые, но еще вполне себе крепкие. Брезентовая «горка», нулевая, муха не сношалась. Специально для поездки в Моздок из баула достал, а до этого только в примерочной кабинке магазина ее и надевал. Под «горкой» камуфлированная футболка. На голове — та самая бандана черного цвета, благодаря которой я теперь обзавелся новой профессией. Погнали дальше. Оливкового цвета пластиковые наколенники, пусть и китайские, но зато хорошие. Уже не первую командировку со мной на Кавказ катаются.

Полезная штука. Полипропиленовый коврик-«поджопник» на резинке. Без него никуда. Не пробовали голым задом на броне посидеть? Летом она горячая, как сковородка, а зимой — ледяная. Так что, если здоровье дорого, в командировке на Кавказ коврик этот — твой лучший друг. Черные кожаные штурмовые перчатки с обрезанными пальцами и толстыми накладками на тыльной стороне ладоней и кинтусах. На левой руке древние, еще отцовские номерные «Командирские» на стальном браслете. Это вам не бестолковый новодел с красивыми, разрисованными эмблемами разных родов войск циферблатами, но с механикой, разваливающейся через полгода. Я их уже успел завести, узнав у Юры точное время, и они снова исправно тикают. Бронежилет БЖСН. По сравнению с другими «брониками» пятого класса защиты — довольно легкий, всего девять с половиной кило, и очень удобный. В начале девяностых такими все СОБРы экипированы были. И нахрена, спрашивается, с них на «Кору-Кулон» перешли? Разве что только из экономии. Потому как «Кора» дешевле раза в три. А что до надежности и удобства... Так когда такие мелочи интересовали генералов в штабах? Не им же в этих бронежилетах бегать. Шлем «Алтын» с интегрированным переговорным устройством и забралом, способным остановить пулю «ПМа». В таких парни из «Альфы» и «Вымпела» работают. Тяжеловат, конечно, зато, по идее, держит прямое попадание пули из автомата Калашникова, если она старого образца, без стального сердечника. Не знаю, правда, что при этом произойдет с находящейся внутри шлема головой и шеей, к которой та голова крепится. Забитая до отказа ременно-плечевая система. Обошлась она мне в свое время не дешево, но стоила всех заплаченных денег до последней копейки. На правом бедре — тактическая кобура с «АПСом» и запасным магазином к нему. На плече «семьдесят четвертый» «АКС» калибра 5,45 мм с пристегнутым к нему подствольным гранатометом ГП-30 «Обувка». По многочисленным подсумкам РПС рассованы и распаханы множество полезных вещей: восемь смотанных попарно автоматных магазинов-«тридцаток» и четыре «сорокапятки», которые вообще-то предназначены для ручного пулемета РПК, но вполне неплохо подходят и к «АКСу», десять сорокамиллиметровых ВОГов для «подствольника», ИПП, жгут, оранжевый «портсигар» индивидуальной аптечки. На груди в специальном чехле для ножен — нож. Самодельный, с наборной рукоятью из кожаных колец и длинным, почти с ладонь, широким клинком из хирургической стали. Мой трофей из 99-го года, снятый с трупа чеченского боевика. Кстати, совсем недалеко от этих мест я его добыл, на Терском хребте, до которого километров тридцать всего. Две ручные дымовые гранаты, черного и белого дыма. В потайном кармашке, не найденном моими новыми знакомыми, служебное удостоверение и кожаное портмоне. А в нем две с половиной тысячи рублей и долларова банкнота в прозрачном кармашке для фотографий, «чтоб деньги водились». Кроме того, в «мародерке»⁵ завалялись пенал для чистки автомата, масленка и кусок ветоши, цифровой фотоаппарат в чехле (цел, слава богу, не раздавился) и маленький многофункциональный «складень». Не швейцарский «Викторинкс», конечно, но, с другой стороны... Лезвие есть? Есть. Ложка, вилка, открывалки для бутылок и консервных банок, штопор? Тоже есть. Ну, тогда остается только процитировать бессмертную фразу Яковлева из «Ивана Васильевича»: «Чего ж тебе еще надо, собака?!» Еще два смотанных магазина: один полный и один опустевший — присоединены к автомату.

Ладно, с носимым имуществом разобрались, пора «потрошить» РДшку. В одном боковом кармане две банки тушенки, упаковка армейских галет, полотенце в целлофановом пакете и завернутые в него «мыльнорыльные»: зубная щетка, паста, бритвенный станок, мыльница и маленький баллончик пены для бритья. Во втором — три гранаты РГО, запалы к ним, полрулона туалетной бумаги и свернутый кое-как старенький маскхалат. Я в нем

⁵ «Мародерка» — она же «сухарка», она же «дей-пак», небольшого размера подсумок для всякой всячины, крепящийся к разгрузочному жилету или РПС на спину или на поясницу.

стройматериалы вчера грузить помогал. Что? Откуда взялись такие гранаты, коли в МВД их не выдают? А не ваше дело. Откуда надо, оттуда и взялись. В самом большом центральном отделе нераспечатанный цинк «пятеры» — одна тысяча восемьдесят штук, еще три снаряженных магазина к «АПСу», пластиковая американская армейская литровая фляга с залитым в нее еще в Моздоке зеленым чаем «Липтон» и тактический подствольный фонарь. Я его к автомату не креплю — ГПшка мешает. Но вообще фонарь хороший, мощный и экономичный. Опять же, в родном ОМОНе на халяву выданный. А меня отец еще в детстве учил: дают — бери, бьют — беги. Первую часть совета я выполняю всегда, вторую — гляжу по обстоятельствам. Откуда пять магазинов к пистолету, если положено только два? А оттуда же, откуда и гранаты. Места надо знать! Нахрена мне вообще такой арсенал? А чтобы было! Кто параноик, я параноик? Ну, возможно, и параноик. Зато живой. А был бы нормальный, давно бы в какой-нибудь яме под Грозным гнил. За последние неполные шестнадцать лет я твердо уяснил одну истину: патронов бывает или очень мало, или просто мало, но больше уже не поднять. А помимо всего прочего в РД лежит обмотанная скотчем картонная коробка, которую наши парни, пригнавшие колонну из Москвы в Моздок, велели аккуратно довести до базы и передать лично в руки нашему связисту Андрюхе Баранову. Ну, боюсь, к Андрею содержимое коробки уже не попадет, а вот мне может и сгодиться. Ножом разрезаю скотч, открываю. Нормально! Портативный радиосканер «Кенвуд», зарядное устройство и два запасных аккумулятора. Нужная штука. Подсоединяю батарею, включаю сканер. Ноль внимания, фунт презрения. Повторяю процедуру со второй батареей. Результат тот же. Ладно, не беда! Когда обнаружу электричество, тогда и заряджусь. Аккуратно пакую все назад в коробку и убираю в РД. Что, все? Ну не фонтан, конечно, но куда лучше, чем совсем ничего. Еды, правда, мало, что не радует. Но я — мужик тренированный, будет нужно, на этих двух банках суток трое продержусь без проблем.

Так, теперь пора двигаться в путь. Куда? Да хрен его знает! Куда глаза глядят. Как говорится — война тропу укажет.

Вот, блин, никогда еще на моей памяти поговорки не были столь буквальные. Стоило мне подумать об указывающей тропу войне, как со стороны, в которую ушла колонна, загремела пальба. Сначала резкий сухой хлопок «СВД», а потом раскатистое лязганье «ПК», перекрывающее тарахтение автоматных очередей, судя по звуку, «АКМ» или «АКМС».

Одним движением закидываю РДшку за спину и бегу на выстрелы. Не по дороге, разумеется, я ж не самоубийца, а по дворам разрушенных домов. На ходу меняю наполовину израсходованную «спарку» магазинов на новую. Кросс выдался что надо, колонна за это время успела проехать все село, а это — порядка трех километров. Бегом — минут пятнадцать-двадцать, не меньше. Не успею! И точно, сначала, после еще одного щелчка «СВД», резко обрывается очередь «ПК», потом несколько раз часто щелкает Егоров «СКС», снова трещат автоматы... И наступает тишина. Матерясь про себя, изо всех сил ломлюсь вперед, стараясь при этом ничем не шуметь. В воздухе ощутимо завоняло сгоревшим порохом. Уже близко. Перехожу с бега на быстрый шаг и пытаюсь перевести дыхание.

Из-за невысокого, почти целого забора слышны голоса. Похоже, я на месте. Пригнувшись, крадусь вперед, внимательно глядя под ноги. Еще не хватало, чтобы под ногой какой-нибудь мусор затрещал не вовремя. Говорят за забором громко, почти кричат, но у меня в ушах все еще стоит пронзительный звон. Хотя вчера было хуже. Опускаюсь на одно колено прямо перед забором. Голоса слышны так хорошо, будто говорят буквально в двух шагах от меня. Я не слишком хорошо говорю по-чеченски, но за пятнадцать с лишком лет нахватался достаточно, чтоб понять, о чем идет речь. Однако слышать — это хорошо, а вот слышать и видеть — гораздо лучше. Перебираюсь вдоль забора к ближайшему пролому, осторожно выглядываю наружу.

Да уж, «Приплыли», художник Репин, картина маслом... «Бычок» стоит прямо посреди дороги, а «УАЗ» съехал на обочину и уткнулся мощным кенгурятником в фонарный столб. Лобового стекла нет, одни осколки в раме, ствол «ПК» на турели уныло повис вниз. Трупы

Виктора и Андрея уткнулись в приборную панель лицами. Похоже, они умерли, даже не успев понять, что попали в засаду. Их камуфлированные куртки изодраны пулями и набухают кровавыми пятнами. Тело Юрки лежит на потрескавшемся асфальте рядом с «УАЗом», посреди россыпи ярких латунных гильз. Скорее всего, его «снял» из «СВД» снайпер-чеченец, молодой, тощий и нескладный хмырь с длинными и давно не мытыми волосами, который, закинув винтовку за спину, деловито ковыряется сейчас в салоне «уазика», а потом, уже лежащего на земле, добили автоматчики. Еще двое, тоже совсем сопляки, не старше двадцати, похожие словно братья, да еще и одетые в одинаковые, застиранные маскхалаты расцветки «партизан», не спеша, с шутками-прибаутками раскладывают Оксану прямо на дороге возле «ЗИЛа». Та еще трепыхается, но одежду с нее уже сорвали, и ее сопротивление только еще больше распаляет насильников. В нескольких шагах от них четвертый, стоящий ко мне спиной, лениво, но с явным удовольствием буцкает ногами Егора, голени которого перебиты автоматной очередью. Его карабин и ремень с подсумками валяются рядом. Похоже, он успел выстрелить, да вот только ни в кого не попал. Последний, видимо, старший и по возрасту и по положению, заросший до бровей густой черной бородой, вооруженный ручным пулеметом РПК калибра 7,62 мм с «банкой» на 75 патронов, присел с ножом в руках рядом с лежащим на земле Тимофеем Владимировичем. Угу, экспресс-допрос в полевых условиях во всей своей красе. Будешь молчать — выколет глаз или ухо отрежет.

— Колонн мич адаш ю?⁶

— В Червленную, мы из Моздока с товаром едем.

— Вуш мича бу?⁷

— Больше нету никого, двумя машинами шли. Слушай, там товар в машине — забирайте все. И деньги возьмите, у меня есть немного. Только девочку и парня отпустите, и мы уйдем, а?

— А ху бох, ерси джалеш? — Бородач с мерзким смешком оборачивается к «сладкой парочке», что уже прижала руки и ноги девушки к земле. — Эй, уш да бага гэрташ бу! Мегар ду?⁸

— Бо дуй те? — они раздражаются громким, почти истерическим хохотом, к которому присоединяются и снайпер у «УАЗа», и урод, мордующий раненого Егора. — Нет, блядь, мегар дац!⁹

Так, с происходящим мне уже все ясно, пора эту клоунаду заканчивать. Троица возле «Бычка» стоит почти идеально, и я валю их одной длинной, патронов на пятнадцать, очередью. Снайпер, поймав пулю в затылок, умирает следующим, сложившись, словно марионетка с оборванными ниточками, у заднего колеса «УАЗа», рядом с телом Юрки. Допрашивающий старика главарь успевает довольно толково, кувырком через плечо, уйти с линии огня, и пули только рвут чахлую травку в том месте, где он только что сидел. Но вот времени перекинуть «РПК» из-за спины я ему давать не собираюсь. Мой «АКС» выплевывает еще одну короткую очередь, и чеченец, словно налетев на какое-то препятствие, замирает. Только ноги его еще несколько секунд продолжают конвульсивно дергаться, загребая серую пыль. Все, финита мля комедия! Не опуская автомата, выхожу сквозь пролом в заборе наружу. Быстрым шагом обхожу поле боя и всаживаю каждому из боевиков еще по одной пуле в голову. Как давным-давно говорил мой первый армейский

⁶ Куда идет колонна?

⁷ Где остальные?

⁸ Что ты говоришь, русская собака? Эй, они хотят уйти! Можно? Серьезно?

⁹ Нет, блядь, нельзя!

инструктор по боевой подготовке прапорщик Комаров: «Только мертвые в спину не выстрелят». Прохожу мимо сжавшейся в комочек Оксаны, зыркающей на меня огромными испуганными глазами. Не глядя, на ощупь вытягиваю из РДшки скомканный маскхалат. Кидаю ей.

— На, малыш, оденься. Он не очень чистый, зато целый.

Подхожу к Егору. Да уж, тут дела не очень. Перебиты обе голени. Острые сколы костей выпирают сквозь ткань штанин. Ладно, бывало и похуже. Присаживаюсь рядом с ним на корточки.

— Жгут есть? А то у меня всего один.

Он отрицательно мотает головой, а потом кивает в сторону «УАЗа». Понял, потерпи немного, я сейчас.

Юрка, оказывается, жив. Стоило мне только дотронуться до его залитой кровью «разгрузки», как он открывает глаза.

— Помоги, — шепчет он, хватая меня за рукав «горки», а на губах у него лопаются пузыри кровавой пены.

— Сейчас, браток, потерпи чуть-чуть, — отвечаю я, прекрасно понимая, что сделать ничего не смогу. Куртка на его груди изорвана пулями в клочья, то, что он все еще жив, — это просто чудо. Но вот-вот это чудо закончится.

— Скажи, кто ты?

В глазах у этого мальчишки столько мольбы и надежды, что я просто не могу ответить по-другому.

— Я офицер Спецназа Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба, парень. Здесь нахожусь с секретным и очень важным заданием.

— Я знал... — чуть слышно выдыхает он. На новый вдох его жизни уже не хватает.

— Прости, брат. — Я закрываю Юрке глаза и отхожу к «УАЗу». Обшаривать карманы умершего у меня на руках человека я не смогу. Зато в автомобильной аптечке нахожу и жгут, и пару рулонов какого-то странного, слишком толстого, но вполне чистого бинта.

Иду назад к раненому. Девчонка уже натянула на себя мою «березку»,¹⁰ в которую ее, честно говоря, можно завернуть два раза, да еще и место останется. А жаль, блин! Малолетка она еще, конечно, но вот грудь — размер третий, не меньше, и вполне даже красивой формы, приятной мужскому глазу. Да и ножки ничего, длинные, стройные. Так, стоп! Что-то тебя, милый мой, не в ту сторону занесло. Вот что полтора месяца воздержания с мужиками делают! Теперь она сидит рядом с братом и рыдает в два ручья, размазывая слезы по симпатичной мордашке.

— Егорка, тебе больно?

Обожаю женщин! Нет, мля, дура, щекотно ему! С перебитыми-то ногами!!! Но вслух я, разумеется, ничего похожего не скажу. Ей, бедной, сегодня и так досталось. Присев рядом, говорю:

— Не реви, все нормально, рана не сильно опасная. Через пару месяцев бегать будет — не догонишь.

Леплю ей эту успокоительную чушь, а сам меж тем, достав из «мародерки» свой жгут в пару к найденному, накладываю их парню поочередно на обе ноги.

— Ты лучше, красавица, чем сырость разводить, нашла бы мне четыре дощечки или чего-нибудь в таком роде вот такой вот длины. — Я развожу ладони примерно на метр. — На шины.

— Хорошо, — отвечает та и, шмыгнув носом, отправляется на поиски.

Ищет не долго, просто запрыгивает в кузов «Бычка», с треском ломает там какой-то ящик и приносит мне четыре вполне приличные дощечки, ровные и прочные.

— Ай, молодца. А теперь пойдешь в сторонке погуляй. То, что тут сейчас будет, тебе не

¹⁰ «Березка» — один из вариантов камуфляжной расцветки маскхалатов.

понравится.

Ножом разрезаю залитые кровью штанины, освобождая раны. Протягиваю парню свой кошелек.

— На, в зубах зажми, сейчас больно будет. Готов?

Тот отважно кивает головой, но стоит мне дотронуться до его ноги, взывает дурным голосом. За спиной слышу сдавленный всхлип. Не ушла-таки Оксана.

— Кому, млядь, сказано — брысь отсюда! — рыкаю, обернувшись через плечо.

Девчонка, всхлипнув еще раз, стремглав отскакивает на несколько метров. Блин, да в кого ж я сегодня такой добрый-то, а?! Достаяю из оранжевой аптечки одну из пяти ампул буторфанола,¹¹ которые я, как старший группы, получил еще в Моздоке. Ослабив жгуты, прямо сквозь штанину вкалываю ее Егору в ягодицу.

— Кайфуй, салага!

Когда буторфанол подействовал, снова затягиваю жгуты, быстро и сноровисто (еще бы, пятнадцать лет практики в области военно-полевой хирургии даром не проходят) вправляю кости, упаковываю в шины обе ноги.

— Ну, вот и все. Теперь его в кузов и к врачу. Оксан, у вас в Червленной врач как, хороший?

— Хороший, — раздается за спиной голос Тимофея Владимировича.

Блин, ну ты и кретин, товарищ прапорщик! Как же ты про старика-то позабыл! Брат милосердия, мля, защитник всех немощных и болящих! С показным спокойствием, не спеша, оборачиваюсь на голос. А дедуля-то у нас еще крепкий. Довольно увесистый «РПК» в руках держит не напрягаясь. Ствол не на меня направлен, уже хорошо. Ладно, похоже, пришло время снова дипломатию разводить. А как, ежели я в местных реалиях по-прежнему ни ухом, ни рылом? Остается следовать прежнему варианту — изображать молчаливого, но очень крутого и очень уверенного в себе парня.

— Слышь, отец, ты пулеметик-то поставь на землю от греха. А то утро у меня какое-то нервное нынче. Не вышло бы чего...

Похоже, выгляжу и звучу я вполне убедительно. Владимирович тут же опускает пулемет себе под ноги и примирительно выставляет перед собой пустые ладони.

— Не, паря, ты не так понял, я ж его взял, чтоб тебя прикрыть, пока ты с Егоркой нашим возишься. А так, оно понятно, твой трофей, с бою взятый. Все чин по чину, мы и не претендуем.

Угу, вот оно значит как. Если что в бою добыл — то твое, без вариантов. Военный трофей, все такое. Учтем.

Начинаю повторный обход окрестностей, но теперь уже с сугубо меркантильной целью добыть чего полезного. Парочка в «партизанах» одаривает меня двумя «бывалыми» «АКМами», причем у одного приклада нет совсем, а у второго, вместо штатного, к автомату прикручено какое-то коряво выструганное деревянное безобразие. Хорошо хоть ошкурить догадались. Тюнинг по-чеченски, блин! Кроме того, снимаю с них шесть ребристых металлических магазинов, два вполне приличных охотничьих ножа и навскидку примерно полторы сотни автоматных патронов калибра 7,62 россыпью в старом солдатском вещмешке-«сидоре». «Разгрузки» не беру: старые, рваные, да еще и моими пулями побитые и кровью залитые. Не, нафиг! У снайпера разживаюсь, помимо СВДшки, еще и подсумком с пятью запасными магазинами, стареньким, вытертым почти до белизны «Макаровым» с единственным магазином и самодельным ранцем, здорово похожим на «РД-54», доверху забитым полосками копченого мяса. То ли самый «нехват»¹² в группе, то ли просто его очередь нести продукты была. Возле пинавшего Егора боевика подбираю вполне прилично

¹¹ Буторфанол — буторфанола тартрат, аналог промедола.

¹² «Нехват» (армейский сленг) — вечно голодный человек, обжора.

сохранившийся «АКМС» с зачем-то нацепленным на складной приклад резиновым затыльником от «ГП-25» и примкнутой «спаркой» из двух смотанных «валетом» рыжих пластиковых магазинов-«сороковок» для «РПК» старого образца. Переворачиваю труп на спину, поглядеть, нет ли чего еще. И зря! Найти один черт ничего не нашел, а вот настроение себе испортил: убитый оказался совсем мальчишкой, если судить по безусому лицу — хорошо если шестнадцать было, а то и меньше. Тьфу, мля, ребенка застрелил! Хотя, чего ты комплексуешь, Миша? Не окажись тебя рядом, чем бы сейчас этот ребенок занимался? И понравилось бы это занятие Оксане и Егору? Сомневаюсь... Самым «щедрым» оказывается бородатый командир маленькой банды: с него снимаю довольно неплохую «РПС» с двумя запасными «банками» к пулемету в специальных подсумках, кобуру с «ПММ» вполне приличной сохранности и при запасном магазине и старый, но неплохо сохранившийся ножевой штык. По виду — от «СВТ-40». И где достал-то? В ранце на спине, кроме каких-то завернутых в ткань объедков, которые я тут же отбрасываю в сторону, нахожу банку говяжьей тушенки, «консервный нож» для открывания патронных цинков и три гранаты: две выдавшие виды, поцарапанные и помятые «РГД-5» и еще один «музейный экспонат» — доисторическую «РГ-43» в рубчатой осколочной «рубашке». О, блин! Такие и в первую чеченскую-то были незнамо каким раритетом, а уж теперь — и подавно! А еще там обнаружился толстый кожаный шнурок с нанизанными на него самодельными жетонами. «Умаров Хасанбек Исламович, 22.09.2015 г.р. Охранная Рота Аргунской Комендатуры», «Сергеев Роман Юрьевич, Дорожная Стража ст. Петропавловская», «Терехов Андрей Степанович, Дорожная Стража ст. Петропавловская», «Керчинский Артем Васильевич, 10.07.2020 г.р. О (I) Rh + 3-я Рота ОсНаз, Ханкала»... Там было еще несколько, но читать дальше смысла не вижу, все и так понятно. Времена снятых скальпов и отрезанных ушей прошли — негигиенично, да и пованивает. Но отчетность — превыше всего! Сволочь! В сердцах пинаю труп бородатого ногой под ребра и отхожу назад к «Бычку», свалив все свои «приобретения» в кучу возле стоящего на сошках «РПК». Тимофей Владимирович с дочерью, как я вижу, тоже время зря не теряли: Егор уже лежит в кузове «Бычка» на каких-то тюках, там же, у края борта, аккуратно уложены под старой, но чистой плащ-палаткой тела мужиков из Дорожной Стражи, снятый с турели «ПК» и принадлежавшие им автоматы. Егоров ремень старик уже нацепил себе на пояс, а карабин закинул за плечо. Трупы бандитов просто и без затей оттащены на обочину и уложены рядком.

— Спасибо тебе, парень, — говорит старик, подходя ко мне и протягивая руку. — Виноват я перед тобой, извини.

— Брось, Владимирыч, в чем виноват-то? — отвечаю я, пожав протянутую ладонь. — В том, что с ходу подозрительному типу не поверил? Так я, честно говоря, на твоём месте точно так же себя вел бы. Не пристрелил, оружие и снаряжение вернул — уже не мало. Так что не за что тебе извиняться.

— Да что ты заладил, Владимирыч, Владимирыч, зови дед Тимоха, меня все так зовут.

— Ладно, договорились.

— А ведь ты не местный, Миша, — вдруг задумчиво говорит старик. — Издалека?

— Да уж, не местный...

— Оно и видно. Местные б уже давно с нохчей «волчьи головы» резать кинулись.

Когда я шмонал трупы, то и впрямь заметил на рукавах у всех пяти чеченцев почти одинаковые вышитые гладью оскаленные волчьи головы на фоне двух тейповых башен.

— А что, за них что-то получить можно?

— Так Генерал-Губернатор, дай бог ему здоровья, еще когда за каждый такой десять рублей серебром назначил. Сдать за награду можно в любой Комендатуре.

— И что, никто не мухлюет?

— Да были желающие. Поймали и вздернули. Новых не нашлось пока.

— Однако... Спасибо за совет, не знал. Да, кстати, а с оружием Стражи чего?

— Ну, вообще, конечно, можешь и себе забрать или в ближайший Отдел Дорожной

Стражи сдать за выкуп. Но это тебе в минус будет. Не дело это, на смерти братьев по вере деньгу зашибать. Не по-христиански.

Я киваю, мол, понял, и, отойдя на обочину к трупам боевиков, ножом отхватываю от рукавов куски ткани с вышивками.

Когда возвращаюсь, Оксана уже сидит в кабине «ЗИЛа», а дед Тимоха стоит у кучи моих трофеев.

— Ну, чего, Миша, предложение у меня к тебе есть: может, с нами в Червленную двинешь? Или какие иные планы есть? У нас там и оружейная лавка есть, туда можно все это добро сдать, если оно тебе не нужно. И Комендатура, за «бошки» деньги получить. И трактир хороший, там как раз ваши собираются.

— Что, на все Червленную один трактир?

— Почему один? — даже обижается Тимофей Владимирович. — Трактиров у нас только больших четыре, но ваши только в «Псарне» сидят. Ее бывший наемник Кузьма Четверть держит, вашему брату у него скидка. Давай, поехали. Опять же, маскхалат твой вернуть надо. Не здесь же Ксюшке его снимать?

От такого предположения Оксана залилась краской и стрельнула в мою сторону чернющими глазами. Не собираюсь ли я свое имущество назад прямо сейчас потребовать? Причем по взгляду и не понять, боится она этого или совсем даже наоборот. Тьфу, блин, так и не научился я в свои тридцать четыре женщин понимать!

— Ладно, дед Тимоха, уболтал, поехали. А с этими, — я киваю в сторону трупов на обочине, — и с «уазиком» чего делать будем?

— А что мы можем? «УАЗу» хана, радиатор и движок пулями сильно побил. Так что в Червленной на въезде старшему наряда Стражи скажем, они за своей техникой точно поедут. Если не починят, так на запчасти разберут. Ну, и этих прикопают заодно.

— Понятно.

Я закидываю свои трофеи в кузов «Бычка» на какие-то плотно набитые брезентовые баулы рядом с Егором и лезу в кабину. Поехали.

Едем довольно шустро, насколько позволяет состояние дороги. Нет, можно было бы и побыстрее, не развалились бы, но с раненым в кузове играть в Шумахера не стоит. Я загодя достал из трофейного ранца несколько кусков мяса и сейчас с удовольствием лопаю. Вкусно. Похоже на говяжий балык, что я когда-то пробовал на Украине. Вот только специй, на мой взгляд, многовато. Я хоть острое и люблю, но тут — явный перебор. А дед Тимоха рассказывает мне про свое житье-бытье, про то, что держит в Червленной небольшую, но популярную в народе лавочку, торгующую экипировкой, снаряжением и форменной одеждой и обувью. Товар закупает оптом в Моздоке. Решаю кинуть первый пробный камень и проверить, сильно ли изменился Моздок за эти тридцать лет.

— В «Икаре»¹³ покупаешь?

— Не только, но и там тоже, — отвечает дед Тимоха и продолжает свой рассказ.

Домой они обычно возвращаются с большими военными конвоями, такой как раз выйдет из Моздока и пойдет в Ханкалу послезавтра. Но у какой-то подружки Егора и Оксаны завтра день рождения, они вскладчину уже и подарок прикупили. Вот и уговорили отца выехать вчера, напросившись в компанию к знакомому патрулю Дорожной Стражи. М-да, вот и прокатились...

Доедаю мясо и достаю из РДшки флягу с зеленым чаем. Делаю пару больших глотков. Нет, жить определенно хорошо! Спohватившись, предлагаю угоститься попутчикам. Дед Тимоха, объезжающий очередную промоину на дороге, только отрицательно крутит головой,

¹³ «Икар» — находящаяся в Моздоке компания, занимающаяся изготовлением экипировки и снаряжения и пошивом форменного обмундирования.

а вот Оксана берет у меня протянутую флягу.

— Ой, а что это такое?

А, ну да, видимо, чай «Липтон» тут не так хорошо известен, как в наше время. Вдруг захотелось подурить. Я делаю страшное лицо и зловещим хрипящим шепотом сиплю:

— А это, девица, зелье приворотное! Теперь навек моя будешь!!!

Несколько секунд наблюдаю, как испуганно вытягивается ее симпатичное личико и широко раскрываются и без того большущие глаза, а потом, не выдержав, сначала прыскаю в кулак, а потом начинаю хохотать в голос.

— И не стыдно тебе, взрослому мужику, девчонку-то кошмарить? — укоризненно, но широко при этом улыбаясь, качает головой дед Тимоха.

Оксана, сообразив, что я пошутил, фыркает, будто возмущенная кошка, бросает фляжку мне на колени и отворачивается. Сквозь шум двигателя и дребезжание кузова слышу ее обиженный шепот:

— Дурак.

Снова ухмыляюсь, а потом пробую вытянуть из словоохотливого Тимофея Владимировича еще хоть какую-нибудь информацию.

— А что, чеченцы у вас тут часто такие фортели выкидывают?

— Да что ты, Мишань. Местные-то, равнинные, только сразу после Большой Тьмы, когда мы с Америкой друг друга расхерачили, бузили. Побандитствовали не слабо, но только после того, что им ханкалинские устроили, затихли, как отрезало. А все это уже сколько лет назад-то было! Так, сейчас, ну да, аккуратно в тринадцатом году вояки по ним утюгом и проползли. И вот уже двадцать семь лет — тишина. Живут как нормальные люди: торгуют, скот, виноград и хлебушек растят. В Комендатурах служат и в Дорожной Страже. Только вот развалины тут да вокруг Шали на память о тех временах и остались. Мертвая Земля... А эти, — он неопределенно махнул рукой себе за спину, — они не местные. Из горских Непримиримых Тейпов. У них как молодняк подрастет, так идут в набег на равнину. Обряд этой, ини... или... тьфу, блин, посвящение в воины, короче.

— Инициация? — автоматически подсказываю я, а у самого голова занята совсем другими мыслями. Значит, Большая Тьма — это война, причем скорее всего ядерная. Центральная власть, похоже, физически исчезла вместе с Москвой. И местные «зверьки» начали вовсю резвиться, позабыв, что вместе с Москвой и центральной властью исчезли и те, кто не давал военным порвать их в клочья. И военные устроили то, что дед Тимоха назвал коротким, но емким словом «Резня». Судя по тому, как сейчас выглядит Алпатово, было весело.

— Точно, она самая. Вот, видать, опять подросли волчата, крови попробовать с гор спустились. Вот и хлебнули от души... Слушай, а ты вообще чем заняться-то думаешь?

— Вот приеду, осмотрюсь, тогда на месте и посмотрим. Хорошему бойцу всегда дело найдется, — уклончиво отвечаю я.

— Это ты прав. Дел нынче много. Можно в Вольных Стрелках походить, у них сейчас вроде Костя Убивец старший. Заседают в «Псарне». И заказы к ним идут все время, Охранные Роты Комендатур да ханкалинский ОсНаз не везде и не всегда успевают. Но Убивец не всякого к себе возьмет. Можно в нашу Комендатуру, в Охранную Роту. Комендант наш, капитан Костылев Игорь Васильевич, мужик хороший, справедливый. Про него еще ни один подчиненный дурного не говорил. А уж я со служивыми у себя в лавке каждый день общаюсь. А то вообще дуй в Объединенную Войсковую Группировку в Ханкале. К Генерал-Губернатору. У меня там Федька, старший мой, уже до старшины во Второй Роте ОсНаз дослужился. Скажу ему, он за тебя похлопочет. Парень ты крепкий, умелый. Вступительные испытания пройдешь без проблем.

— Да ну ее, Ханкалу. Равняйся-смирняйся, ходить только строевым шагом да каждому фонарному столбу воинское приветствие отдавать? Нет, не мое это!

Ох, рискую, конечно, откуда мне знать, может, теперешняя Ханкала от той, что знаю я, отличается очень сильно. Хотя что-то подсказывает мне, что место, в котором старшим

сидит человек в звании Генерал-Губернатора, иным быть просто не может.

— Это да, — поддерживает меня старик. — Дисциплина там серьезная. Так и жалованье не маленькое.

— Не, Владимирыч, не все в этом мире решают деньги. Мне свобода дороже. Не люблю я над собой толпы начальников. Кстати, о деньгах. А цены-то у вас тут какие?

— Это смотря на что.

— Меня в первую очередь на оружие интересуют. А то пойду в вашу оружейную лавку «стволы» сдавать, а меня там и надуют.

— За это не переживай. Сергей Сергеич, который в «Ратнике» хозяин, мужик правильный, душить не будет.

— И все же. Вот такой вот «АКС» как у меня, к примеру, за сколько возьмут?

— Такой, как у тебя? Ну, рублей пятьдесят за него дадут, за «Костер»¹⁴ еще сороковник, а то и полтину.

— Это «Обувка».

— Чего?

— Говорю, «Костер» — это ГП-25, а у меня — ГП-30 «Обувка».

— А, ну тогда точно полтину.

— Ну а если, скажем, «АКМ», вроде тех, что в кузове лежат?

— Уууу, паря, за это дерьмо много не выручить...

И мы с Тимофеем Владимировичем погружаемся в обстоятельную беседу на тему достоинств и недостатков разных образцов огнестрельного оружия и цен на него в лавке пока не знакомого мне Сергея Сергеевича. За беседой проскакиваем развалины Чернокозова и Мекенской. Скоро уже и Червленая.

Если Алпатово и Чернокозово выглядели для меня вполне знакомыми, конечно, с поправкой на то, что я помню их целыми, а теперь они разрушены, то вот Червленая изменилась настолько сильно, что я даже опешил. С ходу удалось опознать только лежащее слева от дороги озеро да поворотный круг на Толстой-Юрт и Грозный с высокой стелой-шпилькой и надписью «Червленая». В остальном — ничего общего. Я помню привольно раскинувшуюся на равнине перед Теремом станицу с широкими улицами и просторными дворами вокруг каждого дома. Сейчас передо мной только тянущийся вправо и влево на несколько километров земляной вал, высотой не меньше четырех метров, по гребню которого стоят невысокие вышки с прожекторами. Ближе к вершине видны обложенные бетонными блоками бойницы огневых точек. Большинство сейчас пусты, но из некоторых торчат стволы «АГСов», «СПГ» и крупнокалиберных «Кордов» и «Утесов». Я такие фортификационные сооружения видал только в Ханкале своего времени: внутри этих валов проложены обшитые изнутри досками ходы сообщения, по которым можно спокойно ходить, не пригибаясь, и оборудованы хорошо укрепленные огневые точки. Если и не линия Маннергейма, то не намного хуже. Перед открытыми сейчас внушительной толщины железными воротами с трехметровой, примерно, высоты створками — шлагбаум и бетонный колпак КПП, больше похожий на дот, а может, им и являющийся. Возле шлагбаума стоят двое парней в обычной армейской «Флоре» с шевронами Дорожной Стражи, в стареньких бронежилетах, вооруженные «веслами»¹⁵ с цевьем и прикладом из коричневого пластика.

Повинуясь взмаху руки одного из часовых, наш «Бычок» замирает перед КПП. Я замечаю, что, кроме двух часовых, за нами из бойницы дота приглядывает еще один боец. Причем его взгляд сопровождается движениями ствола «Печенег». Все у парней серьезно.

¹⁴ «Костер» — сорокамиллиметровый подствольный гранатомет ГП-25.

¹⁵ «Весло» — автомат «АК-74» с нескладывающимся прикладом.

— Здорово, Тимофей Владимыч! Чего там у тебя стряслось? — слышится голос откуда-то сверху.

Чтобы увидеть говорившего, мне, с моим немаленьким ростом, приходится пригнуться и неудобно вывернуть шею. На небольшой площадке на гребне насыпи стоит невысокий, но мощный, что называется, «поперек себя шире», усатый дядька лет сорока, одетый в «горку» и черный берет без кокарды. На правом нарукавном кармане вижу такой же шеврон, что и у погибших в Науре бойцов и часовых на КПП.

— Это не столько у меня, сколько у тебя стряслось, Петрович, — отвечает ему дед Тимоха, выбравшись из кабины и опершись на крыло. — В Алпатове на нас «волчата» навалились... Короче, нету больше ни Андрея Петренко, ни Вити Смирнова, ни Юры Семенного. Тела и оружие их у меня в кузове, «УАЗ» накрылся, на месте пришлось бросить. И Егору моему ноги перебило, к врачу надо срочно.

— Вот ты ж, млядь! Ну, как же парни так попали, а?! А как ты отбился-то?

— Да мир не без добрых людей. Господь послал защитника. Он один пятерых завалил, те и мяукнуть не успели. Вон в кабине сидит.

Пришлось и мне выбираться из машины, прилепив на физию самую приветливую из своих улыбок.

— Наемник? Как звать?

— Михаил.

Усатый некоторое время будто ждет чего-то и, не дождавшись, хмурится и задает следующий вопрос.

— Откуда едешь?

— Так из Моздока с нами и едет, — спасает меня Тимофей Владимирович. — Мы, правда, во время ночевки с ним поругались, я ему и говорю, пешком топай. И с утра дальше поехал. А на выезде в засаду попал. Так он бегом через все село к нам на выручку бежал.

Вот, спасибо тебе, дед Тимоха! Действительно, если рассказывать сейчас усатому Петровичу настоящую историю моей встречи с колонной, то меня в лучшем случае заметут в местную каталажку «до выяснения», а то и просто у ближайшей стенки расстреляют, так, на всякий случай.

— Жил в Моздоке?

— Ага.

— Где?

Стараясь не измениться в лице, лихорадочно вспоминаю название улицы, на которой располагалась так понравившаяся мне шашлычная.

— На Богдана Хмельницкого.

— Слышь, Петрович, — вмешивается в беседу, больше напоминающую допрос, дед Тимоха, — пока ты тут в контрразведчика играешь, у меня в кузове сын кровью истекает. Пришел в станицу наемник, серьезный, матерый, за минуту пятерых «волчат» привалил не запыхавшись. Хочет у нас работу найти. Да ты плясать от счастья должен, а не допросы ему учинять. Пропусти нас, мне в больницу надо и домой, а Мишане — к Коменданту.

— Нету сейчас Коменданта, в отъезде. Ладно, заезжайте, я сейчас дежурную машину выделю, отвезут, Владимыч, твоего парня к врачу. А вот вам с наемником придется задержаться. Объяснения с вас возьмем по нападению. Мне ж служебное расследование теперь проводить. Вы только это, ребят наших погибших у караулки сгрузите. И оружие их. Мы тебе, наемник, должны что-нибудь?

Я отрицательно мотаю головой.

— Я не из-за денег вступился. Жалею только, что подоспел поздно. Может, и из ваших уцелел бы кто.

Когда обещанный усатым Петровичем дежурный микроавтобус «УАЗ»-«буханка» уехал, увозя Егора к врачу и Оксану, по пути, домой, а парни из отдыхающей караульной смены аккуратно перенесли тела погибших из кузова «ЗИЛа» под навес возле здания караулки, мы с Тимофеем Владимировичем прошли в кабинет старшего.

— Так, наемник, Владимирович меня знает, а вот с тобой мы пока не знакомы. Я — начальник Отдела Дорожной Стражи станицы Червленая. Зовут меня Карташов Борис Петрович, для друзей — Петрович. Для тебя пока Борис Петрович или товарищ лейтенант. Это понятно?

— Чего уж непонятно.

— Ну, тогда давай, рассказывай, что там, в Алпатове приключилось...

Следующий час мы с дедом Тимохой по очереди живописали бой в Науре во всех подробностях. Предъявили взятые мною трофеи и куски рукавов с волчьими головами. Мне даже пришлось нарисовать примерные схемы моего «красса» к месту боя и самого боестолкновения. И уже в самом конце Петрович вдруг, как бы между делом, спросил:

— А чего вы не поделили-то, что Владимирыч тебя с машины погнал?

Оп-па, а вот этот вопрос мы заранее как-то и не обговаривали. Придется импровизировать. Надеюсь, дед Тимоха сможет нормально подыграть.

— Да тут, Борис Петрович, такое дело... Дочь у Тимофея Владимировича симпатичная. Ну, я улыбнулся ей, пару комплиментов сказал...

— Да, бога побойся, Миша, — вступил в игру сообразительный старик. — Она ж тебе, ироду, самому в дочери годится. Да за такие дела, будь я помоложе, руки б твои бесстыжие оттяпал по локоть!

— Ты чего, Владимирыч, за что?! Я ж себе ничего такого не позволил...

— А попробовал бы ты позволить, тогда б я тебя совсем пришиб!!!

— Так, стоп! — грохнул по столу ладонью Петрович. — Все понятно. Прекращайте, а то опять поссоритесь. Ладно, пока свободны. Если еще какие вопросы появятся, тебя, наемник, где искать?

— Да у меня особых планов нет пока. Сейчас зайду в Комендатуру, сдам «бошки», потом — в оружейную лавку, трофеи «скину». А остановлюсь скорее всего в «Псарне», Владимирыч говорит, там для нашего брата скидки. Там и найдете, в случае чего.

— Добро. Ты, кстати, чем заняться думаешь?

— Да не решил пока. А что?

— Да нам в Стражу опытные люди нужны. Служба, конечно, не сахар, но и жалованье приличное. И жильем в казарме бесплатно обеспечиваем, и питанием.

— Подумаю. Но за предложение — спасибо.

Да, видно, сложная у них тут обстановка, если умеющего обращаться с оружием новичка всего за час дважды спрашивают о планах на будущее. Значит, стрелки им нужны... Прямо Дикий Запад какой-то.

Дед Тимоха, добрая душа, войдя в мое положение, пообещал довезти меня до оружейной лавки, а по дороге показать здание Комендатуры.

— Как все лишнее продашь, так налегке в Комендатуру и заскочишь. А то упреешь столько железа на себе таскать.

— Кстати, Владимирыч, а в «Ратнике» этом, что, кроме оружия, продают?

— А что нужно?

— Да баул нужен большой брезентовый. Я «РПК» и патроны к нему решил себе оставить. Пригодится.

— За это даже не переживай, баул я тебе так подарю, у меня как раз в кузове несколько новых лежат, на продажу брал. Хорошие, прочные. Двойной слой брезента, лямки прошитые, регулируемые. Можно как сумку носить, на плече, можно — как рюкзак.

— Да, Владимирыч, сразу видно торговца... И сколько стоит? — ухмыляюсь я.

Тот только разводит руками в ответ, мол, что поделать, привычка — вторая натура.

Дальше едем молча. Тимофей Владимирович «баранку» крутит, а я по сторонам глазею. Да уж, здорово изменилась Червленая за последние тридцать лет! Помимо напичканного огневыми точками защитного вала, оборону станицы обеспечивала еще и загнанная в капониры тяжелая бронетехника. По бокам от ворот стоят два врытых в землю по самую башню Т-72, а вдалеке видны торчащие из-за брустверов, будто стальные грибы,

башни нескольких «БМП-2». Между валом и крайними домами станицы почти полукилометровое «предполье» с рядами колючей проволоки на кольях и скорее всего еще и густо заминированное. Оборону тут можно держать долго и против вполне серьезных сил противника. Жилые дома тоже больше напоминают маленькие крепости из красного или белого кирпича, с кровлями из тяжелой черепицы. На Кавказе всегда любили окружать дома высокими заборами, но если раньше их строили для красоты и чтобы избежать любопытных взглядов, то за теми, что я вижу сейчас по обе стороны улицы, вполне можно пересидеть минометный обстрел.

— А вот, кстати, и Комендатура, — кивает через некоторое время Владимирович на приземистое двухэтажное здание, притормозив посреди небольшой площади. Знакомое, кстати, местечко! Если мне мой склероз не изменяет, то в былые годы, еще до первой кампании, тут располагалась детская спортивная школа-интернат. А в 1999 году, когда судьба впервые занесла в Червленную, тут стоял сводный отряд Московского СОБРа.

Оглядываюсь в указанном направлении и вижу настоящую крепость: высокая стена из бетонных блоков с бойницами огневых точек и спиралями «егозы» поверху, узкие окна, из которых так удобно отстреливаться в случае нападения, пулеметное гнездо и несколько прожекторов на крыше. Тяжелые стальные ворота, сдвигающиеся вбок, слева от них — проходная, напомнившая внешним видом ДОТ-КПП на въезде в станицу, такая же мощная и основательная, идеально подходящая для ведения оборонительного боя. Перед фасадом — небольшая площадь, и улицы от нее отходят прямые, хорошо простреливаемые. Охраны на первый взгляд немного, но выглядят эти парни куда серьезнее часовых на въезде в станицу. Сразу видно, с наскока этот домик не взять. Откуда-то с заднего двора в небо торчат сразу две антенны. Одна — обычный двадцатипятиметровый штырь-диполь армейской КШМки. Вторая — сильно напоминающий Шуховскую телебашню в миниатюре ажурный металлический конус. Правда, что ли, телебашня? Нет, вряд ли. Скорее всего — радио. Кстати, несколько «тарелок»-громкоговорителей на столбах я по дороге видел, просто внимания не обратил.

— А вон по той улице, буквально метров сто, по правой стороне и будет «Псарня». Там вывеска приметная, мимо не пройдешь. А вот по этой, правда подальше, примерно через километр, и моя лавочка. Я и живу там же, так что заходи в гости.

Еще через пять минут Тимофей Владимирович останавливает «ЗИЛ» перед сложенным из красного кирпича одноэтажным домом без окон. К стальной входной двери ведет высокое и широкое крыльцо, выложенное толстой тротуарной плиткой. Над дверью простая черного цвета с белыми буквами вывеска: «Ратник. Оружие и боеприпасы». А что? Скромненько и со вкусом. Как говорится, главное не форма, а содержание.

Владимирович помогает мне выгрузить из кузова трофейное «железо», вручает, отказавшись от денег, огромный брезентовый баул цвета хаки и, пожав на прощание руку, уезжает в больницу проверить, как разместили Егора. А я остаюсь на ступенях крыльца, увешанный оружием, будто новогодняя елка. Уже было собираюсь войти, как вдруг до меня доходит, что попытка продать черные от свежего порохового нагара «стволы» выглядит не совсем красиво. Это все равно, что грязную поношенную одежду продавать. Или надкусанные пирожки. Решено! Усаживаюсь прямо на нижнюю ступень крыльца, сваливаю кучей на расстеленный на асфальтовом тротуаре баул автоматы и пистолеты, пулемет ставлю на сошки рядом. Из «мародерки» на свет божий извлекаю масленку и ветошь. Пошло дело! Примерно через час, уже устав от удивленных и заинтересованных взглядов прохожих и изрядно вспотев на жарком солнце, разряжаю все магазины, ссыпав патроны в трофейный «сидор», снова навьючиваю на себя свой маленький, но увесистый арсенал, и толкаю внутрь тяжеленную дверь магазина.

— Рад приветствовать, молодой человек, — слышу я, едва затихает подвешенный над притолокой колокольчик. — Не часто в наше время можно встретить столь добросовестных клиентов. Обычно норовят всучить просто заросшее грязью, да еще и ругаться пытаются. Меня, кстати, зовут Сергей Сергеевич.

— А меня Михаил, — представляюсь я невысокому, полноватому и лысому как колено дядьке лет пятидесяти в маленьких круглых очках, здорово похожему на актера Броневого в роли доктора из «Формулы любви», и жму ему руку. — А как вы узнали...

— Юноша, есть такое дивное изобретение человеческого гения — камера видеонаблюдения. Неужели не слышали?

Пристыженно улыбаюсь и развожу руками. Красиво тебя умыли, Михаил Николаевич. Вот тебе и урок на будущее! Не покупайся на кажущуюся архаичность: на все эти «трактиры», «лавки»... Как ни крути, вокруг тебя будущее, пусть и не совсем счастливое. И народ здешний — далеко не дикари.

Пока собираясь с мыслями, чтобы придумать что-нибудь остроумное в ответ, обвожу взглядом торговый зал магазина...

И минут на десять «зависаю», словно перегруженный компьютер. Да уж, посмотреть тут явно есть на что! Нет, во внешнем облике торгового зала ничего необычного не было: открытые стеллажи, полки и застекленные прилавки. Но вот их содержимое было достойно самого пристального внимания. С одной стороны, не сказать, что выбор поражал разнообразием, по большому счету, все, что я сейчас вижу перед собой, в мое время можно было увидеть почти в любой армейской «оружейке». Но вот тот факт, что все это можно спокойно купить... К этому мне, отлично помнящему, сколько времени у нас занимало получение разрешения на травматический «резиноплюй», точно еще предстоит привыкнуть. Да и количество оружия, что называется, на единицу площади слегка шокировало.

Вся левая от меня стена была занята стеллажом, заставленным, судя по всему, добычей парней вроде меня. Пара десятков «калашей» всех модификаций и обоих калибров. Примерно столько же симоновских самозарядных карабинов. Одна «СВД-С»,¹⁶ а рядом с ней, у меня чуть челюсть на грудь не рухнула, «СВТ-40» с оптическим прицелом. Чудны дела твои, Господи! А я уж думал, что «светки» только в музеях да на киностудиях в качестве реквизита и остались. И тут же, выражаясь «высоким штилем», символизируя связь поколений, пристроился немного потертый «Винторез». Три «ручника», два «семьдесят четвертых» и один «брат-близнец» моего. Один «ПКМ» и один «Печенег». Перед стеллажом — застекленный прилавок, в котором выложены пистолеты: четыре видавших и лучшие времена «Тульских Токарева», стайка «Макаровых» с черными и рыжими рукоятками, среди которых, бросающийся в глаза, словно волкодав среди болонок, одиноко красуется «АПС». Все не новое, но, судя по внешнему виду, вполне исправное и работоспособное. Секонд-хенд, блин!

Стена справа отдана под «тяжелую артиллерию». Там на станках-треногах грозно замерли «Корд» и «НСВ», рядом с которыми «меньшими братьями» примостились «ПКМС» и «АГС-17». На стене — небольшая полка, а на ней — два «РГ-6»¹⁷ и три «подствольника». Все три — «двадцать пятые», странно, «тридцатка» тут в свое время тоже здорово распространена была... В углу — открытая оружейная пирамида, в которой выстроились гранатометы: одноразовые «Мухи» и «Аглени», парочка РПО «Шмель», три «РПГ-7» и даже один «Вампир».¹⁸ И тут же патронные коробка, «улитки» для «АГС», ленты всех типов, машинки для их снаряжения, и Ракова,¹⁹ и для более крупных калибров. Охренеть, дайте

¹⁶ «СВД-С» — вариант снайперской винтовки СВД, разработанный для ВДВ, имеет складывающийся приклад.

¹⁷ «РГ-6» — шестизарядный ручной противотанковый гранатомет револьверного типа, стреляющий стандартными гранатами ВОГ-25.

¹⁸ «Вампир» — «РПГ-29», противотанковый гранатомет.

¹⁹ Машинка Ракова — механическое устройство для снаряжения пулеметных лент калибра 7,62 мм.

две!!! И это все в свободной продаже?! Как говорится: нет, ну это просто праздник какой-то!

Ассортимент на стене за спиной хозяина и в стеклянной витрине перед ним сильно напоминает левую стену, но с тремя очень серьезными отличиями. Во-первых, все оружие новое, лоснящееся от смазки, с ярким воронением. Во-вторых, выбор намного шире: есть и «Вал», и «ВСК», и «9А-91», да и в рядах «Калашниковых» видны и «АК-103», и «АК-104». В витрине с пистолетами, кроме «стечкина», «Макарова» и «ТТ», лежат пистолет Ярыгина и украинский «Форт». Этот-то тут какими судьбами? И, в-третьих, каждый «ствол» был в единственном экземпляре. Оно и понятно, на стене — образец, остальное в подсобке. Это же не бывшие в употреблении «стволы», что все разные, и всяк со своей «придурью». А еще на прилавке под стеклом аккуратно разложены коробки с самыми разными боеприпасами и ручные гранаты. В гранатах, правда, разнообразия не наблюдалось: «РГД-5» и «Ф-1», больше ничего и не было. Хотя, с другой стороны, а что еще нужно?

— Что, юноша, понравилось? — выводит меня из ступора насмешливый голос Сергея Сергеевича.

— Да уж, блин, впечатляет — это самое меньшее, что можно сказать! А что, — я, пытаюсь пошутить, киваю на правую стену. — ЗУшки нету?

— Ну почему же нету, есть. Просто тут для нее тесновато. Да и денег у вас, думается мне, на «ЗУ-23» пока не хватит. Опять же на приобретение крупнокалиберных пулеметов, гранатометов и всего прочего в таком роде нужно получить специальное разрешение у Коменданта.

Смотрю на него и не могу понять, то ли мужик умеет шутить с таким серьезным лицом, то ли у него и впрямь двадцатитрехмиллиметровая спаренная зенитная установка на заднем дворе стоит. Хотя, учитывая, что «Утес» и «Корд» имеются... Наверняка и «двадцать третью» купить можно, и КППВ. Были б деньги и «добро» от Коменданта.

— А все остальное?

— А все остальное, хоть все заберите, лишь бы денег хватило.

Да уж, блин, сладкий сон любого милитариста! Я сейчас просто заплачу и попрошу у Сергея Сергеевича политического убежища.

Ладно, полюбовались, и баста. Пора к делу переходить.

— Куда тут можно товар для осмотра сложить?

— А вот, у вас за спиной верстачок стоит, на него и выкладываете свои трофеи. Смотреть их будем. А как они к вам попали, если не секрет? Уж простите мое любопытство.

— Да нет никакого секрета. Мы с Тимофеем Владимировичем и ребятами из Дорожной Стражи по дороге из Моздока в Алпатово в засаду влетели. Парням не повезло, погибли почти сразу. А я вот удачливее оказался...

— Постойте, Тимофей Владимирович? Старосельцев?

— Вот ей-богу, фамилию-то его я и не знаю. Но если у него есть сын Егор, дочка Оксана и торгует он всякой снарягой и экипировкой, то, значит, Старосельцев.

— А что за ребята из Стражи?

— Ну, Тимофей Владимирович их фамилии лейтенанту Карташову называл, только я не запомнил. Только имена — Виктор, Андрей и Юра, молодой совсем мальчишка...

— Знаю, о ком речь, Вити Смирнова экипаж Хорошие ребята были, упокой господь их души. Жалко... А напал кто?

— Старосельцев сказал: «волчата» из Непримириных Тейпов.

— «Волчьи головы» в Комендатуру не сдали еще? Не возражаете, я взгляну?

— Да нет, вот они, — протягиваю я Сергею Сергеевичу вынутые из кармана вышитые тряпки.

— Ого, да вы, Михаил, серьезный человек! В одиночку пятерых итум-калинских «волчат» уделать, это не в рукав высморгаться. Уважаю!

— А почему вы решили, что они из Итум-Калы?

— Башни позади голов видите?

— Башни Шамяля? — доходит до меня.

Эти древние башни времен Кавказской войны, перекрывавшие некогда ущелье Волчья Пасть, и в мое время были своего рода неофициальным символом Итум-Калинского района.

— Они самые.

Он возвращает мне «бошки», а я выкладываю на гладко оструганную столешницу все свои утренние «приобретения». Сергей Сергеевич поочередно берет их с верстака, вертит в руках, сноровисто делает неполную разборку. Первыми в сторону он откладывает два «АКМа» братцев-«партизан».

— Извините, Мишенька, но это совсем хлам. Новые цевья и приклады — не проблема, у меня запасных полно и пластиковых, и деревянных. Но они «ушатанные» насмерть. Видно, прежние хозяева совсем дураки криворукие были. Больше восемнадцати рублей за каждый не дам, уж извините.

Во время разговора со Старосельцевым по пути в Червленную я уже составил себе некоторое представление о здешних ценах и только согласно киваю.

— Действительно хлам, Сергей Сергеевич. Вы правы. Больше за них просить было бы хамством.

— «Макаров» тоже слова доброго не стоит, ему в его теперешнем состоянии на помойке место, если уж по совести, но, может, и возьмет кто, на дешевизну польстившись. За него я пять рублей дам.

Мне остается только вновь согласно кивнуть. Честно говоря, я думал, он этот «ПМ» вообще брать не станет, а просто предложит с ним до ближайшей мусорной ямы прогуляться. Продавец будто читает мои мысли.

— У меня, кроме лавки, еще и мастерская. И оружейник толковый. Так что вытянем «ветерана», может, еще кому послужит. Зато вот «СВД» и «ПММ» у вас очень недурственные. За пистолет пятнашку дам, за «снайперку» — сто рублей, если вместе с магазинами и патронами. Идет?

— Идет.

— «АКМС» тоже вполне приличный, да еще и «затыльник» от «ГП»... Тридцать. Ножи не возьму, не обижайтесь, не мой профиль. Их попробуйте как раз Старосельцеву продать, он холодным оружием тоже приторговывает. А вот штык, если продадите — возьму, в комплект к моей, — он кивает на снайперскую СВТ, — красотке. Она как раз без штыка. Два рубля дам, согласны?

— Согласен.

— Угу, гранаты себе оставите?

— Нет, что-то они мне особого доверия не внушают.

— Мне, если честно, тоже, но по пять рублей за штуку дам.

— Пойдет.

— Так, пулемет...

— А вот «РПК» я продавать не хотел, Сергей Сергеич. Мой «семьдесят четвертый», он все же больше для городского боя подходит. В лесу от него толку будет мало, калибр не тот, не то что от веток, от травы рикошетит...

— Так-то оно так, Миша. Но есть у меня для вас вариант получше. Я вам в обмен на «РПК» и три «банки» отдам «сто третий» с четырьмя магазинами. Новенький, только с консервации. Есть еще и болгарский, но наш, еще до Тьмы сделан, качеством все-таки получше будет. Подумайте сами: калибр тот же, а весит почти на четыре кило меньше, да и «подствольник» на него навесить можно. Ну как?

Вообще-то, кажется, тут меня милейший Сергей Сергеевич малость по деньгам «напарить» хочет. Но в пределах разумного. «АК-103» у него, если верить ценнику, стоит шестьдесят пять рублей серебром. А вот подержанный «РПК» — восемьдесят пять. И это с одной «банкой». Но, с другой стороны, он мне к «калашу» еще четыре магазина дает. И с остальными «стволами» не обманул. Пусть хоть какую-то выгоду получит.

— Идет.

— А вы, Миша, я гляжу, отличный клиент! Еще чем-то помочь могу? Патроны,

гранаты?

— Да, — вспоминаю я про опустевшую «спарку» магазинов, — шестьдесят патронов 5,45 сколько будут стоить? И еще к ВОГам хочу прицениться.

— Вот ВОГов сейчас нет. Зайдите через недельку, как раз подвезти должны. Стоят они по десять рублей. А «пятерка» у меня — пять рублей за пачку. Так что, десять рублей с вас.

— Они у вас 7Н6²⁰ или 7Н10?²¹

— Ууу, Миша, вы и спросили... Я уже забыл, когда последний раз «десятые» видел, так что только «шестые».

— Ну и ладно. Кстати, Сергей Сергеевич, а где вы все это, — я киваю головой на новенькие «стволы» на центральной стене и витрину с боеприпасами, — закупаете?

— Как где, — тот смотрит на меня с искренним изумлением. — На Украине, разумеется, что-то они там сами делают, что-то им морем из Болгарии везут, а они уже нам переправляют. Как мне кажется, ни в Ижевске, ни в Туле, ни в Коврове разумной жизни не будет еще много лет, пока радиационный фон не снизится. Да и после этого на тамошних руинах что-либо производить будет сложно.

Оп-па, попал, ты, Миша, пальцем в небо. На будущее, думай, прежде чем рот открывать, а то точно на чем-нибудь конкретно засыплешься. Зато, по крайней мере, становится понятным наличие «Форта», да и некоторая информация о здешних делах получена.

— Как деньги возьмете, все серебром или часть золотом?

— Только серебром — уж больно большая куча будет. Давайте часть золотом. Какой у вас тут курс?

Понимаю, что снова сморозил чушь, уж курс золота к серебру тут любой ребенок знает, но делать нечего. Однако пожилой продавец невозмутим.

— Пятьдесят к одному.

Фу, похоже, пронесло. Видимо, в разных краях тут курс различается.

— Тогда пусть будет три золотых и сорок три серебром.

Пакую купленный «сто третий» в баул к ранцу с мясом, своей РДшке и «сидору» с патронами, закидываю его на левое плечо, свой «АКС» — на правое. Две пачки «пятеры» убираю в «мародерку», туда же перекладываю ИПП, а полученные деньги убираю на ее место, в нагрудный кармашек РПС. Прощаюсь с Сергеем Сергеевичем, клятвенно заверив его на прощание, что обязательно еще к нему зайду, и не раз.

До Комендатуры дошел минут за двадцать неспешным шагом. Перед проходной меня притормозили двое квадратных молодых парняг в черных «горках», беретах и РПС, вооруженных «АКМСами». На рукавах — шевроны с таким же гербом Терского казачьего войска, что и у Дорожной Стражи, но с надписями «Комендатура ст. Червленая» и «Охранная Рота».

— Кто такой, куда?

— Наемник, хочу «волчьих головы» сдать.

В глазах парней просыпается искренний интерес и что-то похожее на уважение.

— Это ты с утра в Алпатове геройствовал?

Да уж, земля, как известно, слухом полнится. Хотя, что странного, электричество у них есть, телефон тоже. Через КПП я почти два часа назад проехал, да до этого меня и Владимировича Карташов почти час «мариновал». Разошлась информация...

— Было дело.

— И как ты один против пятерых-то?

— Повезло...

²⁰ 7Н6 — автоматный патрон калибра 5,45 мм с простой пулей.

²¹ 7Н10 — автоматный патрон калибра 5,45 мм с пулей со стальным сердечником.

— Ну, удача, она девка такая, не ко всем идет. В мешке что?
— Автомат, патроны, еды немного.
— Ясно, тогда мешок и свой «калаш» тут оставь, на выходе заберешь. Не бойсь, ничего не пропадет, у нас с этим строго.

— А пистолет?
— Можешь оставить. Совсем без оружия мужчине ходить не годится, тут Терской Фронт как-никак, не Ростов какой-нибудь и не Ставрополь.

Отдаю баул и «АКС» сидящему в проходной пожилому осетину в такой же, как и у парней, черной «горке», получаю взамен жестяную овальную бирку с номером, почти как в гардеробе кинотеатра.

— Отец, я тут у вас первый раз. Куда мне?

— В финчасть. На первом этаже по коридору направо, до конца. Там увидишь.

Марширую через чисто подметенный асфальтированный двор, прохожу в серьезной толщины бронированную дверь, по случаю теплой погоды распахнутую настежь. Вежливо киваю сидящему в застекленном «аквариуме» дежурной части лысому амбалу с красной повязкой дежурного и лейтенантскими звездочками на хлястиках-погончиках его черного прыжкового комбинезона.

— В финчасть.

— Проходи, — вяло отмахивается он, но вот взгляд у мужика ни фи́га не расслабленный, смотрит он пристально и внимательно. Видно, обстановка тут беспокойная и бдительность на высоте что у Стражи, что у этих вот, из Охранной Роты.

В конце коридора вижу дверь с табличкой «Финансовая часть». Вежливо стучу и вхожу. Первое, что бросается в глаза, — большой отрывной календарь на стене. Ага! На дворе у нас 17 сентября 2040 года, понедельник. Ну, слава богу, с датой определились. О, как! Сам факт того, что меня неизвестно как и неизвестно зачем зашвырнуло аж на тридцать лет вперед, уже вообще не удивляет. Воспринимаем как данность. Поразительное все-таки животное человек, адаптируется к чему угодно. Я, по идее, должен сейчас в истерике биться, причитать и волосы на себе рвать от отчаяния. А вместо этого хожу по магазинам и, словно ребенок конфете, радуюсь таким мелочам, как точная дата, в которой я очутился.

Широко и доброжелательно улыбаюсь сидящей за письменным столом полной женщине лет пятидесяти.

— Здравствуйте, а я, видимо, к вам.

— Так, похоже, наш «неизвестный герой» объявился. Ну, молодой человек, ты просто фурор произвел в нашем болотце: появляешься неизвестно откуда, всех подряд спасаешь, нохчей бьешь чуть ли не тапкой, как тараканов на кухне...

— Если б всех спас, было бы просто здорово, — искренне вздыхаю я, вспомнив вдруг умоляющие глаза умирающего Юрки.

Лицо женщины сразу становится серьезным и грустным.

— Да, тут ты, парень, прав. Жалко ребят. Но тут таким никого не удивишь: Терской Фронт, тут у Непримири́мых, считай, в каждой семье кровники. Который год война, а все конца и края не видно. Уже, считай, два поколения на этой войне выросли. Ой, что-то меня в философию занесло! Давай сюда свои трофеи.

Протягиваю ей мятые лоскуты ткани из кармана. Она раскладывает их перед собой, разглаживает, внимательно изучает. Потом достает из верхнего ящика толстый гроссбух в кожаной обложке.

— Ну, давай оформлять. Фамилия, имя, отчество.

— Тюкалов Михаил Николаевич.

— Год и место рождения.

— Эээ, — быстренько перегоняю свой возраст под «местное время», — две тысячи шестой, Московская область. Город нужен?

— Ой, да какая теперь-то разница? Достаточно и области.

Да уж, кому теперь интересны названия стертых с лица земли и засыпанных

радиоактивным пеплом городов бывшей Московской области.

— Род занятий?

— Наемник.

— Дата, время и место огневого контакта?

— Сегодня утром, около восьми, Мертвые Земли, село Алпатово.

О, как загнул! А главное, тетка все это восприняла совершенно спокойно, как должное. Похоже, начал вращаться в местные реалии.

— Есть ли свидетели огневого контакта?

— Да, Старосельцев Тимофей Владимирович и его дети: Егор и Оксана.

— Ну, вот и закончили с бюрократией. Вот тут распишись.

Пока я расписываюсь, женщина открывает обшарпанный нестораемый шкаф у себя за спиной.

— Награду как возьмешь? Серебром или золотом?

— Лучше золотом.

Смахиваю со стола в ладонь золотую монету, прощаюсь и выхожу в коридор. Возле «дежурки» меня останавливает давешний лысый дежурный.

— Эй, парень, тебе надо будет с Комендантом по поводу происшедшего поговорить, но он в Ханкале. Ты остановиться где решил?

— В «Псарне».

— Ясно. В общем, ты лучше никуда не отлучайся, как Комендант вернется, мы за тобой посыльного пришлем.

— Договорились, товарищ лейтенант! — шутливо козыряю ему, подражая американским воякам из кино.

Тот только ухмыляется и кивает в ответ. Забрав на проходной свои вещи и оружие, топаю по указанной мне Старосельцевым улице, которая и впрямь метров через сто приводит меня к основательному одноэтажному дому, обложенному диким камнем, с цокольным полуподвалом. Вход, что характерно, ведет именно в него. Над широкими деревянными дверями, распашными, будто в салунах из американских вестернов, только полноценного размера, висит не без таланта нарисованная вывеска. На ней — три здоровенные серые кавказские овчарки, мохнатые, с оскаленными огромными белоснежными клыками и купированными ушами-пенечками. Лапами они опираются на ярко-красную надпись, сделанную шрифтом, стилизованным под старославянский — «Псарня». А ниже уже вполне нормальными черными буквами: «Трактир и гостиница». Да уж, прав был Тимофей Владимирович, пройти мимо, не заметив, сложно.

Спускаюсь вниз по ступеням и вхожу в полутемный зал. По дороге я все пытался себе представить, как может выглядеть «логово» наемников. Фантазия рисовала нечто среднее между салуном на Диком Западе и тавернами из книжек про Конана-варвара: каменные стены, чад факелов, большущий камин, в котором жарится на вертеле здоровенный кусок мяса, а то и целая туша какого-нибудь бычка или барана, орущие песни пьяные и давно не мывшиеся бугаи-посетители с бандитскими харями, обвешанные с ног до головы оружием. Бред, конечно, но больше на ум ничего не приходило. Реальность разбивает все мои безумные фантазии. Вид трактира имеет вполне обычный: десяток столов, стойка бара с тремя пивными кранами. В дальнем углу — широкая деревянная лестница с перилами на второй этаж, который на самом деле первый. Позади стойки видны полки, заставленные бутылками. Разве что бросается в глаза отсутствие стульев, которые заменяют массивные деревянные скамьи, да и столы сделаны им под стать. Такую мебель двигать упреешь, зато и в драке в качестве подручного средства использовать не получится, и сломать трудно, даже если специально постараться. А еще на стене за спиной крупного, похожего на бросившего спорт борца-вольника, пожилого бармена висят бесшумный автомат «Вал» с оптическим прицелом и растянутый треугольник некогда черной, но здорово выцветшей и полинявшей косынки. Ну да, Владимирыч ведь говорил, что хозяин трактира — бывший наемник. Кузьма Четверть, кажется. Скинув баул на пол, себе под ноги, и положив на него сверху «АКС», здороваюсь с

барменом.

— Кузьма, — представляется он. — Местный бармен и, до кучи, хозяин.

— Михаил, посетитель.

Улыбаясь, жмет друг другу руки.

— Ты покушать или на постой остановиться?

— Вообще-то на постой, но покушать тоже не мешает.

— Ну, для коллеги, — Кузьма кивает на мою бандану, — номер на одного — пять рублей серебром в сутки, трехразовое питание в стоимость включено, но спиртное в эту цену не входит. В номере душ. Прочие «удобства» — во дворе. Нужна баня — заказывай заранее, часов за пять хотя бы, чтоб протопилась. Стоит три рубля. Если надо какие вещи постирать, тоже можно. Там оплата зависит от количества тряпья. Сегодня завтрак ты уже пропустил, так что за первый день с тебя возьму не пять рублей, а четыре. Обед — через час. Если очень есть хочешь, меню вон, на стене висит, но, не обессудь, за отдельную плату. Какие вопросы есть?

— Розетка в номере имеется? Мне аккумулятор для радиостанции зарядить надо.

— Есть розетки. Если зарядный «стакан» нужен, то могу на прокат дать. Станция какая у тебя?

— «Стакан» у меня свой. Заплачу пока за три дня, а там глянем.

— Хорошо, тогда четырнадцать рублей с тебя. Поселишься в третьем номере.

Кузьма берет у меня деньги, достает из-под стойки ключ и показывает на лестницу.

— Комната там, подходи на обед, не забудь. Сегодня кубанский борщ и свиная отбивная с картошкой.

— Ну, теперь точно не забуду. Пожрать вкусно я большой любитель.

Номер оказывается вполне приличным, небольшим, не больше десяти «квадратов», ну так мне тут не в футбол играть. Маленькая прихожая, из которой можно попасть или в душ, или в комнату. Душевая — самая обычная, я по ходу своей кочевой военной жизни на такие насмотрелся: неглубокая, примерно по щиколотку, ванночка, вмурованная в пол, и торчащий прямо из стены смеситель с гибким шлангом душа. Пол и стены выложены простенькой, местами сильно потрескавшейся кафельной плиткой. С одной стороны — предельный аскетизм, с другой — я все-таки далеко не «аглицкая королева», приходилось и в ведре мыться, и в ледяной грязноватой горной речке. А тут горячая вода есть, уже немало! Заглядываю в комнату. А ничего себе так. Даже уютно. Широкая кровать, невысокая тумбочка рядом, напротив — стол и пара мягких стульев. Встроенный в стену шкаф-купе, почти как у меня дома... был... когда-то... только без зеркальной панели во всю дверцу. Стены покрашены желтой краской. На стене в изголовье кровати — ночник с матовым плафоном-шаром и розетка. Под потолком — люстра, почти такой же матовый шар, что и у ночника, только в два раза больше. На полу — плетенный из множества матерчатых лент коврик. Единственное окно смотрит во внутренний двор, но сквозь него почти ничего не видно, похоже, весь двор густо оплетен виноградной лозой. На стене рядом с окном — небольшой прямоугольный радиоприемник без названия в пластмассовом потемневшем от времени грязно-белом корпусе. Ни шкалы диапазонов, ни каких-нибудь кнопок. Из всех «органов управления» — ребристое колесико громкости, до половины «утопленное» в корпус приемника, которое если до упора повернуть влево, еще и кнопка «выкл.». Помню-помню я такие агрегаты. Я в детстве у бабушки в деревне такие видел. Называется это чудо техники «радиоточка» и принимает только один канал. Интересно какой? Тот, у бабушки, «Маяк» принимал. Как сейчас помню: На волне «Маяка» — программа «Рабочий полдень». А тут что? Поворачиваю ручку громкости. Сквозь треск эфирных помех слышен голос какой-то певички, что-то поющей про большую любовь. Песня незнакомая, но и так все ясно. Попса... Попса никогда не меняется... Хмыкнув, вырубая приемник и, стянув с головы бандану, кидаю ее на кровать. Нормально, жить можно!

Вытряхиваю все содержимое баула на кровать, застеленную простым серым

шерстяным покрывалом. Достаяю из РД коробку со сканером, включаю зарядный «стакан» в розетку и ставлю станцию заряжаться. А сам, усевшись на кровать и подвинув стол поближе, начинаю окончательную ревизию своего имущества.

По итогам первых двух суток в новом для меня мире и в новом качестве я строго в плюсе: разжился целой кучей полезных и не очень вещей. Прежде всего — деньги. За вычетом потраченного на патроны и отданного за номер у меня четыре золотые и двадцать девять серебряных монет с довольно затейливым гербом и надписью «Югороссийская республика» на одной стороне и номиналом в один рубль на другой. Странно, кстати, почему было не обозвать золотой как-то иначе? Хотя, если курс в разных местах разный, то запаришься номиналы менять. То он «полтинник», то «четвертак», а то — «червонец». А так, рубль и рубль. Есть серебряный — он дешевле. Есть золотой — он дороже. Наверняка есть еще и какая-нибудь медная мелочь, серебро разменивать. И незачем голову ломать. Так, что еще? Еще есть остатки «наследства» убиенных мною в Науре бандитов: два охотничьих ножа, ранец, набитый копченым мясом, РПС с подсумками под ручной пулемет, теперь мне уже совсем не нужная. Шесть автоматных и два пулеметных магазина калибра 7,62 мм, патроны пистолетные 9x18, изъятые из бандитских пистолетов — 32 штуки, нормально, полтора магазина к моему «стечкину». Целая россыпь автоматных патронов 7,62 мм в вытертом брезентовом вещмешке. На некоторое время погружаюсь в пересчет. Ага, 318 штук, не много, конечно, но и не штатный БК. Как ни крути, десять полных магазинов и еще чуть больше половины. Учитывая их вес, больше на себе и не упрешь. По крайней мере, если пешком идти, а не на авто катиться. А с авто у меня тут пока никак. А еще есть новенький, только что выменянный «АК-103» с четырьмя магазинами. Да все то, с чем я сюда провалился и о чем уже рассказывал чуть раньше. Не плохо! Не олигарх, конечно, но и нищим не назвать.

Закончив игру в Скупого Рыцаря, не спеша набиваю пустые магазины к «АКС» купленными патронами, убираю вещи и автоматы в шкаф и топаю в душ. Стоя под тугими струями, размышляю о том, как же все-таки мало солдату надо для счастья: вкусно и много пожрать да в горячей воде помыться. Пункт два — выполнен, пункт раз — пойдем выполнять через десять минут. В одном обернутом вокруг бедер полотенце босиком шлепаю в комнату и прямо на ходу соображаю, что мне, похоже, еще очень многое прикупить надо. Вот помылся, а чистого белья, чтоб переодеться, — нету. И футболки чистой нет. И носок. Да что там говорить, тапочек, и тех нема! Ладно, сейчас поем да пройду к тому же Старосельцеву в гости, у него если и не все, то хотя бы часть необходимого купить можно будет. А чего не будет, так хоть узнаю, где найти можно. Но это все — позже. А прямо сейчас пора на обед топать, а то в брюхе уже, как говорится, кишка кишке колотит по башке. Быстренько одеваюсь и натягиваю ботинки, щелкаю «клипсой» застёжки, крепя к ремню кобуру со «стечкиным». Как тот парень возле Комендатуры сказал: «Не Ставрополь какой-нибудь»...

В зале я оказываюсь не первым посетителем. Два стола уже заняты. За одним неспешно едят и о чем-то беседуют два парня в выгоревших на солнце почти до белизны «горках». На вид, примерно мои ровесники, крепкие фигуры, широкие плечи, загорелые обветренные лица. Свои черные банданы они, словно байкеры, которых я неоднократно видел когда-то в Москве, повязали на плечо, пропустив под мышкой и завязав узлом вокруг хлястика-погончика куртки. За другим в одиночестве выпивает еще один, одетый в камуфлированные штаны и короткую черную кожаную куртку. Внешностью и повадками он здорово смахивает на мелких бандючат начала 90-х: лысая голова, наглая физиономия, некогда спортивная, но уже начинающая оплывать «тушка», этакий некогда накачанный «колобок». Заменить ему камуфляжные штаны на малиновые слаксы, а короткие сапоги на «адидасовские» кроссовки... Да толстую золотую цепь на шею повесить... М-да, одним словом, не нравится мне этот «гусь», хоть убейте, не нравится. Все трое вооружены только пистолетами. Угадал я, без повода обвешиваться оружием тут, похоже, не принято, но и совсем безоружными не ходят.

Увидев меня, все трое отрываются от своих занятий и изучающее разглядывают мою скромную персону. Поневоле вспоминаются старые вестерны с Клинтом Иствудом. В город приезжает никому не известный стрелок, и местные глазуют, соображая, чего от него можно ждать. Ладно, поиграем в ковбоев. Надеюсь, нарываться на проблемы, проверяя новичка «на слабо», подобно киношным «плохишам», они не станут. Не хотелось бы начинать взаимоотношения с местными наемниками с драки или, не приведи бог, со стрельбы. Неспешно рассматриваю их в ответ, здороваюсь, слегка кивая головой, а потом подхожу к стоящему за стойкой Кузьме.

— Так что там с обедом?

— Садись за любой стол, сейчас все будет, — отвечает тот.

И впрямь, буквально через минуту из двери, ведущей, судя по запахам, из-за нее доносящимся, на кухню, выплывает монументальная женщина с большим деревянным подносом в руках. Ох, блин! С таких, наверное, при Советском Союзе статуи колхозниц и прочих строительниц коммунизма лепили. Настоящая казачка: красивая, статная, крепкая. Из тех, что любого коня одним ударом с копыт свалят и горящую избу по бревнышку раскатают. Валькирия! Будь она лет на двадцать моложе — влюбился бы!

А борщ хорош! Горячий, густой, наваристый, с помидорами, бордовой свеклой и пережаренным лучком, с кусочками нежной свинины, заправленный домашней сметаной и посыпанный свежей, душистой зеленью. Вкусотища! Меня похожим в детстве бабушка кормила. Как она любила говаривать: «Первое отличается от второго только тем, что ложка, которую воткнули в тарелку с борщом, через пару минут все-таки упадет». Да уж, у местных поваров, похоже, подход к вопросу близкий. И это правильно!

От приятных ощущений и детских воспоминаний меня отвлекает кожанно-камуфлированный «колобок», нависший над моим столом и вперивший в меня нахальный взгляд.

— Эй, слышь, а ты кто такой вообще будешь?

Вот, блин, накаркал! Началось. Поднимаю глаза от тарелки и пристально смотрю на «колобка». Нет, ну до чего же он на дешевых «быков» эпохи раннего капитализма похож. Ему б еще пару «гаек» золотых на растопыренные веером пальцы.

— Ты забыл сказать «в натуре»...

— Чего? — не понял тот.

— Да ничего, а кто ты есть, чтоб спрашивать? — начинаю «давить» я, вставая со скамьи и распрямляясь во весь свой немаленький рост. Продолжая сверлить его злым взглядом, подхожу почти вплотную. Мой «оппонент» внезапно осознает, что не так уж он велик и широкоплеч, как ему казалось еще минуту назад, и начинает вертеть головой в поисках поддержки. Безуспешно. Парни в «горках» свою беседу прервали, но смотрят на происходящее просто с интересом, как на представление, и на выручку явно не спешат. Зато за стойкой подобрался Кузьма.

— Толя, а ну-ка отвали от человека, не ищи горя!

— Да ладно тебе, хозяин, не беспокойся, — широко улыбаюсь ему я и добавляю уже специально глумливым тоном: — Деточка ошиблась, сейчас прощения попросит, и разойдемся миром.

Такого «бычок» простить уже не может. Его левая ладонь сминает в комок футболку у меня на груди, а правая, сжатая в кулак, уходит в могучий, аж от уха, замах. Нет, ребята, я так не играю! Таких идиотов даже бить неинтересно! Кто ж тебя, оболтуса, драться учил?! Отражению такого «нападения» в милицейской «учебке» на первых же занятиях по физподготовке обучают. Обеими руками обхватываю его левую ладонь, слегка выкручиваю ее, а вместе с ней и всю левую руку против часовой стрелки. Слегка доворачиваю корпус. Левая рука продолжает удерживать запястье в захвате, а локтем правой резко провожу расслабляющий удар в горло. И тут же сажусь на корточки, прижимая его руку к своему бедру под мышкой правой руки, а левой рву его руку вверх. Это описание приема выглядит длинным, а вот на его проведение у подготовленного человека уходит не больше полутора

секунд. Локоть рычагом на излом — это очень больно, мало того, если я еще хоть чуть-чуть поднажму, то выломаю «бычку» локтевой сустав, оставив его на всю жизнь инвалидом. Враз потерявший весь гонор «оппонент», упав на колени и грохнувшись лбом об пол, надсадно хрипит от боли. Он, может, и рад заорать во всю глотку, да вот разбитое моим локтем горло не позволяет. Как говорится, чистая победа. Хотя нет, этот кабан, падая, умудрился цепануть мой стол. И теперь я имею возможность наблюдать растекающиеся по полу остатки борща и лежащую посреди осколков тарелки румяную отбивную, заляпанную картофельным пюре. Вот, блин, и покушали!

— А вот это уже интересно, — слышу я со стороны ведущей к номерам лестницы. — А мне казалось, что боевому самбо только бойцов ОсНаза учат.

Не отпуская захвата, поворачиваю голову на голос и вижу облокотившегося на перила широкоплечего бородача, с интересом глядящего на нашу возню.

— Ты, парень, отпустил бы Толю. Он хоть и придурок редкостный, ежели начинает без повода на незнакомых людей буром переть, но все же НАШ придурок. А ты тут чужак и если его искалечишь, то мы можем расстроиться.

— Да ладно, — я отпускаю захват и, даже не глядя на подвывающего противника, делаю пару шагов в сторону лестницы, — не очень-то и хотелось. Но Толик ваш и впрямь кретин. И это не оскорбление. Это медицинский диагноз. Причем кретин весьма невежливый. Поест не дал, настроение испортил. А если, скажем, я... эээ... расстроюсь, а?

— Что, такой серьезный парень? Знаешь, не обижайся, но я просто вынужден хоть и в более вежливой форме повторить вопрос Анатолия: кто ты такой и кто за тебя что сказать может? Кто тебя знает?

— Я знаю.

Все, включая меня, оборачиваются в сторону входной двери. Там, на пороге, стоит тот самый лейтенант с фигурой шифоньера, что сидел в «дежурке» Комендатуры.

— Этот парень сегодня утром в Алпатове пятерых «волчат» из Итум-Кале угрохал. И Старосельцева с семьей от смерти спас. Один. А вот за Толей вашим, ты уж, Убивец, не обессудь, кроме двух пьяных драк, я особых подвигов не припоминаю. Пойдем, Михаил Николаич, — говорит он уже мне, — там Комендант вернулся, пообщаться хочет. Срочно.

Ага, значит этот бородатый и есть предводитель здешних Вольных Стрелков Костя Убивец. Вот и познакомились, блин. Ну, делать нечего, от приглашения местных властей, да еще переданного столь крупногабаритным и серьезным посыльным, отказываться не стоит.

— С тебя отбивная с картошкой, клоун, — негромко, но отчетливо говорю я, проходя мимо баюкающего руку Толи, и выхожу на улицу вслед за своим шкафоподобным провожатым.

Да уж, как-то не задалась у меня попытка знакомства, интересно, а что ждет меня по возвращении из Комендатуры?

Комендант Червленной капитан Костылев понравился мне сразу. Высокий, чуть пониже меня, а мою светлость природа и родители одарили почти двумя метрами роста, широкоплечий, мускулистый, не такой, конечно, огромный, как лейтенант из «дежурки», но мне в габаритах не уступал точно. Мужественное загорелое лицо, волевой подбородок, пристальный взгляд чуть прищуренных серо-стальных глаз. Черный прыжковый комбинезон с подвернутыми до локтей рукавами. На груди — два ряда орденских планок. С ходу подмечаю приметные колодки медали «За отвагу» и двух орденов Мужества. Остальные выглядят незнакомо, хотя еще одна, судя по черно-золотистым полосам, принадлежит «Святому Георгию». Хотя, может, я и ошибаюсь и георгиевской лентой тут обозначают на орденской колодке совсем другую награду. В любом случае дядя, похоже, героический, не из штабных. Внешне капитан чем-то неуловимо похож на моего армейского ротного, погибшего в 96-м в Грозном. Сразу видно, мужик серьезный и правильный.

— Здравия желаю, товарищ капитан. Вызывали? — замираю я на пороге его кабинета.

— Вольно, — улыбнувшись, машет он рукой в ответ. — Не вызывал, а пригласил для

разговора. Ты мне не подчиненный, так что во фрунт тянуться не надо. И по званию не обязательно, можно просто Игорь Васильевич. Присаживайся.

Сажусь на стоящий у окна жесткий стул. Хозяин кабинета остается на ногах и, не спеша, прохаживается туда-сюда, заложив руки за спину.

— Ну, о героических подвигах твоих я уже наслышан. И Петрович на въезде просветил, и тут народ треплется вовсю. Но хотелось бы все же услышать все от тебя, чтоб не создавать «испорченного телефона».

В очередной раз начинаю пересказывать историю наших со Старосельцевыми приключений, стараясь не задерживаться на нашем с ними знакомстве, чтоб не нафантазировать лишнего. Зато размолвку в Алпатове, из-за которой меня якобы ссадили, и сам бой расписываю во всех подробностях. Тут опасаться нечего: перестрелка с боевиками имела место быть на самом деле, а любая ссора — дело такое, в ней каждая сторона считает себя правой, и мелкие расхождения никаких подозрений не вызовут. В конце, на всякий случай, рассказываю и о «маленьком недоразумении» в «Псарне». Мало ли, что ждет меня по возвращении. Надо постараться заранее обезопасить себе тылы, изложив Коменданту свою версию событий, пока еще есть такая возможность. А то, не дай бог, закончится все большой дракой, а то и стрельбой... Тогда точно доказывать что-либо будет поздно. Они местные, я пришлый, этого будет вполне достаточно.

— Ясно, — задумчиво тянет Костылев. — Насчет «Псарни» сильно не волнуйся, Костя Убивец и Кузьма Четверть — мужики спокойные и разумные. Бардака не допустят. А заняться вообще у нас чем думаешь?

Нет, похоже, этот вопрос так и будет меня тут преследовать!

— Не решил пока. Осмотрюсь, прикину. Сперва хотел к Убивцу в команду проситься, но теперь даже не знаю. Карташов на въезде к себе приглашал, в Дорожную Стражу, а может, вообще в Ханкалу подамся, там вроде хорошие деньги платят. Опять же, — я с хитрой ухмылкой смотрю на капитана, — у вас в Охранной Роте, говорят, вакансии имеются... Одним словом, вариантов — тьма. Даже не знаю, какой и выбрать. Пока возьму небольшой тайм-аут, огляжусь, определюсь.

— Шустрый ты малый, Михал Николаич, — расплывается в ответной улыбке Костылев. — И дня у нас не пробыл, а уже все расклады выяснил. Тебе не с автоматом бегать, а в аналитическом отделе штаны просиживать да раннюю лысину от тяжких дум зарабатывать. А что касается Ханкалы или моей Охранной Роты, так за красивые глаза не возьмут, кое-что уметь надо.

— Нет, спасибо, — отрицательно мотаю головой я. — Мне и с автоматом пока вполне неплохо. А по поводу умений, придется — продемонстрируем. Как-никак, без малого шестнадцать лет воюю.

Капитан внимательно смотрит мне в глаза.

— Крым? Украина? Каспийская кампания?

— Везде помаленьку, — уклончиво отвечаю я, чтобы опять не брякнуть чего лишнего.

— Не любишь хвастать? — подначивает он.

— Было бы чем хвастать. С восемнадцати лет только и делаю, что в живых людей стреляю, офигенный повод для гордости, — снова выкручиваюсь я.

— Да уж, — соглашается Костылев, — кровь людская — не водичка, лить ее тяжело. Жаль, не все понимают. Ну а так, если в общих чертах, что умеешь?

— Ну, если в общих чертах... Рукопашный бой, самбо, немного боксирую. Стрелковое оружие нашего производства — практически любое, с иностранным — похуже, но из какой-нибудь «М-4» или «беретты» пальнуть смогу. Гранатомет, «АГС», с оптикой тоже работать приходилось, но на полноценного снайпера не тяну, все эти формулы тысячных и прочие боковые поправки на ветер для меня — темный лес. МОНку или «растяжку» и сниму, и поставлю. Засады, разведпоиск, организация головных и тыловых дозоров при движении колонн и секретов на маршруте. Городской бой, зачистка зданий. Есть опыт командования и малыми группами, и до взвода включительно. Вожу легковые машины, грузовики и БТР. С

гусеничной бронетехникой дела иметь не доводилось. Летного опыта тоже нет. Вроде все.

— Ничего себе «все»! Получается, если все правда, то сидит передо мной командир разведывательного или штурмового взвода ОсНаз и Ваньку валяет. Силен, бродяга!

— Стоп-стоп, Игорь Васильевич! Где вы тут увидели какого-то таинственного «командира взвода»? — демонстративно оглядываюсь вокруг. — В упор не вижу.

— Понятно, ладно, не будем бежать впереди паровоза, — подозрительно покладисто соглашается капитан.

— Да, вот еще что, — я достаю из набедренного кармана штанов кожаный шнурок с жетонами, найденный в ранце бородатого главаря итум-калинских бандитов. — Думаю, это надо отдать именно вам.

Тот молча принимает из моих рук связку жетонов, не спеша их перебирает, читает фамилии.

— Спасибо. Некоторые из этих ребят пока в пропавших без вести числились. Мы сообщим семьям. Что ж, вот и познакомились. Ладно, Михаил Николаич, не смею больше задерживать. Всего доброго.

Я встаю со стула, жму на прощание протянутую капитаном руку и иду на выход.

— А о моих словах о командире взвода все же подумай, — слышу за спиной негромкий голос Костылева уже за порогом кабинета. Киваю в ответ и закрываю за собой дверь.

Уже почти дойдя до «Псарни», останавливаюсь в нерешительности. Возвращаться не то что страшно... Но чувствую себя все равно неудобно. Как чувствовал себя в далеком детстве по дороге в школу, когда знал, что на крыльце могу столкнуться со своим злейшим врагом Риней Гильдеевым, хулиганом из параллельного класса, державшем в страхе почти всю школу, и стайкой его прихлебателей. Понятное дело, что идти придется и драться буду — авторитет дороже любой порванной рубашки и разбитого носа, но все равно не хотелось.

— А ну, соберись, тряпка! — мысленно команду самому себе. — Тебе что, тринадцать лет?! Детский сад разве! Детский сад разве! Детский сад разве!

Делаю физиономию кирпичом и неспешной, уверенной походкой направляюсь к двери в трактир. Войдя в зал, замираю на пороге. Кое-что тут крепко изменилось. Два стола в центре зала сдвинуты вместе. Вокруг них — с десяток крепких мужиков, чей внешний вид и повадки не оставляют сомнений в их роде занятий — наемники. А на столах — пресловутая скатерть-самобранка с поправкой на вкусы здоровых, полных сил и выпивающих мужчин: много мяса и зелени, свежие овощи, всевозможные соленья, от исконно русских маринованных огурчиков и квашеной капусты до черемши, свежий, одуряюще пахнущий лаваш с тмином и, разумеется, батарея бутылок, содержимое которых не вызывает ни малейших сомнений — водка. Во главе стола сидят Кузьма и бородатый Убийвец. Получивший от меня трепку Толик и двое парней, что при этом присутствовали в качестве зрителей, тоже здесь. Присматриваюсь к остальным. Сразу видно — серьезные ребята, бывалые. На лицах вполне доброжелательные выражения, да и накрытая «поляна» говорит сама за себя. Похоже, можно перевести дух, проблем не будет. И слава богу!

— Ну, еще раз здравствуй, чужак, — встает мне на встречу Костя. — Как-то не так наше знакомство началось, не считаешь? Мы тут с ребятами помозговали, решили вот, — он обводит рукой «натюрморт» на столе, — за испорченный обед извиниться. Проходи, присаживайся, поговорим, водочки выпьем.

— Согласен, знакомство с первого раза малость не задалось, — отвечаю я. — Но вот беда, не пью я водку.

— Это в смысле «пошли вы нахрен»? — мрачнеет Костя.

— Нет, это в смысле «я действительно не пью водку, но с удовольствием тяпну с вами пивка». Кузьма, пиво у тебя какое есть?

— Светлое и темное, — гудит в ответ местный хозяин и, до кучи, бармен.

— И? — киваю я на стойку бара, за которой сейчас стоит давешняя «валькирия», намекая на то, что кранов три.

— И квас, — улыбается тот.

— Понятно, тогда мне светлого пару, для начала, — говорю я и присаживаюсь на свободный край лавки.

— Ну, тогда давай знакомиться, — снова вступает в разговор Убиец. — Кузьму ты уже знаешь. Я — Костя, позывной — Убиец. С Толиком ты тоже уже знаком, он сопляк еще, позывного не заработал. Это... — следующие пару минут Убиец по очереди представляет сидящих за столом наемников, причем после каждого имени следует позывной. Не кликуха, не погоняло, не прозвище, а именно позывной. Похоже, он тут — обязательная приставка к имени бывшего Вольного Стрелка. Недаром вон Толя при словах «сопляк» и «позывной не заработал» совсем сникает.

Похоже, сегодняшнее происшествие отодвинуло его перспективу на получение персонального позывного еще дальше. А еще до меня, кажется, доходит, чего уса́тый лейтенант Карташов на въезде ждал от меня, после того как я назвал свое имя. Упс, опять «косяк». Ладно, глядишь и обойдется.

Процедура представления, наконец, завершена. Теперь моя очередь.

— Ну, что ж, здравствуйте все. Зовут меня Михаил, позывной — Чужой.

Тут я не вру. Началось все еще в первую чеченскую кампанию, когда мы, тогда совсем щенки сопливые, внезапно осознали, что «дикие чеченцы» спокойно слушают все наши радио переговоры, а «секретные» таблицы радиокодов попадают к ним из наших штабов даже раньше, чем к нам. Нести потери из-за того, что у тебя нет секретов от врага, не хотелось, и нами было принято простое и эффективное решение. Пусть этими самыми таблицами пользуются те, кто их придумал и нохам продал. А мы будем выдумывать свои. Позывными становились прозвища, а шифрованные команды выдумывались на общих «посиделках» всей ротой. Что после этого творилось в эфире — передать сложно. И «чехи», и наши «штабнюки», наверное, с ума сходили, слушая примерно следующую тарабарщину:

— Чужой, Сафону.

— На приеме Чужой.

— Со стороны тостера наблюдаю три бутылки «Балтики-Портер», один не выпью, подключи свою мясорубку.

— Понял тебя, Сафон, сделаем.

А означала вся эта галиматья, что командир третьего отделения первого взвода разведывательной роты сержант Сафиуллин заметил со стороны подбитого танка выдвижение группы боевиков, количеством до двадцати голов. Понимает, что силами своего отделения он может и не справиться, и просит у командира первого отделения того же взвода сержанта Тюкалова помощи огнем «АГС».

Конечно, нарушение правил радиообмена налицо. Вот только кто и что нам мог за это сделать? Вовсю шел штурм Грозного, и кому было дело до каких-то балбесов-срочников, которые могли и до завтрашнего утра-то и не дожить. Но мы все же выжили, не все, но выжили. И полученное мною по совершеннейшей глупости еще на КМБ²² прозвище превратилось в позывной, который периодически звучал в эфире Чечни на протяжении почти шестнадцати лет. И, похоже, скоро зазвучит вновь.

— Это за что ж тебя так? — с улыбкой спрашивает Кузьма.

— Да так, вот за это, наверное.

Я задираю вверх правый рукав футболки.

— Ни фиги себе! — вырывается у Толи.

Ага, согласен, татуировка хороша! Я в свое время в тату-салоне на проспекте Мира в Москве за нее весьма приличные деньги отдал. Прямо с плеча на зрителей злобно скалится монстр из фильма Ридли Скотта. Антрацитово-черная блестящая голова, ребристая грудь,

²² КМБ — Курс молодого бойца, первоначальный этап подготовки молодого пополнения в РА и ВВ МВД РФ.

белоснежные острые клыки, тонкие суставчатые пальцы лап длинными кривыми когтями как бы впились в бицепс и трицепс, из ранок даже выступила кровь. Уродливый хвост с мощным шипом на конце обвивается вокруг плеча замысловатой петлей. Внушает, знаю. Я в свое время долго объяснял мастеру, чего от него хочу, но зато результат превзошел все ожидания. Увидев готовый эскиз, даже сам испугался. Не буду объяснять, что прозвище появилось гораздо раньше, чем тату. Им это и не важно.

— Серьезная зверюга, — тянет задумчиво бармен Кузьма. — И я даже помню откуда. Вот только странно, что ты ее помнишь, вроде молод слишком. А что за мастер делал?

— Этого мастера, к сожалению, давно нет в живых, — совершенно искренне отвечаю ему я.

Да уж, вряд ли ядерный удар, сровнявший с землей Москву, пощадил небольшой тату-салон рядом с ВДНХ.

— Жаль, — соглашается Убивец, — большого таланта человек был, сразу видно. Жуткая тварь, аж мурашки по коже.

Тут «валькирия» из-за стойки приносит мне две огромные, похоже, литровые, кружки с пивом. Благодарю ее и, подняв одну, провозглашаю сакраментальное:

— Ну, за знакомство!

Потом выпили за здоровье всех парней в черных банданах. Потом, молча и стоя — «третий» за павших товарищей, тут даже мне пришлось махнуть «пятьдесят капель», потому как пиво под такие тосты не пьют. Потом пили за единственную среди нас представительницу прекрасного пола, «валькирию» по имени Зина, оказавшуюся женой Кузьмы. Потом нам с заднего двора принесли подоспевший шашлык. Потом снова пили, на этот раз за победы русского оружия... А потом я, кажется, забыл, что не пью водку...

Просыпаюсь от того, что кто-то тормозил меня за плечо. Разлепляю глаза и вижу перед собой Ваньку. Того самого, с которым мы выезжали из Моздока.

— Миха, хорош дрыхнуть, на построение опоздаешь!

Оглядываюсь вокруг. Я лежу на своей койке, на втором ярусе в нашем кубрике на базе в Беное. Вот, блин, приснится же такое! Спрыгиваю вниз, прямо на свои тапочки, натягиваю маскхалат и быстро шлепаю на выход. У нас не армия, но за опоздание на построение можно легко на неделю в наряд по столовой «загреметь», картошку чистить в качестве «поощрения». Выхожу из казармы на маленький крытый пятачок между кубриками личного состава и командиров. Все уже стоят в строю. Тихонечко юркаю на свободное местечко на левом фланге. Может, не заметят. Ну да, как же, мое двухметровое «тельце» да чтоб не заметили.

— Прапорщик Тюкалов, выйти из строя, — командует Батя, «в миру» — командир Отряда полковник Львов.

— Есть, — бормочу себе под нос я и начинаю проталкиваться сквозь строй.

— Ну, что ж ты, Миша, — Батя всегда говорит негромким голосом, но слышно его всем. — Что ж ты творишь-то?

Чего я такого творю, я пока еще и сам не понял, думаю, сейчас мне все мои «прегрешения» распишут в подробностях, но, на всякий случай, выстраиваю на физиономии виноватое выражение морды, полуоборачиваюсь на стоящего позади меня Львова и снова бурчу:

— Виноват, товарищ полковник.

— Да знаю, что виноват, — снова слышу за спиной тихий голос командира. — А ведь мы тебе на базе памятник поставили... В Подмоскovie пустой гроб с пеплом из того «КамАЗа» похоронили, вам же в кабину еще одну гранату из гранатомета вклепили, все дотла выгорело. Не разобрать, где ты, где водитель. А ты оказывается — живой. И ведь из всех нас ты один живой остался.

Мне, несмотря на тридцатиградусную жару на улице, враз становится очень холодно. Короткий ежик волос встает дыбом. Я поднимаю глаза на стоящий передо мною строй и

понимаю, что все стоящие в нем мертвы. Нет, они не обезображены ранами, не залиты кровью, и плоть их не свисает с костей клочьями. Они выглядят почти как живые люди. Но все они — давно мертвецы.

— А ты ведь до нас так и не доехал, Миша, — снова слышу из-за спины спокойный мертвый голос своего мертвого командира и...

...и с хриплым воплем подпрыгиваю на койке. Простыня, подушка и легкое одеяло, под которым я спал, промокли насквозь. Да и сам я в липком холодном поту. По груди, шее и вискам стекают крупные капли. Дышать тяжело, будто грудь стянута железными обручами. Сердце бьется так сильно и гулко, словно хочет сквозь ребра проломиться наружу.

Твою мать!!! Никогда ночными кошмарами не страдал, а тут... Похоже, не стоило все же вчера столько пить. Хорошо хоть похмелью я не подвержен, выгодное такое свойство организма. А то страдал бы сейчас головной болью и «сушняком». Кстати, а чем вчера все закончилось? Убейте, не помню. Судя по ощущениям, без молодецких игрищ не обошлось, мышцы ноют здорово. Однако синяков не видать, да и кинтуса не сбиты. Значит, всерьез не дрался. Это хорошо. Вот ведь, блин, а чего это я вообще надрался-то, аки сапожник? Вроде никогда особой тягой к алкоголю не страдал, а последние несколько лет так вообще водку не пил. А тут... М-да, думается, это у тебя, дорогой друг, просто нервишки сдали от внезапных и кардинальных перемен в жизни. Вот и попытался стресс снять.

И уже стоя под душем, понимаю — я просто обязан добраться до нашей базы в Беное. Обязан, иначе мертвые не оставят меня в покое.

Вымывшись и отскоблив вылезшую за два дня щетину, выхожу из душа и бросаю взгляд на циферблат своих «Командирских», лежащих на тумбочке. Почти шесть утра. Спать уже явно не получится. А до завтрака еще три часа. Достая из шкафа свежеприобретенный «сто третий» и остатки ветоши из «мародерки». Сергей Сергеевич говорил, что большую часть консервационного «пушечного сала» из автомата удалили, но почистить его все-таки надо. Чувствую — скоро он мне понадобится.

Закончив чистку автомата, начинаю снаряжать магазины. Шесть трофейных, еще четыре мне Сергей Сергеевич с вместе с автоматом продал. Как раз почти все патроны из «сидора» в магазины и перекочевали. Потом снова убрякиваюсь на застеленную кровать и начинаю мысленно составлять список необходимого мне для нормальной жизни имущества. Нательное белье, футболки, носки, тапочки, ветошь для чистки оружия, ружейное масло или хотя бы соляра, совсем в крайнем случае — танковая «отработка». Теплое белье и свитер, это пока тепло, даже жарко, а уже через месяц-полтора в этих краях будет довольно мерзенько: сыро, холодно и весьма ветрено. А по ночам, так и сейчас уже далеко не Сочи, особенно под утро, я вспомнил, какую великолепную чечетку отбивали мои зубы вчера утром в Науре. Опять же, если радиостанция у меня теперь есть, не мешает прикупить для нее специальный чехол на РПС, не в кармане же ее таскать. Ну, на первое время вроде все. Если что еще и понадобится, теплая обувь там или зимняя одежда, то позже. Оставшееся до завтрака время просто валяюсь на койке, глядя в потолок и размышляя, каким бы образом мне поймать какую-нибудь «попутку» в сторону Ведено. Не пешком же топать. Тут все же, как ни крути, километров семьдесят выйдет, если по дороге, а по-другому в Чечне и не получается, уж больно рельеф сложный. Конечно, можно и пешком, но не хотелось бы.

Спускаясь по лестнице в обеденный зал трактира, обнаруживаю за стойкой свеженького, будто и не пил вчера, Кузьму, и за одним из столиков довольно мрачного, явно похмельного вида, парня. Рыжие волосы, зеленые глаза, нос курносый. Напрягаю память, ага, Саша, позывной — Шуруп. Похоже, наша троица — самые крепкие здоровьем люди в этом заведении. Остальные еще отдыхают. Подойдя к стойке, желаю доброго утра Кузьме и подсаживаюсь за стол к Шурупу.

— Привет, Саш, как сам?

— А то не видишь? Не очень...

— Слушай, ты не помнишь часом, я вчера не барагозил?

— А что, сам не припоминаешь? — Саша отрывается от своей яичницы и удивленно

смотрит на меня.

— Я ж вам, иродам, говорил, что водку не пью.

— Это ты-то не пьешь?! — Саша чуть не подавился от наигранного возмущения. — Да Убийвец вчера попробовал тебя перепить и под стол свалился.

— А я?

— А ты потребовал гитару, а когда Кузьма тебе ее дал, начал такое наяривать, что сюда «на огонек» какие-то очень симпатичные девушки забрели, чего в «Псарне» отродясь не бывало, побаиваются они нас, хотя мы вроде поводов не давали.

— Спасибо, Зинуль, — благодарю я принесшую мою порцию жену Кузьмы и, нацепив на вилку первый кусок яичницы, продолжаю выяснения. — А дальше?

— А дальше Толя потребовал, чтоб ты ему показал тот прием, которым ему чуть руку не сломал. Все заинтересовались. Раздвинули вон в том углу столы. Так ты сперва Толика покувыркал, потом Артема Ковалю, а потом предложил попробовать тебя толпой взять.

— И чего, взяли?

— Ага, впятером все-таки уронили. Даже радоваться начали. А потом, глядь, а ты спишь, паразит, аж похрапываешь. Короче, Четверть нам победу не засчитал, сказал, не велико достижение, спящего впятером на пол уронить.

— Да уж, погуляли...

— И не говори! — хохотнул Саня. — А как мы тебя спать унесли, так девчонки и смылись тут же. Обидно, блин. Но ты их покорил. Правда, Зин?

— Точно, — отозвалась выглянувшая с кухни Зинаида. — Прямо сокрушались! «Как он пил, как он пел!» — с придыханием протянула она тонким голоском, явно кого-то пародируя.

— Да, блин, стыдно! — подытожил я. — Столько лет не пить, а потом вдруг взять и устроить дебош. Позор на мои седины!

— Да ладно, — попыталась реабилитировать меня в моих же глазах улыбающаяся Зина. — Дебош, это когда мебель в щепки и кровь по стенам, как из поливального шланга.

— Что, и такое бывает? — удивляюсь я.

— Да бог с тобой! — машет она на меня рукой. — Отродясь не было, Кузя б успокоил мигом.

Разделавшись с яичницей и легким овощным салатом, запив все это дело стаканом холодного кисленького кваса, снова подхожу к барной стойке.

— Кузьма, слушай, а лавка Старосельцева со сколько работает?

— С десяти, вроде.

— Ага, понял, спасибо. И за завтрак тоже, очень вкусно.

Возвращаюсь в номер, вытряхиваю все содержимое своей РДшки, пакую в нее трофейные ножи и РПС с пулеметными подсумками. Это на продажу. Все серебро высыпаю в нагрудный карман «горки». Вот, еще и кошелек какой-то надо под местные деньги раздобыть, в портмоне их носить точно не получится.

До лавки деда Тимохи иду не спеша, прогулочным шагом, наслаждаясь утренним теплом, еще не превратившимся в дневную жару, ярким солнцем и чистым воздухом. На улице довольно многолюдно, носится, звонко шлепая босыми пятками по растрескавшемуся асфальту, детвора. Чинно шествуют куда-то, судя по пустым плетеным корзинам, на рынок, степенные теткли: русские, чеченки, осетинки, кумычки. Некоторых сопровождают молодые девушки, похоже — дочери. В тех степенности еще нет, они больше похожи на тонконогих быстрых горных козочек. Некоторые, тайком от матери, бросают в мою сторону быстрые заинтересованные взгляды и озорные улыбки. Ну да, я ж приметный: почти два метра росту, сто двенадцать кило весу, крепкий, спортивный, жирок, правда, уже начал затягивать «кубики» пресса, но еще не превратил накачанный живот в пузо. А тут еще черная бандана, с которой настоящий наемник расстается только в кровати и при купании, «АПС» в тактической кобуре, «РД» за плечами. Ну, просто герой-одиночка, гроза всех врагов и женских сердец!

Подмечаю малое количество автомобилей. За всю дорогу мимо меня проехал только древний, но удивительно бодро выглядящий, «козлик» «ГАЗ-69» с бойцами Дорожной Стражи да армейский «Урал» с брезентовым тентом. Зато «гужевого транспорта» на улицах хватало. Пожилые аксакалы в кучерявых папахах гордо восседали на неспешно цокающих копытцами осликах. Четверо молодых парней, как и положено истинным джигитам и бесшабашным казакам, во весь опор, аж со свистом, пронеслись на резвых жеребцах, будто за ними шайтан гнался.

Немилосердно пыля и протяжно мыча, протопало мимо меня куда-то довольно большое стадо коров, сопровождаемое пастухом средних лет на низкорослой и широкой кумыской лошадке. А чуть позже еще двое, на таких же степных коньках, прогнали небольшой табун. Интересно, ведь нефти в Чечне полно, да и перегонять ее в бензин тут отлично умеют, мало, что ли, я спалил самодельных нефтеперегонных «самогонных аппаратов» что в первую, что во вторую кампании. Скорее всего, дело в ограниченном количестве исправного транспорта и недостатке запчастей. Вряд ли война пощадила производства. Хотя, если Ростов-на-Дону уцелел, должен был уцелеть и тамошний машиностроительный завод. А с другой стороны, а что там собирали? Комбайны «Дон» и «Нива», а еще что? Фиг его знает, не помню, да и не интересовался я этим никогда. Помню, что «Жигули» собирали в Тольятти, «Москвичи» — на АЗЛК в Москве и в Ижевске, «Форды» — в Калининграде, кажется. На этом мои «глубокие» познания в данной области и заканчиваются. Своей машины у меня никогда не было, водить научился в армии, там и права получил, совершенствовал умения по ходу службы. А вот на свою так и не скопил, потому и не интересовался этим вопросом.

Дом у Тимофея Владимировича выглядит вполне цивильно: довольно большой, двухэтажный, с белыми, оштукатуренными, судя по всему, известью стенами и синими наличниками на окнах, окруженный высоким забором двор, крытая бурой черепицей крыша. Сама лавка — на первом этаже, а второй, скорее всего, жилой. Нормальное явление, я такое и в наше время в здешних краях, в Дагестане и в Осетии не один раз видел. Входная дверь открыта. Ну да, времени уже десять минут одиннадцатого, пора.

— Вот это гости! — слышу я, едва за мной закрывается дверь. — Мишаня, а я уж думал, придется мне, старому, самому с твоим маскхалатом в «Псарню» топать. Ты как, по делам или в гости?

— Скорее, по делам, Тимофей Владимирович, но и в гости тоже. Кое-чего прикупить надо. И продать, если купите.

Спрашиваю у Старосельцева о состоянии Егора, выслушиваю благодарности за медицинскую помощь, оказывается, местный хирург высоко оценил мою работу и даже сказал, что если б все было сделано хуже, то парень мог бы и умереть по дороге от кровопотери и болевого шока, а сам осматриваюсь.

Да, не врал Тимофей Владимирович, рассказывая об успешности своего предприятия, скорее даже немного приуменьшил, назвав свою «торговую точку» небольшой. Вполне себе приличных размеров магазинчик. И ассортимент такой, что некоторые московские магазины «военоторговской» направленности вполне могли бы позавидовать. Есть тут на что поглядеть, есть из чего выбрать! Много форменной одежды: от теплых зимних комплектов до легких сетчатых КЗСов.²³ Несколько разновидностей «горок» и прыжковых комбинезонов: черных, хаки и камуфлированных. Правда, выбор камуфляжных расцветок, мягко говоря, не впечатляет. «Березка» с желтыми или белыми пятнами, «партизан», стандартная армейская «трехцветка» и нечто напоминающее американскую «цифру», похожий камуфляж был на грузинских солдатах во время войны с Южной Осетией. Поневоле вспоминается «буйство красок» в магазине того же моздокского «Икара» в мое время. Тут тебе и «камыш», что синий, что зеленый, и «кукла», и немецкий «флектарн», и всевозможные вариации на тему

²³ КЗС — костюм защитный снайперский, мешковатый комбинезон из сетчатой камуфлированной ткани.

многочисленных американских расцветок. Про «эротические фантазии» местных умельцев я вообще молчу. Среди них можно было отыскать и камуфляж и для лунной поверхности, и для войны в каких-нибудь венерианских джунглях; где еще могли понадобиться столь дикие цветовые сочетания, я придумать так и не смог, хотя фантазия у меня богатая. Да, похоже, ставшая уже историей война и тут внесла свои коррективы.

А вот обувь сначала меня здорово удивляет. Как-то привык я к тому, что в обувных отделах всевозможных армейских магазинов все полки заставлены берцами. Тут картина несколько иная, тут царство сапога. Высокие, средние и совсем короткие, зауженные и широкие, с гладкими голенищами и с собранными в «гармошку», обычные, для «пехотуры», и кавалерийские, с подколенными ремешками. Юфтовые, хромовые, яловые, кирзовые. Вот это да! Прямо глаза разбегаются. А вот берец вижу всего три пары: одни больше похожи на кожаные кеды, заполучившие высокие шнурованные голенища. Подошва тоненькая, голенище плотно облегает ногу. Летние, облегченный вариант, вот только где в таких ходить? Сквозь такую подошву каждый камешек чувствуется. Вторые — грубые, с широкими, почти квадратными носами и мощной подошвой, в которой видна тонкая деревянная прокладка, больше похожие на обычные укороченные солдатские «кирзачки», в которые довольно умело, но все равно не слишком элегантно вшили шнуровку. А вот третьи — настоящее произведение искусства! Внешне сильно похожие на мои «Коркораны», только полностью кожаные, без кордурных вставок. Приглядываюсь к ценнику. Однако! За такие деньги я мог бы себе еще парочку «АК-103» купить! Впрочем, ни «кеды», ни «деревяшки» низкой ценой похвастать тоже не могли. Даже квадратноносые страшилища стоили столько же, сколько хромовые кавалерийские сапоги из тончайшей, отлично выделанной, блестящей черной кожи. Хотя не так уж это странно, как может показаться на первый взгляд. Хорошие сапоги умели тачать еще во времена Петра Первого. Никаких особых сложностей в этом деле нет. Был бы мастер-сапожник и кожа. А вот берцы пошить куда сложнее. Правда, судя по всему, кто-то очень даже неплохо справляется, хоть и дерет за свою работу немилосердно.

Вот что-что, а всякая воинская «упряжь»: ремни, портупей, кобуры, разгрузочные жилеты и ременно-плечевые системы, под сумки к ним, всевозможные рюкзаки, ранцы, сумки, баулы и прочие вещмешки — почти не отличаются от тех, которые я видел и покупал в прошлом. Разве что не видно никакой синтетики, все из натуральной, отлично выделанной толстой кожи или многослойного брезента. И не сказать, что дорого, ну да, товар в здешних краях наверняка ходовой, производителей много. Конкуренция, то-се, одним словом, звериный оскал капитализма на службе потребителя.

Вижу и футболки, тех же расцветок, что и у верхней одежды, и грубой, явно ручной вязки свитера с высоким горлом. А вот носков не видать, зато лежат рулоны портянок: и летних, и зимних. Вот интересно, у них тут вообще носки в ходу? Как бы ни морщили свои нежные носики высококультурные «эстеты», как бы ни открещивались от них, как от позорной страницы темного прошлого затурканые «общественным мнением» и всяческими «Комитетами таких-то матерей» генералы, а все ж таки портяночка она получше носка будет. Нет, конечно, в городе да в дорогих кожаных туфлях портянка смотреться не будет. А вот в походно-полевых условиях, когда большую часть дня, а то и несколько суток подряд нет никакой возможности снять обувь, когда некогда и негде просушить ботинки, когда надо идти по жаре не один десяток километров... В таких условиях носок либо превратится в осклизлый вонючий рассадник грибковых заболеваний, либо благополучно рассыплется, а нога будет растерта внутри отсыревшего берца или сапога просто в мясо. Лично я во время первой кампании именно портянками себе ноги и спас. Мы тогда две недели из ботинок не вылазили, а когда остатки нашей почти ополовиненной нохчами бригады особого назначения все-таки вывели из города на отдых и переформирование, я, разувшись наконец, чуть не помер от чудного «амбрэ». Портянка сползала с ноги, будто листья с протухшего капустного кочана, маленькими, расползающимися прямо в руках гнилыми клочками. Но вот сами ноги, как ни странно, почти не пострадали. Нет, и опрелостей, и потертостей хватало, но у бедолаг, на которых были носки, ноги гнили, будто у прокаженных. Одному, помнится, пришлось

пальцы на ноге ампутировать — пошло заражение.

Так что против портянок я ничего не имею. А носки спрашивать даже не буду, на всякий пожарный, и так за мною уже упоротые по незнанию «косяки» можно на телеге возить.

Кроме одежды и обуви, на полках лавки деда Тимохи еще очень много всего. Саперные и пехотные лопаты, всевозможные ножи, от маленьких «складней» до «ухорезов» таких размеров и формы, что Джонни Рэмбо зарылся бы в асфальт со стыда за свою «зубочистку», котелки и фляги. Нашлось и ружейное масло, и даже вакса для ботинок. Так, а это что? Сразу видно, ядерная война хоть и осталась в прошлом, но последствия ее людям еще крепко «икаются». Иначе зачем все это? На отдельном стеллаже в рядок стоят несколько противогазов, фильтры для них, свернутые в тючки тяжелые прорезиненные ОЗК,²⁴ выкрашенный в стандартный армейский хаки ящик ВПХР,²⁵ еще какие-то ящички и коробочки, которые я не опознал, но которые, судя по их виду, точно относятся к службе РХБЗ,²⁶ скорее всего всякие дозиметры и газоанализаторы. Во время службы нас особенно по ЗОМП²⁷ не гоняли, считали, что в Чечне нам это не пригодится. Похоже, зря не гоняли. Но нельзя быть сильным во всем. Это только в тупых кинобоевиках не самого лучшего качества и книжках в мягкой обложке водятся супербойцы, что одновременно и снайперы, и водолазы, и саперы, и рукопашники, и парашютисты, а мотоциклом или джипом управляют с той же легкостью, что и вертолетом или атомной подводной лодкой. В жизни все не так. Хороший рукопашник никогда не станет хорошим снайпером — чувствительность у разбитых ударами по «груше» и лицам недругов лап не та, пропущенные удары по голове улучшению зрения не способствуют, а главное — боец по природе своей агрессивен, а снайпер должен быть холоден и расчетлив. Хороший пловец обычно плохо бегаёт, и наоборот — слишком разный ритм дыхания. Как там у классика: «Рожденный ползать — летать не может». Что называется, ВУС²⁸ у него не тот.

Я вот, несмотря на солидный военный опыт, так и не смог научиться всем премудростям снайпинга, вряд ли смогу сдвинуть с места БМП или БМД и только под угрозой немедленной и очень мучительной смерти соглашусь прыгнуть с парашютом. И плавать не умею. И дайвинг для меня — просто знакомое слово.

Так, что-то я отвлекся, я ж сюда по делу пришел. Объясняю Тимофею Владимировичу, что именно хотел бы купить, а заодно выкладываю на прилавок то, что хотел бы продать. В результате получаю семь рублей за РПС и по рублю за каждый нож. А в опустевшую РДшку складаю отличный серый шерстяной свитер крупной вязки, пару черных футболок, твердый брезентовый чехол для рации, небольшой рулон тонких портянок, отрез грубой сероватой ткани на ветошь, трое классических армейских ТТСов²⁹ и полулитровую пластиковую бутылочку с маслом. Тапки и кошелек Старосельцев советует мне купить на рынке, расположенном ближе к восточной окраине станицы. Я расплачиваюсь и уже

²⁴ ОЗК — общевойсковой защитный комплект, предназначенный для защиты военнослужащего от радиационного поражения.

²⁵ ВПХР — войсковой прибор химической разведки.

²⁶ Служба РХБЗ — войсковая служба радиационно-химико-биологической защиты.

²⁷ ЗОМП — защита от оружия массового поражения, один из учебных предметов, изучаемый военнослужащими срочной службы.

²⁸ ВУС — воинская учетная специальность.

²⁹ ТТС — трусы тканевые синие.

собираюсь откланяться, как Старосельцев снова вспоминает о моем маскхалате.

— Подожди-ка меня тут, ладно, Миша? Я даже лавку закрывать не буду, туда и назад. Если кто придет, скажи, вышел дед Тимоха, сейчас будет.

Я никуда не тороплюсь, а потому покладисто соглашаюсь. Старосельцев уходит, а я остаюсь в лавке. С «туда и назад» Владимирович явно погорячился. Вернулся он только минут через пятнадцать, зато с чрезвычайно довольным видом. А «березку» мою и отстирали начисто, и даже отгладили. Блин, хорошо не накрахмалили, а то был у моей бабули такой «безобидный» бзик — крахмалить до жестяной жесткости все подряд. Вот, помню, я по детству намалялся!

Прощаюсь с хозяином лавки и выхожу на улицу.

Тут-то меня и вяжут... Вернее — пытаются... Силенок у ребят полно, а вот умения явно не хватает. Вся суть задержания в паре в том, что оба задерживающих должны брать «объект» одновременно, лишая его маневра и подвижности. Тут левый слегка запаздывает. Когда кто-то, стоящий прямо за дверью, резко хватается меня за правую руку, я начинаю действовать не раздумывая: хлестко, от локтя, наношу расслабляющий в пах. Слышу, как резко выдыхает нападающий, ага, попал удачно, а потом, вкладывая в удар энергию разворота всем корпусом, бью полусогнутыми напряженными пальцами левой ладони ему точно в кадык. «Клиент», закатив глаза, оползает по стене на асфальт. Второй, стоявший слева, бросается на меня, но пропускает сперва резкий пинок в колено, а потом простую, без затей, «тройку» в голову, и оседает мне под ноги.

— А ну, замер! На колени! Руки за голову! Пристрелю нахер, сука!!! — слышу я злой и растерянный молодой голос со стороны припаркованного у обочины «УАЗа». — Охранная Рота, ты арестован!

Вот и приплыли... Надеюсь, я никого из этих обормотов криворуких не убил... Медленно, чтоб этот перепуганный тем, как я в две секунды уделал двух его коллег, щенок не надавил сдуру на спуск, опускаюсь на колени, складываю руки на затылке.

Народу в камере немного — всего восемь человек, я девятый, но она маленькая, и оттого тут довольно тесно. Да еще полное отсутствие вентиляции, и проистекающие из этого жара и вонь. Воняет давно не мытым потным телом, нестиранным бельем, портянками и расположенной в дальнем углу, отнюдь не озонирующей воздух парашей. Фу, мля, в некоторых наркоманских шалманах, которые мы по долгу службы периодически «накрывали», и то воняло меньше. Конвоир грубо впихнул меня внутрь и, захлопнув дверь, загремел засовом. Молча прохожу к двухъярусным деревянным нарам из плохо оструганных толстых досок, забираюсь на верхний ярус, чтоб сверху всякая дрянь на голову не сыпалась, и, прислонившись спиной к бетонной стене и опершись подбородком на сложенные на согнутых коленях руки, погружаюсь в невеселые мысли.

Вот и допрыгался ты, Михаил Николаевич. Гадать, на чем ты прокололся, бесполезно. Проще сказать, на чем ты НЕ прокололся. Вопрос в другом: за кого тебя принимают местные? И как доказать им, что ты — вовсе не он? Сейчас, даже если рассказать правду, примут уже не за сумасшедшего, а за хитрого вражину, симулирующего сумасшествие. Ой, попал!!! А Старосельцев тоже хорош, гад: улыбался, зубы заговаривал, а сам, мозги мне запудрив, помчался «особистов» местных вызывать. Хотя он со своей точки зрения полностью прав. А вдруг я шпион? Ага, блин, американский! Из-под груды радиоактивного пепла выкопался, вплавь через океан перебрался и сюда притопа. Узнавать самую главную Военную Тайну.

А самое поганое, что ни задержавшие меня бойцы, ни младший лейтенант, «допрашивавший» меня перед отправкой в камеру, не подкинули ни малейших намеков на этот счет. «Допрос» вообще был верхом кретинизма: меня притащили в какой-то кабинет, хозяин которого сообщил, что меня обвиняют в шпионаже, «откатал» на листе бумаги тушью отпечатки моих пальцев и ладоней и задал всего один вопрос: «Сам, добровольно, рассказать ничего не хочешь?» Нью-ню, что ж вам сказать-то? После того как я отрицательно

мотнул головой, «мамлей» просто дал отмашку конвоирам, мол, уберите это. Они и убрали, в подвал, в эту самую камеру. Предварительно отобрав куртку от «горки» и шнурки из берец. Все остальное изъяли еще раньше, прямо возле лавки деда Тимохи. И вот что интересно, камера эта расположена вовсе не в подвале Комендатуры. Привезли меня совсем в другой домик. Поменьше размерами, но укрепленный ничуть не хуже. Я так понимаю, местная контрразведка, или МВД. Коллеги, мля! Причем, судя по уровню подготовки их «группы захвата», контрразведка тут лажовенькая. Что для меня очень и очень плохо. Уж слишком часто в подобных «конторах» недостаток ума и профессионализма восполняют «служебным рвением» и всяческими там лампами в рожу, резиновыми шлангами по почкам и всяким-разным в таком духе. Искалечат ведь нахрен...

— Оба-на, Трёпа, ты глянь, какие у фраера знатные ботиночки! — вырывает меня из раздумий чей-то нарочито громкий и наглый голос.

Перед нарами стоят двое. Классическая парочка: громила со «шнырем». Первый — голый по пояс, широкий, но какой-то корявый мужик цыганистого вида, с длинными, будто у гиббона, руками, весь густо заросший черным жестким волосом.

Второй — типичная «шестерка», мелкий чмошник с нахальной рожей, больше всего похожий на шакала Табаки из мультика про Маугли.

— Ага, Гуцул, отличные боты. И размер как раз твой, — мерзенько хихикает он в ответ на слова чернявого.

— Слышь, фраерок, как насчет обувкою махнуть? — Гуцул демонстрирует мне свои растоптанные и грязные горские чувяки.³⁰

Понятно, пора в камеру власть менять. Легко соскакиваю с нар и, спокойно глядя на эту парочку клоунов, цежу сквозь зубы:

— Ты чо разбазлался, мамалыжник? Чо лыбисся, как параша? Или зубы жмут?! А ну, нах, исчезли оба, пока в петушиный угол не определил! Или его тут нету? Так я его специально для вас двоих прям щас и органирую.

Гуцул, явно не ожидавший ничего подобного, замирает в недоумении. Потом до его ушибленных мозгов доходит смысл мною сказанного. С ревом тираннозавра, которому прищемили хвост, он бросается в атаку. Нью-ню, я в «органах» почти четырнадцать лет, сынок! А до этого — два года в спецназе. А еще раньше — детская спортивная школа. «Двойка» в нос, апперкот в челюсть. «Оппонент», будто подрубленное дерево, с грохотом рушится на пол. Нос я ему сломал точно. Насчет челюсти такой уверенности нет, но вполне возможно. А вот похожий на трусливого шакала Трёпа меня удивляет. Думал, он бежать кинется, а он, погань, выдергивает откуда-то узкую «заточку» и бросается на меня. И на старуху бывает проруха, верная пословица. Если б реакция у меня была похуже, пропорол бы он мне бочину, как пить дать, пропорол бы. А так обошлось неглубоким, но сильно кровоточащим порезом вдоль ребер. Не опасно, но неприятно. Обвожу тяжелым угрожающим взглядом остальных «пассажиров» камеры.

— Еще желающие повоевать есть?

Таковых не находится.

— Тогда бегом убрали от меня куда-нибудь подальше эту падаль, — я киваю на уже начинающего приходить в себя постанывающего Гуцула и лежащего у стены, в которую я его впечатал со всего размаху головой, Трёпу. — Воняют.

Мое распоряжение выполняется беспрекословно и быстро. Морщась и шипя, стягиваю с себя футболку, рву ее на длинные полосы и начинаю перевязку. Замечаю, что один из сокамерников уж очень внимательно разглядывает мою татуировку.

— Ты что-то хотел? — вежливо, но предельно холодно спрашиваю его я.

Когда-то слышал от одного бывалого человека, что в таких ситуациях предельная вежливость вкупе с предельной же жестокостью пугает людей куда больше, чем грубость.

³⁰ Чувяки — мягкая кожаная кавказская обувь без каблучков, похожая на тапочки.

Похоже, он и впрямь знал, о чем говорил. Сокамерник перепуганно машет руками и мотает головой, всем своим видом показывая, что ему, собственно, вообще ничего не надо, он тут так, просто мимо проходил.

Наложив более-менее приличную, насколько это в таких условиях вообще возможно, повязку, ложусь на нары прямо там, где сидел. Черт с ним, с мусором, что со второго яруса сыплется, но вверх-вниз мне сейчас скакать точно не стоит.

Кровь останавливается довольно быстро, рана и впрямь пустячная, просто глубокая царапина. Решаю больше ничем не забивать себе голову и просто заваливаюсь спать. Будь что будет, мать его!

Первый раз я просыпаюсь, когда приносят обед. Тогда же из камеры выносят мычащего от боли Гуцула и так и не пришедшего в себя, но все же живого Трёпу. На вопрос охраны, пытающейся выяснить причину происшедшего, спокойно отвечаю:

— Поскользнулись и упали, бедные.

— А с тобой что?

— Порезался, когда брился.

— Ну-ну, — неопределенно хмыкает тот и выходит.

А еда не так уж плоха, как я было представил. Обычная «сечка» со следами присутствия какого-то мяса. Во время срочной службы приходилось и похуже есть, правда, не в таких антисанитарных условиях. Наплевав на совершенно не повышающую аппетит вонь, подчищаю тарелку, выпиваю кружку какой-то бурой жидкости, которую по большой ошибке кто-то обозвал чаем, и, вернув посуду, снова заваливаюсь на нары. До ужина снова сплю. Хм, странное у них тут отношение к шпионам. Я предполагал, что из меня сейчас же кинутся паяльной лампой явки да пароли выжигать, выяснять, где акваланг-оружие-документы. А про меня просто забыли. Даже обидно как-то. Они меня что, за какого-нибудь уругвайского шпиона приняли? Такого, не сильно интересного, которого можно попытать в свободное от действительно важных дел время.

Минут через двадцать на нары рядом со мной подсаживается какой-то мужичок Невысокий, неприметный, какой-то вообще никакой. По внешности можно только сказать, что кавказец, но вот даже я, проведенный в здешних краях почти треть жизни, не возьмусь определить национальность.

— Не помешаю? — акцент тоже почти не чувствуется.

— Нет, не помешаешь, — отвечаю я, — хотел чего-то?

— Хотел от нас всех спасибо сказать, — отвечает он. — Мы-то, шестеро, вместе, так сказать, артель. А эти двое тут уже сидели, когда мы сюда попали. Мы люди смирные, а они — на дорогах «шалили», сами хвастали. Мол, сам черт им не брат, каторга — дом родной, всех убьют — одни останутся! Одно слово — уроды!

— А что ж такая «мирная артель» в этой камере делает?

— Ну, я же не спрашиваю, что тут делаешь ты...

— А я отвечу, меня подозревают в шпионаже. Правда, пока не объяснили, на кого...

— Ничего себе, — аж присвистывает мужичок. — Ну, тогда и я тебе скажу: мы по карточным играм, ну, «двадцать одно» там, покер. По крупным кабакам играем. Вот вчера один проигрался и в крик. Шулеры, мол. А при чем здесь шулеры, если сам играть не умеешь? Так что мы и не переживаем сильно, отпустят. Не впервой. Считай, в каждом городе есть хоть один урод, что, проигравшись, про мошенников орать начинает. Денег-то жалко. А мы играем честно, так что бояться нам нечего. Да и связи кое-какие имеются, если совсем прижмет. А вот у тебя, парень, дела плохи.

— Сильно плохи?

— Сильно... Будь ты вор или дорожный грабитель — загремел бы на каторгу, в каменоломни, ну или в Донбасс, уголек добывать. А вот у убийц и шпионов всего одна дорога — в петлю.

— Это если докажут.

— Эти, — мужичок кивает головой на потолок, — эти докажут. Сочувствую...

Мужичок отходит к своим, а я остаюсь наедине с весьма мрачными мыслями и предчувствиями.

Приходят за мной вечером. Снова отводят в тот же самый кабинет к тому же самому младшему лейтенанту.

— Что стоишь столбом, присаживайся, — кивает он мне на табурет, стоящий посреди комнаты, а потом кивает на мой перевязанный бок, — медпомощь не нужна?

— Да нет, спасибо, нормально все, — отвечаю я.

За спиной, с чуть слышным скрипом открывается входная дверь. Оборачиваюсь. В кабинет заходит примерно моих лет, но уже седой, лейтенант. Смотрит он на меня с нескрываемой ненавистью.

— Хорошо, продолжим, — снова говорит мне «мамлей». — Говорить правду — в твоих интересах. Твое имя, звание, задание, с которым тебя к нам забросили, фамилии связных и адреса «явок».

В ответ храню глубокомысленное молчание. Подождав пару минут и уяснив, что говорить я не начну, он, изобразив на лице крайнюю степень огорчения и разведя руками, как бы говоря: «Ну, мил друг, сам виноват, извини!», кивком головы дает отмашку седому лейтенанту. Тот, не говоря не слова, мощным, хорошо поставленным ударом ноги вышибает из-под меня табурет. Скорее всего, предполагалось, что при падении я должен был крепко приложиться затылком о бетонный пол. Ага, сейчас, размечтались! Страховка и самостраховка — это первое, чему учат человека, решившего заниматься самбо. Падаю аккуратно и без потерь для здоровья: скруглив спину, прижав подбородок к груди и слегка хлопнув по полу раскрытыми ладонями. Седой, осознав, что его выходка цели не достигла, сильно бьет меня ногой в бок, прямо по едва начавшему затягиваться порезу. Шиплю от боли, чувствуя, как теплая кровь снова начала пропитывать заскорузлую повязку.

— Ну что, сука, может, сам все вспомнишь, или помочь?

— Да пошел ты!

Когда минут через десять выдохшийся седой, плюнув от досады на пол, выходит из кабинета, надо мной склоняется «мамлей».

— Зря упираешься, у Петра в Каспийске, когда турки десант высадили, всю семью вырезали. Будешь молчать — он тебя измордует так, что повешения с нетерпением ждать будешь.

Когда дверь с грохотом захлопнулась за конвоирами, что втащили меня в камеру и бросили мою измочаленную «тушку» на нары, рядом снова нарисовался бригадир «мирной артели» картежников. Присев рядом, сочувственно цокает языком.

— Да уж, досталось тебе, парень. А я тебя предупреждал, шпионов тут не любят. Ладно, потерпи, сейчас полегче будет. — В его руках, словно по волшебству, появляется мокрое полотенце, которым он начинает оттирать корку запекшейся крови с моей физиономии. Потом присматривается к повязке на боку и морщится, словно от зубной боли.

— Сменить бы... Ладно, что-нибудь придумаем, — с этими словами он отходит к своим по-прежнему безмолвным товарищам.

И придумали. Судя по всему, это была чья-то еще вполне чистая нательная рубаша. Бригадир сноровисто порвал ее на ленты и вручил их мне.

— Держи, у тебя перевязка все равно лучше выйдет. Не спец я в этом.

Я только киваю в ответ и, поделив «перевязочный материал» пополам, первую половину пускаю на новую повязку, а вторую аккуратно затрамбовываю в небольшую щель между досками нар и бревном, к которому они приколочены. Сдается, свежие «бинты» мне еще понадобятся.

Предчувствия не обманули. Следующий день мало чем отличался от предыдущего. Меня снова отвели в кабинет к парочке «добрый-злой». Первый снова спрашивал, второй снова бил. А я — снова молчал. Отлежавшись на нарах и наложив новую повязку на опять открывшуюся рану, я попил чаю, заботливо припасенного для меня с обеда старшим «артели» картежников.

— Слушай, ну что ты сам над собой измываешься, — говорил он мне, пока я прихлебывал из мятой алюминиевой кружки холодный чай. — Ведь искалечат они тебя, а потом, один черт, вздернут. Слушай, ответь мне, только честно, ты жить хочешь?

— Глупый вопрос, конечно же, хочу.

— Тогда есть у меня к тебе одно предложение. Мы действительно бываем в разных местах. И у меня очень много самых разных знакомых. Так вот, есть люди, серьезные люди, которые готовы хорошо платить опытным бойцам, очень хорошо. А ты, как мне кажется, весьма даже опытный...

— Покороче можно? Какой я весь из себя крутой и суровый, я и без тебя в курсе. К сути переходи.

— Ладно, к сути. Нас завтра выпускают, я вполне могу связаться с этими людьми. Они проплатят кого надо, подробности тебе не интересны. И ты отсюда исчезаешь. Сам знаешь, деньги творят чудеса, а нету бумаг, нету и человека. А потом тебя отвозят в одно место и предлагают интересную и хорошо оплачиваемую работу.

— Слышь, братское сердце, ты сам-то эти словесные кружева плести не заманался? Я парень простой и конкретный. И хочу получить простой и конкретный ответ на свой вопрос: где и что надо делать? А нет — иди на хер!

— Тише, тише. Незачем так волноваться. Хорошо, вот тебе ответ: надо будет в горах учить молодых парней тому, что ты знаешь сам. За очень, — он специально выделил голосом последнее слово, — хорошие деньги.

Ага, вот даже как, да ты, похоже, меня в инструкторы к боевикам вербуешь! Ну, держись! Резко, не обращая внимания на резанувшую порезанный бок боль, я вскакиваю с нар и сгребаю «нанимателя» за ворот.

— Ах, ты ж, сучонок! — шиплю я ему в лицо, брызжа слюной от ненависти. — Да я таких, как ты и твои «серьезные», уже пятнадцать лет давлю! А ты мне?.. — я аж задыхаюсь, не найдя нужных слов. — Удавлю, падаль!!!

«Миролюбивая артель» дружно подрывается на выручку своему начальнику.

— Стоять, уроды, а не то я ему шею сверну, как куренку! — рявкаю я, ставлю бригадира «артельщиков» живым щитом между собой и ими.

— Охрана! — визжит он во весь голос. — Убивают!

Дверь распахивается. В камеру вваливаются двое широкоплечих молодцов с автоматами в руках.

— Стоять! Замерли оба!

— Парни, да вы знаете, что эта сволота мне предложила? — выдыхаю я.

— Нам ваши разборки до одного места! Отпустил его, я сказал!!! А сам заткнулся! Оба, быстро, мордой в стену и руки в гору! — рявкает один и вскидывает «калаш».

Предохранитель снят, патрон тоже, скорее всего, уже в патроннике. Да, спорить в такой ситуации не стоит. Выдернут на допрос, там я «вломлю» господина вербовщика. Авось, зачтется. Выполняю приказ и боковым зрением вижу, что горе-вербовщик замер в такой же позе, что и я, несколькими метрами правее.

— Так, — слышу я за спиной все тот же голос, — здесь оставлять его нельзя. В лучшем случае приключится труп. В худшем — несколько. А повесят все на нас с тобой.

— Так давай его в карцер, — отвечает второй охранник, — и повод есть — нападение на сокамерника.

И уже поздней ночью, когда я, стуча от холода зубами, сидел в тесном бетонном мешке карцера, сквозь приоткрывшееся на мгновение отверстие «кормушки» я услышал чей-то незнакомый голос:

— Ты правильно сделал, что не поверил этому кафиру,³¹ он не наш, он «наседка». Держись, мамелюк.

³¹ Кафир — неверный, не мусульманин (арабск.).

Спасибо за информацию, блин, а то я сам не догадался! Одно интересно, а кто этот таинственный «доброхот»? Еще одна «подстава» или в здешней контрразведке действительно завелся «крот»? И что такое «мамелюк»? Слово-то знакомое, слышал когда-то, но вот что оно означает, и почему его применили по отношению ко мне?

А утром меня, замерзшего и злого, опять привели в «допросную». Я уже было приготовился стойко переносить очередную часть здешнего «марлезонского балета», как вдруг мой взгляд зацепился за одну деталь интерьера, которой тут не было раньше. В углу, под потолком, висела маленькая камера видеонаблюдения, и объектив ее был направлен точно на мой табурет.

Ах, так! Смотрите вы, значит?! Интересно вам?! Ну, суки, сейчас я вам устрою представление. Охренеете глядячи!!! В конце концов, а что я теряю? Да я должен был сдохнуть под пулями боевиков в Алпатове еще три десятка лет назад. Да пропади оно все пропадом!

Я вскакиваю с табурета и, встав прямо перед камерой, начинаю пялиться в объектив.

— А ну сядь! — очнулся ошалевший от моего поступка седой. — А не то...

— Пасть захлопни, щенок! — рыкаю я в ответ с такой яростью, что даже сам пугаюсь звука своего голоса. — Не угомонишься, я тебе головешку твою тупую отверну быстрее, чем ты кобуру «лапнуть» успеешь! И похеру, что дальше будет! Меня, конечно, тоже привалят, но тебе это будет уже глубоко фиолетово. Да и начальство недовольно будет. Правда?! — ору я прямо в камеру. — Мля, уроды, вас там самих-то этот цирк не задолбал? Или вы думаете, что я такой кретин, что на весь этот млядский детский сад повелся? На эту вашу «сладкую парочку», один мудак вопросы задает, в которые сам ни на грош не верит, второй, мля, так меня ненавидит, что аж кушать не может, но при этом за двое суток, что меня молотит, ни одной серьезной травмы мне не нанес. Не то, что ребро, даже зуба ни одного не сломал. Я с самого детства «рукопашкой» занимаюсь и не хуже его умею бить так, чтоб было больно, но без критических последствий для здоровья. А этот «катала»³² ваш липовый! Интересно, он хоть «фулл хаус» от «стрейт флэша»³³ отличить сможет? Взяли его за полную хрень, но при этом сидит уже трое суток и даже возбужать не пытается! В горы он меня вербовать надумал! Тьфу, мля!!! Может, для вас они все и убедительны, но в тех краях, откуда я родом, их даже на роль зайцев на детском утреннике не утвердили бы!!! Устроили тут клоунаду! Единственные, кто был достоверен, так это та пара идиотов, что я в первый день в камере искалечил. Интересно, чем вы их на это подбили? Пообещали срок на каторге «скостить»?! Какого хера вам вообще от меня надо!!!

— Нам надо, чтоб ты рассказал правду, — слышу я за спиной спокойный тихий голос.

Оборачиваюсь и вижу в дверях Костылева, Карташова и какого-то незнакомого типа с майорскими звездами на погонах обычной армейской «трехцветки» без каких-либо шевронов. Под мышкой тот зажал... ноутбук! Офигеть, первый раз с момента провала в будущее я вижу тут компьютер!

— Вы свободны, — говорит Комендант Червленной враз сникшим и даже в размерах уменьшившимся «мамлею» и седому.

Интересно, а чего это бравых контрразведчиков так «накрыло»? Вряд ли от вида Коменданта или начальника Дорожной Стражи. Значит, таинственный майор — серьезная «шишка», причем именно по их ведомству. Обоих бесплотными тенями просто выдувает из комнаты. Кажется, ускорься они еще чуть-чуть, и я услышал бы хлопок от преодоления звукового барьера. Майор меж тем спокойно садится за стол и поднимает крышку ноута. Костылев присаживается на краешек стола, лицом ко мне, а Карташов, как и я, остается на ногах.

³² «Катала» — карточный шулер.

³³ «Фулл хаус», «стрейт флэш» — комбинации в покере.

— Мы хотим услышать правду, — повторяет Комендант.

— Правду? Ладно, будет вам правда, только не говорите потом, что я вас не предупреждал. Мое имя — Михаил Николаевич Тюкалов, специальное звание — прапорщик милиции, должность — милиционер-боец ОМОН, место службы — ОМОН ГУВД по Московской области, год рождения — одна тысяча девятьсот семьдесят шестой...

Клянусь, такой реакции на свои слова я не ожидал. Реакции не было вообще никакой. Они совершенно спокойно, будто все идет так, как и предполагалось, выслушали меня, а потом майор начал задавать вопросы и что-то настукивать на клавиатуре своего ноутбука. Поинтересовался именами ближайших родственников, образованием, наличием ранений, контузий и государственных наград, под конец спросил личный номер и, жестом фокусника, развернул ноут монитором ко мне.

— Узнаешь?

Еще бы не узнать, с монитора на меня глядела моя собственная фотография в сером милицмейском кителе, синей рубашке, при галстукe и с погонами прапорщика. То самое фото, что было вклеено в мое служебное удостоверение. И еще лежало в моем личном деле. Сбоку и чуть ниже фото вижу строчки стандартной анкеты.

— А еще, — выводит меня из состояния глубокой задумчивости голос майора, — тут сказано, что ты пал смертью храбрых, прикрывая прорыв попавшей в засаду автоколонны в поселке Алпатово, 15 сентября 2010 года. И даже награжден за этот подвиг орденом Мужества посмертно.

Наверное, выгляжу я сейчас полным кретином. По крайней мере, чувствую я себя именно так.

— Ну и какого хера ты нам тут дурака валял? — пристально смотрит на меня Костылев.

— Да кто б мне поверил? — огрызаюсь я.

— Но ведь сейчас же верим... Да и вообще, после того как больше половины планеты выжгли ядерными бомбами, после того как мне, мальчишке восемнадцатилетнему, полгода назад в армию попавшему, пришлось из «Буратины»³⁴ сжечь не одну тысячу своих же сограждан, виноватых только в том, что им дважды не повезло: они попали под ядерный удар, но не умерли сразу. После того как турки, которые только и умели, что сувениры туристам втюхивать, подмяли под себя Грузию, чуть не смяли Украину и, объединившись с Азербайджаном, просто растерзали в клочья Армению, а у нас пытались отбить Дагестан... Одним словом, мы тут способны поверить во многое.

— Погодите, что-то мне как-то нехорошо, — бормочу я, падая на табурет.

— Так, похоже, на сегодня с тебя достаточно, — встает из-за стола майор, — сейчас тебя определят в больницу, а как более-менее придешь в себя — продолжим. Заодно, пока есть время, Игорь Васильевич тебя немного введет в курс наших дел. Чтоб если и выглядел лопухом, то, по крайней мере, не шибко развесистым.

Вся троица дружно заулыбалась. Да уж, похоже, все мои попытки сойти за своего выглядели для них довольно жалко. Вдруг меня словно колют иголкой прямо в мозг. Я вспоминаю древний, посмотренный в далеком детстве, еще черно-белый, не то болгарский, не то румынский исторический фильм о временах, когда в их краях безнаказанно хозяйничала Турция. Память не сохранила ни имен героев, ни подробностей сюжета. Только название — «Мамелюк». И теперь я вспомнил, что это слово означает. Так в Османской империи называли самых отборных, свирепых и беспощадных янычар, которых выращивали из взятых в рабство еще младенцами христианских детей. И кто-то неизвестный назвал меня прошлой ночью именно так.

— Слушайте, маленький вопрос: вы знаете, кто такие мамелюки?

По внезапно исчезнувшим улыбкам, по вытянувшимся лицам и похолодевшим глазам,

³⁴ «Буратино» — РСЗО ТОС-1 «Буратино», 220-мм огнемётная реактивная система залпового огня.

по тому, как они переглянулись, я понимаю, что им это слово известно куда лучше, чем мне.

В «больничку» меня все-таки не положили, устроили в одной из комнат в здании контрразведки, которая, как оказалось, называлась просто и без затей — Служба Безопасности. Как-то даже не солидно, на мой взгляд, почти что ЧОП. Но местных устраивает, а моего мнения в этом вопросе никто и не спросит.

Вызванный специально ради меня хирург наложил четыре шва на порез, густо замазал какой-то мазью многочисленные ссадины и гематомы, пообещал, что все заживет, как на собаке, и откланялся, оставив меня на попечение «эсбэшного» фельдшера.

В заскочившего на следующий день «буквально на минутку, поглядеть, как устроился» майора-контрразведчика, назвавшегося Олегом Исмагиловым и оказавшегося ни много ни мало заместителем начальника Особого Отдела ОВГ Ханкала, я вцепился, будто энцефалитный клещ. Тот не стал кочевряжиться и довольно подробно рассказал мне обо всех этапах «разработки» меня любимого. Первым в СБ про меня сообщил, как не сложно догадаться, Старосельцев. Ну да, благодарность благодарностью, а вот с доверчивостью за последние три десятилетия здешний народ расстался.

— Это он сейчас «божий одуван» на вид, — улыбнулся майор, — а во время Резни был — ого-го. Майор Внутренних войск, всем восточным направлением при обороне Ханкалы командовал. Когда боевики почти прорвались к вертолетным площадкам, лично остатки батальона в контратаку поднял. Отбились. Вот только ему потом чуть не полтора метра кишок вырезали: две пули в живот ухватил. Уже одной ногой в могиле стоял, считай, на одних «морально-волевых» выкарабкался.

Вот это ничего себе! Хоть убейте, не могу я себе представить деда Тимоху поднимающим батальон в штыковую атаку. Да уж, не самую удачную я нашел кандидатуру для запудривания мозгов.

— Мы тебя сначала за турецкого агента приняли, — продолжает майор, — янычары — ребята суровые, для них пяток «пешек» на съедение кинуть для обеспечения удачного внедрения — раз плюнуть. Потом ты начал такие «косяки» упарывать, что стало ясно, турки тут ни при чем, они бы так грубо не подставились. Был бы ты турком, тебя вязать, конечно, не стали, просто «вели» бы аккуратно, контакты выявляли, агентурную сеть вскрывали помаленьку. А тут — такой форс-мажор, объявился, ни пойми кто, ни пойми откуда, и чего от него ожидать — одному Аллаху ведомо. Честно скажу, напряглись. Новый, неизвестный игрок почти всегда непредсказуем и этим особенно опасен. Пришлось «изымать» для выяснения подробностей. Когда начали твои вещи ворошить, возникла совсем уже безумная версия — что ты из Москвы. У тебя ж все: и одежда, и экипировка — почти новое. Ни на «горке», ни на подсумках РПС, ни на кобуре этикетки толком вытереться не успели. А на этикетках — «Сплав», «Корпус Выживания», «Mil-Тес»... Короче, конторы, от которых уже тридцать лет ничего, кроме пепла, остаться не должно было. А ботинки твои! А шлем с бронежилетом! Да вдобавок новенькие радиосканер и цифровой фотоаппарат. Да что фотоаппарат! Пена для бритья!!! И «Жиллетовский» бритвенный станок с лезвиями! Да я и то, и другое последний раз лет двадцать назад видел, а то и больше. И все разом — у одного человека. Плюс — полное незнание наших реалий. Вот и пришла в одну горячую голову мысль, что в Москве кто-то уцелел, а теперь, каким-то образом через зоны радиоактивного заражения до нас добрался с целью сбора информации. А потом, при более тщательном осмотре твоей комнаты, мы нашли вот это.

Исмагилов кладет на прикроватную тумбочку мой кошелек и служебное удостоверение с личным жетоном, которые я запихнул под днище шкафа в своем гостиничном номере.

— Вот тут-то у нас челюсти на пол и попадали, удостоверение-то почти новое, совершенно точно подлинное, но при этом организации, которой уже почти тридцать лет не существует. Да вдобавок действительное до марта 2012 года. И новенькие купюры в кошельке, которых уже и не осталось нигде, ими народ во время Тьмы печки растапливал. А еще больше обалдели, когда «пробили» твою «ксиву» и жетон по нашей базе данных. И

отпечатки пальцев сравнили. Ханкала — это же огромная военная база. А крупная военная база — это очень большой архив. А в нем не только личные дела и командировочные предписания тех, кто в КТО³⁵ участвовал. Там если хорошенько поискать, на каждого еще и продовольственный аттестат найдется. А ты, мил друг, не только повоевать, но еще и «геройски погибнуть» в здешних краях умудрился, и наградные документы на тебя тоже через Ханкалу проходили, и туда, и назад. Короче, данных на тебя нашлось — вагон и маленькая тележка, включая фото и дактилоскопическую и стоматологическую карты. Одно было непонятно, какого черта ты здесь, а главное — СЕЙЧАС, делаешь. А ты на допросах продолжаешь жесткое «отрицалово» изображать. Хотя, с другой стороны, кто знает, как бы я себя на твоём месте вел. Короче, решили, что пришла пора просто перед тобой все карты на стол выложить и на откровенный разговор тебя вытягивать. А тут тебя самого «с нарезки» сорвало.

— А кого б тут не сорвало? Устроили, понимаешь, вокруг меня «высокохудожественную самодеятельность». День поглядел, два поглядел, но терпение ж не железное.

— Ладно, ты давай, поправляйся. А о твоём дальнейшем житье-бытье мы после поговорим. И еще, ты уж зла на нас не держи, сам понимаешь...

— Ага, — хриплю я, удачно пародируя Джигарханяна, — работа такая.

Майор пару секунд смотрит с недоумением, а потом, видимо вспоминает, откуда цитата, и расплывается в улыбке.

— Вот, блин, а я уж этот мульт позабыл давно. В общем, так и есть, работа у нас, конечно, собачья, но делать ее все равно надо.

С тем Исмагилов и откланялся, а еще через пару часов «на огонек» заглянул Комендант.

— Здорова, пришелец! Что, готов к уроку новейшей истории?

— Да я, как юный пионер, всегда готов.

— Надо же, я пионеров-то и не застал даже, родился в 93-м.

— Повезло. А про наше поколение даже анекдот был: «У меня не было детства — я был пионером».

— Что, неужто так плохо было?

— Да нет, скорее — наоборот, куда лучше, чем в девяностые. Но это ж у людей такая добрая традиция, осознавать, как они хорошо жили, только после того, как эта самая хорошая жизнь закончилась.

— Это точно, — враз мрачнеет Комендант, и я понимаю, что сморозил редкостную бестактность, уж кому-кому, а ему, пережившему и ядерную войну, и весь «букет» последствий, но при этом отлично помнящему жизнь до нее, это известно куда лучше, чем мне.

— Так, ладно, с чего начнем?

— Я бы предпочел с начала.

— Не вопрос, слушай: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»...³⁶

— Что-то не очень смешно получилось...

— Извини, — похоже, мне удалось смутить Костылева не на шутку, — не думал, что ты сильно религиозен.

— Да не сказал бы, но все равно, по-моему, Библия — не повод для шуток.

— Так, ладно, — резко прыгивает он со скользкой темы, — значит, если вкратце... Началось все с того, что в Штатах какие-то «светлые головы» додумались до того, что все

³⁵ КТО — контртеррористическая операция на Северном Кавказе.

³⁶ Ветхий Завет. Первая книга Моисея. Бытие.

природные ресурсы, вне зависимости от того, на территории какого государства они находятся, должны принадлежать не этому самому государству, а «всему мировому сообществу», читай Соединенным Штатам Америки. И даже на весь мир объявили, что кое-кому придется подвинуться и поделиться.

— Ни фиги себе, загнули! И я даже могу представить, кого именно просили «подвинуться и поделиться». А учитывая, что «поделиться» в понятиях Штатов — это отдай все и тихо-скромно посиди в сторонке, авось тебе с «хозяйского стола» каких-нибудь объедков кинут...

— Угадал, предложение адресовано было России. Наши президент с премьером были, сам помнишь, мужики не промах и за словом в карман не лезли. Короче говоря, ответили уклончиво.

— Ага, я этот анекдот про «прапора», что солдатам устройство рации объяснял, тоже помню. В его понимании уклончивый ответ — это вопль: «Пошел бы ты на хер, умник!».

— Ну, примерно так. А потом почти полгода — тишина. Нет, наверняка что-то там, «наверху», происходило. Ноты, там, всякие друг другу слали и все такое прочее. Но в прессе — молчок.

Как отрезало. Люди уже позабыть про эту историю успели, у всех других проблем хватало. Я, например, как раз в армию ушел. А одной совсем не прекрасной ночью мой полк подняли по тревоге. Сначала думали — учения. Но стоило увидеть на плацу лицо комполка, чтобы понять — дело дрянь. Вот только он даже сказать ничего не успел, тряхануло так, что казармы ходуном заходили. Одним словом, как, кто и почему все это начал, доподлинно никто из нас не знает. Не того мы были полета птицы. А тех, кто в курсе был, вместе с их секретными бункерами высокоточными спецбоеприпасами нахлобучило... Ну, дальше пару лет был конкретный амбец, тебе это, скорее всего, не интересно.

— Это почему же? Очень даже интересно, особенно вспоминая твою фразу о том, как ты граждан собственной страны из огнеметной реактивной системы залпового огня жег. Это у вас тут что, еще и внутренние какие-то разборки были?

— Нет, — Костылев морщится, будто от внезапной и сильной зубной боли. — Там совсем паскудная ситуация была. Лично мое мнение, херачили янкесы по нам очень выборочно. Гасили наши объекты РВСН, командные пункты, крупные воинские соединения, административные и промышленные центры, но только в тех районах, где никаких полезных ископаемых не было. Европейскую часть России смело начисто, а в районе Каспия — ни одного взрыва. И Казахстан с его ураном и прочими «подземными богатствами» не пострадал. Донбассу украинскому и граничащим с ним территориям тоже повезло. Ну и Кавказу. Тут ведь и нефть есть в Чечне, и вольфрам-молибден-никель в Карачаево-Черкесии. За Уралом нетронутых территорий много, мы с тамошними связь поддерживаем, но вот добраться пока ни мы до них, ни они до нас не можем. Почему уцелели Ростов-Дон и Ставрополь — понятия не имею. Возможно, пахотные земли их тоже интересовали. Вот только просчитались они. Думали, что мы уже все свои ракеты на иголки порезали, а то, что осталось, как та «Булава», уже и взлететь не сможет. Ошибочка вышла, оказалось, что досталось столько, что и хваленую их ПРО раздербанили, и самим Штатам досталось с избытком. А тут еще Китай и Северная Корея подключились. Ни те, ни другие Штатам живыми были не нужны, особенно китайцы, так что к ним тоже прилетело — мама не горюй. Но и они нашли чем ответить. Так что Северная Америка сейчас, скорее всего, похожа на большое радиоактивное пепелище. Одним словом, если и не весь, то уж половину «шарика» в труху размололи точно. Я так думаю, что больше всех повезло Австралии, на нее, скорее всего, никто ракет тратить даже и не стал. Кому они нужны? Так что у них там «Безумный Макс» уже не кино, а жестокая реальность.

— А Европа?

— Какая Европа, Михаил, о чем ты? А вся эта американская ПРО, все их базы бомбардировщиков и прочие красоты, по-твоему, где располагались? Нету никакой Европы: ни Западной, ни Восточной. Разве что Болгарии изрядный кусок уцелел, да бывшая

Югославия, и то не целиком. Может, и еще где кто-то выжил, у нас, сам понимаешь, информация далеко не полная, да и откуда ей взяться-то, полной.

— Стоп, а по «паскудной ситуации» что?

— А, точно, отвлекся я. В общем, на нетронутые ядерными ударами Ставрополье и Кубань валом пошли беженцы из разбомбленных районов. Никакие карантинные меры, само собой, результатов не дали. Оттуда же не только гражданские перли, но и военные. Подразделениями, на бронетехнике. Какой уж тут «карантин» к бениной маме? Какой блокпост танковую колонну удержит? Жить-то всем охота. А кому они тут нужны были? Все порушено, своих чем-то кормить-поить-лечить надо. А эти вдобавок еще и облученные.

— Так они же никого лучевой болезнью заразить не могли, это ведь не грипп.

— Это ты знаешь, и я знаю... сейчас. А тогда нам дали команду — любой ценой не допустить распространения радиационного заражения. Мы, молокососы девятнадцатилетние, и поверили. А как не поверить? Радиация — это очень, до дрожи в коленях, страшно. Хотя, кое-кто, офицеры в основном, отлично понимали, что про радиацию — это чушь полная. Но при этом вполне осознавали, сколько на беженцев уйдет продуктов, воды, медикаментов. Что всех их надо будет где-то размещать. Что на их лечение и для обеспечения им хотя бы минимальных условий для жизни нужны люди и ресурсы. Которых мало, которых не факт, что хватит на своих. И ждать помощи неоткуда. Не прилетит Шойгу в своем красно-черном пуховике и не привезет все что надо на самолетах МЧС. Что теперь каждый — сам за себя. Вот и лупили из всех стволов. «Градами», «Смерчами»,³⁷ «Буратинами». Всякими «Тюльпанами»,³⁸ «Гиацинтами»³⁹ и «Гвоздиками»,⁴⁰ всей «клумбой», короче. Всем что было, и ствольным, и реактивным... По площадям... В тех краях кое-где земля чуть не в стекло сплавилась.

— Но ведь это же...

— Полное блядство, — заканчивает начатую мною фразу Костылев. — Согласен. И все мы за это еще ответим на том свете, если он есть. Но по-другому было просто нельзя. Примерно три четверти тех, кто выбрался из зоны поражения, все равно умерли бы от облучения. У остальных были шансы, но... Ты представляешь, что такое сотни тысяч трупов. Которые некому и некогда закапывать или сжигать. Да плюс страшнейшая нехватка медиков и лекарств. Плюс просто дикая скученность...

И это при том, что облученные особенно подвержены всяческой заразе... Это эпидемии, Миша. Страшные эпидемии. От которых погибли бы еще десятки, а то и сотни тысяч. И не только облученных, но и тех, кто под ядерный удар не попал. Может, и было у этой проблемы другое решение, но тогда его никто не увидел.

Я попытался представить себе, что же творилось тогда в степях за Волгоградом. Нескончаемые колонны беженцев, забившие все дороги. Легковушки, грузовики, автобусы, толпы идущих пешком, волоча за собой впопыхах собранный скарб. Армейскую технику, прущую по обочинам, а то и прямо по полю, благо проходимость позволяет. Крики, плач, мат, выстрелы. Сметаемые обезумевшей от ужаса толпой и танками хлипенькие милицейские карантинные кордоны. И ведь, главное, что молотить артиллерией по дорогам — малоэффективно. Скорее всего, им обещали лекарства и горячее питание. Обещали помощь и спасение. Обещали жизнь. Организовывали какие-нибудь «временные эвакуопункты» или «фильтрационные зоны». А уже по ним, забитым сотнями тысяч живых

³⁷ «Град», «Смерч» — реактивные системы залпового огня «БМ-21» и «БМ-30».

³⁸ «Тюльпан» — самоходный миномет калибра 240 мм.

³⁹ «Гиацинт» — самоходное орудие калибра 152 мм.

⁴⁰ «Гвоздика» — самоходная гаубица калибра 122 мм.

людей, наносили массированные удары такой мощи, что земля плавилась в шлак и стекло, а сталь и человеческая плоть горели с одинаковой легкостью, будто бумага. Мля! Фантазмагория какая-то! Безумие...

— Твою ж мать... Прости, конечно, но как же ты с этим живешь?

— Вот так и живу. А генерал, что тот приказ отдал, после того, как ему доложили об исполнении, вышел в соседнюю комнату и застрелился...

— Значит, человеком был, земля ему пухом. С таким грузом на совести только полная мразь дальше жить смогла бы. Выполнить приказ — это одно, солдат приказы выполнять обязан, не раздумывая. А вот отдать... Тут спрос иной, и ответственность иная. Ладно, давай о другом, а то, похоже, растравил я тебе душу...

— Да ладно, переживу. Хорошо, давай о другом. Что интересно?

— Все. И здешние дела, и про турков.

— Со здешними делами все несложно. Как Москвы не стало, так все тут сразу уяснили, что дотаций никто больше не пришлет и что работать придется самим. Причем работать много и в поте лица. Очень многим это не понравилось. С ходу нашлась целая куча тех, кто враз вспомнил о славных традициях не менее славных предков-абреков. Рамзан какое-то время пытался удержать всю эту беспредельную вольницу в узде. Неудачно. А как в тринадцатом году его убили, так вообще черт знает что началось. Знающие люди говорили, сильно похоже было на начало первой кампании, только гораздо быстрее и страшнее. Моральных ограничителей-то ни у кого давно не было, зато оружия на руках было полно. Небольшие российские базы вырезали почти мгновенно...

Увидев мою напрягшуюся рожу, Костылев понял, что явно сказал лишнее.

— Мы подняли данные по твоей базе в Беное. Прости, никто до Ханкалы не добрался...

— Понятно. Дальше что было?

— Дальше почти всеми силами они поперли на Ханкалу, хотя часть двинула на Моздок. Их там хорошенько «приложили», и они рванули назад, в сторону Червленной, через Ищерскую, Алпатово, Наур и Чернокозово. Бои были страшные. Ханкалу удержали чудом. Ну, а на Моздокском направлении... Ты сам там бывал. От самой границы с Осетией и аж до Мекенской теперь...

— Мертвые Земли.

— Да, Мертвые Земли. Все жители, кто не погиб, либо в Дагестан подались, либо у нас осели. И из горных районов, куда выбитые с равнины боевики отошли, тоже беженцев много поначалу было. Да один Грозный чего стоит с его населением в 230 тысяч! До Тьмы у нас в станице около восьми тысяч человек жили, сейчас — почти в два раза больше. Так что теперь, когда ситуация более-менее устаканилась, картинка примерно такая: есть горы, в которых засели Непримиримые Тейпы, есть относительно спокойные Краснодарский край, Ставрополье и Северная Осетия, а между ними, таким буфером — мы. Бывший Наурский, Шелковской и Надтеречный районы Чечни. Теперь — просто Терской Фронт.

— Что, из Города⁴¹ тоже ушли?

— А что там делать? Нет, на окраинах, где «частный сектор», еще живут. А вот центр давно заброшен.

— А с Дагестаном что?

— Последние лет десять Дагестан сам себе фронт. Турки после того, как паровым катком по Грузии прошли и на пару с Азербайджаном Армении растерзали, попытались и Дагестан под себя поднять. Даже десант в районе Каспия высадили.

— И что?

— Зубы обломали. Хотя натворить такого успели... Пленных тогда на суд выжившим жителям отдали. Так те их живьем в море топили... Вот так-то. В общем, Дагестан сейчас на

⁴¹ Город — имеется в виду Грозный. Очень странная чеченская традиция, — все населенные пункты называют по названиям, а вот Грозный — просто Город.

военном положении. До Азербайджана-то по Каспию — рукой подать. По суше тоже можно, но тяжело — горы. Но там, видать, урок усвоили, больше не лезут.

— Слушай, как же так получилось, что турки так приподнялись-то? Были ведь — нет никто и звать никак. А тут — куда деваться! Ну, с Грузией понятно. Те всегда вояками были никакими. Чуть что, бежали к русским плакаться, а мы их защищали. И от тех же турков в том числе. Но, как я понял, они не только там, но еще и в Дагестане, и на Украине повоевать успели.

— Успели, — вздыхает Костылев. — А все потому, что во время Большой Тьмы на них просто сил уже не хватило. Флот их на дно пустили, конечно, большую часть баз американских сожгли. Но и только. Сама турецкая армия пострадала мало. А страны вокруг — либо в руинах лежали, либо никогда этим самым туркам конкурентами не были.

— Когда кончается сила сильных, начинается сила слабых, — задумчиво говорю я.

— Красиво сказал, Миша, а главное — точно.

— Это не я сказал. Автора, если честно, не помню, но сказано, будто про эту ситуацию.

— Угу, как в воду глядел. По большому счету, прокололись янычары только дважды: с Украиной и с Дагестаном. Не по силам себе противника выбрали. Хотя, если честно, без нас Украина бы не выстояла. Их там и в Крыму, и на материке хорошо прижали. Они к нам гонцов прислали, мол, выручайте.

— А вы чего?

— Как чего? Братский народ все-таки. Опять же Западную Украину, за компанию с Польшей, считай, в первые же минуты «на ноль помножило». Доразмещались «пшеки» объекты штатовской ПРО прямо на границе. А Восточная всегда к России ближе была. Помогли, разумеется. Но там было похуже, чем в Дагестане. Одним вырезанным городом не обошлось. Больше года воевали. С попеременным успехом. Но тут нам серьезно подфартило. Оказывается, Сербия с Болгарией на все происходящее поглядели и поняли, что если что — они у турков следующие на очереди. Похоже, генетическая память сработала. Помощи от них было не то чтобы очень много, но болгары умудрились свой казанлыкский «Арсенал»⁴² сохранить. А оружие и боеприпасы на войне важны не меньше, чем солдаты, сам понимаешь. В общем, вышибли мы совместными усилиями янычар из Украины. Теперь у нас с Украиной, Болгарией и Сербией полнейшие мир-дружба и оборонительный союз. Торговля через Николаев и Одессу идет. Турки пытались на море гадить, но без особого успеха. От флота у них одни огрызки остались. У нас, правда, тоже. Но у трех стран, как ни крути, «огрызков» больше, чем у одной. Торговые караваны охраняются на совесть. Так что после Каспийска на всех фронтах затишье. Относительное, конечно. Мелкие провокации идут постоянно. Да и наших Непримиримых турки «подкармливают». Одно хорошо — граница по горам проходит, дороги там...

— Знаю, в Шарое⁴³ полгода стояли, до Грузии всего двенадцать километров было. Нету там дорог, как Жуков говаривал — одни направления. Есть широкие горные тропы. На «УАЗе» или на «Ниве» ехать более-менее можно, а вот «Урал» уже не везде пройдет. Про «КамАЗы» или «броню» и говорить нечего...

— Точно, только сейчас там еще хуже. В самом начале Большой Тьмы трясло неслабо, как при хорошем землетрясении. Так что многие тамошние «дороги» в полную негодность пришли.

— Кстати, все забываю спросить, а почему, собственно, Большая Тьма?

— Как почему? Так Тьма и была. Почти четыре года солнца вообще не видели — все небо какой-то дрянью затянуло, облака не облака, гадость какая-то в воздухе висела.

⁴² «Арсенал» — комплекс оборонных предприятий в Болгарии, производящий огнестрельное оружие. Расположен в городе Казанлык.

⁴³ Шарой — административный центр Шаройского района, самого южного в Чечне, граничащего с Грузией.

Похолодало сильно. Уже думали — кердык, пора к ядерной зиме готовиться. Ан нет, пронесло, потихоньку очистилась атмосфера.

— Да уж, блин, слушаю тебя, будто фантастический роман читаю. Вот только все на самом деле... Я, конечно, та еще тварь толстокожая, но даже мне не по себе.

— Ладно, довольно с тебя на сегодня «веселых» историй. А то еще в депрессию впадешь. Это мы ко всему этому звиздецу долгие тридцать лет привыкали, а на тебя все резко свалилось. Я вообще удивляюсь твоему хладнокровию.

— Хочешь начистоту? Я тоже. У меня ж там, — я неопределенно мотнул головой, но капитан отлично понял, о чем речь, — семья осталась: родители, сестра, прочая родня... Друзья, знакомые. Мля, там вся моя жизнь осталась!!! А я сижу тут на коечке, будто так и надо!

— Да уж, тебе бы психолога опытного найти, пообщаться. Да только где ж его взять? Ну, может, придумаем что-нибудь. Пойду я, пожалуй.

— погоди, последний вопрос: кто такие мамелюки? В смысле, кто это такие тут, у вас? Кто это раньше были, я и так знаю.

Костылев опять мрачнеет.

— А сейчас, Миша, это почти то же самое, что и раньше в Османской империи, а до этого — в Древнем Египте. Это воины, выращенные из детей-рабов в дикой, фанатичной ненависти ко всем, кроме своих хозяев. В нынешней турецкой армии выполняют функции диверсантов. Обычные аскеры,⁴⁴ тоже, кстати, те еще ублюдки, по сравнению с ними — просто дети.

— И, похоже, кто-то принял меня за одного из них.

— Все гораздо хуже, Миша. Этот самый «кто-то» совсем не удивился, а значит, был вполне готов к тому, что кто-то из мамелюков тут появится. А вот это уже совсем хреново. Ну-ка, вопрос на общее развитие тебе, товарищ прапорщик: когда разведчики-диверсанты начинают шустрить в тылу врага при длительных позиционных боях?

— Перед большим наступлением, — отвечаю я, чувствуя нехороший холодок пробежавший по спине.

На следующий день Костылев зашел снова. — Я буквально на секунду, — прямо с порога предупредил он. — Дел по горло. А к тебе тут один человек сильно в гости просился. Только табуретом в него не метни с ходу, ладно? Да, и еще, о том, кто ты на самом деле, он не знает. Мы сказали — наш человек с задания возвращался. Все, больше ему знать не нужно.

Капитан оборачивается и зычным голосом командует кому-то в дальнем конце коридора:

— Впускай, пусть проходит.

Буквально через полминуты в узкую щель между могучей фигурой капитана и дверным косяком протискивается дед Тимоха собственной персоной. Выглядит это довольно комично, но я специально напускаю на себя суровости.

— Ну, здорово, Павлик Морозов! Я гляжу, ты сильно постарел. Вот только замашки все те же.

— Слушай, Мишань, давай без обид, а? Я понимаю, некрасиво получилось, но и ты меня понять должен...

— Конечно, конечно. Как сказал Иуда, тридцать сребреников — это тоже деньги.

— Миш, да я...

— Да ладно тебе, Тимофей Владимирович, не мороси. Все я понимаю, не маленький. Мы с Исмагиловым на эту тему уже общались, пришли к выводу, что ты молодец.

— Так что, — уточняет Комендант, — драться, значит, не будешь?

⁴⁴ Аскер — солдат турецкой армии.

— Не, не буду, — отвечаю я, — солдат ребенка не обидит.

— Ну, тогда я пошел, а то всяких забот, в самом деле — во, — Костылев чиркает себя ладонью под подбородком, обозначая высокий уровень своей занятости.

После того как Комендант ушел, оставив нас вдвоем, Старосельцев присаживается на табурет, стоящий рядом с моей койкой.

— Чего хотел-то, Владимирыч?

— Да тут, Миш, такое дело... Ни Оксана, ни Егор о том, что случилось, ничего не знают. Вот я и хотел тебя попросить, пусть так и останется. Ты ведь для них герой. Оксанка так вообще всю плешь мне проела, чего, мол, Михаил в гости не заходит. Да и Егорка о тебе спрашивал, когда я его в больнице навещал, привет велел передавать, как увижу. Ты уж не говори им, ладно?

— погоди, Тимофей Владимирыч, меня ж прямо перед твоим лабазом крутили. Как же они не в курсе-то?

— А с чего им в курсе быть? Егор в больнице, Оксана — на рынке была. Взяли тебя хоть и коряво, но быстро и без пальбы. Никто ничего и понять не успел. Так что?

— Ладно, не скажу. Ты ж не из вредности душевной, а токмо для пользы дела. Думал — шпиёна изловил.

— Слушай, ну, может, хватит уже на больной мозоли прыгать? И так не шибко-то весело себя чувствую: ты мне и детям моим жизни спас, а я тебя в кутузку упек.

— А если б все это хитрой попыткой внедрения агента было? Нет, все ты сделал правильно, не терзайся. Егору с Ксюшкой от меня ответный привет. Как поправлюсь — обязательно в гости заскочу.

— Ну, вот и хорошо, — заметно повеселел Старосельцев. — Побегу я тогда. А в гости — милости просим.

Несмотря на все уверения доктора, из палаты меня выпустили только через неделю. А швы снять пообещали еще через десять дней, если проблем с заживлением никаких не будет. Перед тем как отпустить на волю, меня опять навестил Исмагилов.

— Так, Михаил, вещи мы твои в гостиницу вернули. В качестве извинений за причиненные неудобства оплатили тебе номер на месяц вперед. Наемники официально, — он выделяет голосом последнее слово, — знают только, что ты некоторое время гостил у нас. Неофициально — гораздо больше, «легенда» тебе уже обеспечена. Ты наемник, издалека, с северной границы. Там неспокойно, с зараженных территорий частенько нападения бывают. Армия сама не справляется, Вольные Стрелки привлекаются широко. Новых людей там всегда много, да и гибнет народ частенько. Так что отследить тебя будет сложно, даже если очень постараться. Выполнял задание СБ. Какое и где? Что называется, если расскажу — придется тебя убить. «Коридор» для выхода тебе готовили совсем в другом месте, но ты уходил нештатно, поэтому оказался у нас. Мы о тебе не были поставлены в известность, а ты не имел права контактировать с нами. Вот мы и «перебдели». Теперь разобрались, но ты на СБ крепко обижен и работать с нами больше не желаешь. По крайней мере, пока. Решил задержаться в наших краях. Так сказать, отдохнуть и подлечиться. Утечку этой информации мы организовали очень аккуратно. Убийца уверен, что мы о его «осведомленности» в твоих делах не знаем. Вот пусть в этой уверенности и остается. Ну а ты, Миша... Что тебе сказать? Обустраивайся и живи, как тебе нравится, в рамках закона, конечно. Совсем на произвол судьбы мы тебя не бросаем. Если что, можешь рассчитывать на нашу помощь. А еще лучше — поступай на службу. От лица командования ОГВ предлагаю тебе должность командира взвода в разведроты или ОсНазе и звание лейтенанта. После соответствующего тестирования, конечно. Но, думаю, с этим у тебя проблем не будет. Мужик ты здоровый, тренированный, а судя по личному делу, еще и неглупый. Сколько там у тебя курсов института?

— Три.

— Вот. А у нас, скрывать не буду — нехватка по-настоящему толковых офицерских кадров жесточайшая. С личным составом проблем особых нет, а вот грамотных командиров

не хватает. Слишком много народу потеряли во время Большой Тьмы и ее последствий, потом — Резня, Дагестан, Украина. Новых готовить толком сначала было некому, негде и некогда. А потом стало поздно. И преподавательский состав военных училищ подрастеряли, и матбазу. Теперь уже и не восстановить. Нет, обучают там, конечно, в меру сил и возможностей. Но с довоенным уровнем подготовки этот «эрзац» не сравнить. Да и не очень-то рвутся в наши края молодые офицеры. Слишком тут опасно. Даже на северных границах, за Волгоградом, и то спокойнее. А если офицеров не хватает, кто бойцов-то обучать да тренировать будет? Опять же, сам знаешь, учить сможет не каждый, кто сам умеет. Тут не столько «умельцы» нужны, сколько методисты.

— Неужели так плохо? У вас же вроде и разведка есть, и ОсНаз...

— Вот именно. Знаешь, почему ОсНаз? Да потому, что до уровня довоенного Спецназа ГРУ, даже до мальчишек-«срочников», а не то что офицерских групп, им — как овчаркам до волка. Так вроде глянешь — похожи: клыки, лапы, хвост. А если стравить, от кого клочья полетят? То-то. Вот и решили, что на Спецназ они ну никак не тянут. Пришлось «вывеску менять». Одно спасает, что у Непримиримых тоже подготовка аховая, по большому счету. Хотя, если объявятся на Терском Фронте мамелюки, худо нам придется. Их, судя по нашим данным, уцелевшие в Турции во время Большой Тьмы американские морпехи натаскивают. Да и в Грузии иностранных инструкторов перед Тьмой хватало, они грузинскую армию обучали. Там и застряли. И сидели аж до турецкого вторжения. А когда увидели, как их «подопечных» янычары режут, будто цыплят, тут же флаг и сменили. А турки — ребята не глупые, поняли, что за кадры к ним просятся. Опять же они — не «робкие грузины», им инструкторские премудрости явно на пользу пошли. Турция ж, кроме Грузии и Армении, еще чуть не треть Ирака и немалый кусок на севере и востоке Ирана себе оттяпала, там, где радиации нет.

— Блин, ну с Ираком ясно, после того как Штаты там демократию насаждали, его не то что турки, но и уругвайцы какие-нибудь, прости господи, захватить могли, а вот Иран-то кто нахлобучил? У них же полезных ископаемых — вагон с тележкой. Одной нефти — как грязи.

— Да кто теперь его маму знает, Миша? Кто-то да нахлобучил. Может, Штаты, когда у них там поняли, что не то что выиграть, но даже и выжить им не светит. Иран им всегда поперек горла стоял. А может, и Земля Обетованная себя обезопасить решила, да и вломила всем соседям упреждающие, на всякий случай. Сам помнишь, отношения у евреев с арабами «малость» натянутые были. Вполне возможно, сообразили в Израиле, что без Штатов им против всего арабского мира не выстоять, ну и «санировали» все, до чего дотянулись и на что силенок хватило.

— Погоди, Олег, так что же это получается, турки тут пытаются свою Османскую империю возродить?

— Получается, что так. Блистательную, мать ее, Порту. Не совсем в прежних границах, но что-то близкое по площади и могуществу. Только мы им в этих планах — как кость в горле. Ну, так что, товарищ прапорщик, готов вернуться в строй, да еще с повышением?

— Знаешь, не сочти дезертиром, но что-то мне снова в армию не хочется. Да и какой из меня офицер? «Прапор» я, с незаконченным, да вдобавок еще и гражданским высшим образованием. Нет, чисто в теории взвод я, скорее всего, «потяну», но — не мое это. Я, потвоему, почему в ОМОН в свое время подался, хотя спокойно мог в своей родной ОБрОН⁴⁵ контракт подписать? Потому что всякой уставной белиберды в милиции меньше. А остался б в армии, так давно б капитаном был... Причем уже много лет как мертвым капитаном. Одним словом, спасибо за предложение, но не выйдет из меня лейтенанта. Я пока сам по себе как-нибудь. Дела мне кое-какие уладить надо. А потом, скорее всего, к Убивцу в команду подамся, если возьмет.

⁴⁵ ОБрОН — отдельная бригада особого назначения.

— Что ж, настаивать не буду. Мужик взрослый, сам решай, как тебе жить лучше. А насчет Убивца... Возьмет он тебя, не сомневайся. Наша небольшая «деза» на твой счет на него, похоже, серьезное впечатление произвела.

В «Псарне», кроме Кузьмы, как всегда подпирающего могучей фигурой стойку бара, никого не оказалось.

— Контракт неплохой подвернулся, — объяснил он мне, — большая колонна, «проводка»⁴⁶ до Кизляра и назад. Направление, в целом, довольно спокойное, но после нападения в Алпатово купцы «булки» поднапрягли с перепугу. Так что все на выезде. Будут через три дня. И это... Миш, слушай...

— Так, Кузьма, завязывай! Мне этими извинениями «особисты» всю печень проклевали, как тому Прометею. Надоело одно и то же. Еще один раз повторю для тебя, а ты ребятам передай — никаких претензий нет. Вы поступили правильно. Это в СБ перестарались, но они уже осознали и исправились.

— Да уж, — усмехается Кузьма, — у них, когда они твои вещи два дня назад в комнату возвращали, а потом номер вперед оплачивали, глаза были, как у побитых бобиков — грустные и виноватые. Что, задали им «сверху» трепку?

— А то! Сами виноваты, уррроды! — начинаю демонстрировать свою «глубокую обиду» я. — Сначала, мля, ногами по почкам молотят, а потом на задних лапках белыми зайчиками скочут: «Ах, простите Михал Николаич, ошибочка вышла!» Козлы!

— Что, сильно досталось? — сочувствует Четверть.

— Ну, бывало и хуже. Обидно просто, не разобравшись толком, не за хрен собачий...

— Да уж... И чего дальше делать думаешь?

— Для начала дождусь, пока швы снимут...

— Какие швы?

— А, — вяло отмахиваюсь я, — в камере с какими-то урками краями цепанул. Они — в нокаут, а мне бочину порезали. Но так, не сильно, заживает уже.

— Ну, ты даешь, Чужой! Везде проблем на свою задницу разыщешь.

— Да уж, — ухмыляюсь в ответ я.

— Ладно, снимут тебе швы, потом что?

— Есть небольшое, но важное личное дельце. Сделаю — и свободен как птаха. А что?

— Да была у нас с Убивцем мысль тебя в команду звать. Пойдешь?

Делаю вид, что задумался, хотя понимаю — повезло, теперь выходит, что не я к ним прошусь, а они сами меня к себе зовут. А это, как говорил кто-то умный, «две большие разницы».

— А, пожалуй, и согласен. Вот только дело свое доделаю... Тут недалеко кое-куда добраться надо.

— Сильно недалеко?

— За Шали.

— Ох, и рисковый ты парень, Миша. Да после Аргуна не то что Комендатур или блокпостов, даже и патрулей-то наших почти не бывает. Шали и Сержень-Юрт — такие же Мертвые Земли, что вокруг Наура и Чернокозово, только еще хуже, потому что за Серженем уже земли Непримиримых Тейпов начинаются. Хотя наши туда за «бошками» наведываются периодически. Правда, возвращаются не все. Ты уверен, что тебе туда нужно?

— Очень нужно, — совершенно искренне отвечаю я.

Следующие десять дней я откровенно бездельничал. Сходил на рынок, совершенно меня, кстати, не впечатливший. Так, помесь колхозного рынка эпохи развитого социализма и барахолки «девяностых». Толкучка, запах картошки и черемши из овощных рядов, груды

⁴⁶ «Проводка» (армейский сленг) — операция по сопровождению и охране колонны.

яркого тряпья на прилавках, будто на приснопамятном Черкизоне. Несколько малюсеньких кафешек, с мангалов которых тянет вкусным шашлычным дымком. Нет, кое-что на Кавказе не меняется даже после ядерной войны. Долго бродить не стал, купил себе тонкие кожаные чевяки вместо домашних тапок, чтоб не шлепать по номеру босиком, и кошелек, больше похожий на вместительный кисет из толстой кожи. Заодно разменял несколько серебряных монет на медные копейки по уже привычному курсу «один к пятидесяти», чтобы в будущем за всякую мелочь типа семечек или свежего хлеба серебром не платить. А потом потопал назад. Уже выйдя за ворота, обращаю внимание на зачем-то столпившихся у ограждающего рынок кирпичного забора людей. Подхожу ближе. Ох, вот это ничего себе! Последний раз я нечто подобное видел в очень далеком детстве, в маленьком районном центре Саратовской области. На стене висели несколько больших деревянных щитов с козырьками, а на щитах были наклеены газеты. Ну-ка, ну-ка, а не сходить ли, не ознакомиться с местной прессой? Может, что интересное узнаю. Толкаться сквозь толпу мне не пришлось: газетные стенды висели довольно высоко, да и рост мой вполне позволял смотреть поверх голов стоящих передо мною людей.

Газет было две. Ну, тут все ясно. Одна — восьмиполосная, широкоформатная, с четкими фотографиями и шрифтом, отпечатанная на довольно неплохой бумаге — явно «печатный орган» центральной власти. С вполне обычным для таких вот официальных информационных вестников громким и претенциозным названием — «Вести Республики». Вторая — явно местная: и четкость печати куда хуже, и бумага плохенькая, какого-то неопределенного грязно-бежевого цвета, больше похожая на оберточную. Ну, и название «Терек» уже обо всем говорило. Ознакомление я начал с центральной прессы. Читать многочисленные статьи, если честно, у меня желания не было. Я просто быстренько пробежался взглядом по заголовкам и фотографиям. Из них я выяснил, что у Министра обороны республики на днях был день рождения, и генералу армии Зарубину исполнилось шестьдесят три года. На фото к статье — весьма неплохо для своих лет выглядящий дядька с плечами отставного борца-вольника и довольно звероидной физиономией. Этаким Валуйев или Карелин в шестьдесят лет, одетый в китель с четырьмя большими шитыми звездами на погонах и внушительной орденской колодкой. Явно не крыса тыловая и уж точно не «шпак» штатский — вояка. Ну, хоть в этом местным повезло. Была еще большая статья о небывалом урожае зерновых на Кубани и героическом труде кубанских хлеборобов, что за этот урожай боролись, и вообще целая полоса, посвященная сельскому хозяйству. Имелась даже биография какого-то знатного ученого-селекционера, благодаря которому на целую кучу процентов выросли какие-то важные показатели у пшеницы. Фото благообразного дедушки в круглых очках и с седой бородкой клинышком, здорово похожего на «всесоюзного старосту» Калинина, прилагалось. На соседней полосе — статья о награждении правительственными наградами офицера и трех бойцов Н-ской погранзаставы в Дагестане, уничтоживших в бою двух вооруженных турецких диверсантов, пытавшихся пробраться на нашу территорию из Азербайджана. Кроме того, из газеты я выяснил, что Югославия заключила какой-то жутко выгодный контракт с Болгарией на поставку чего-то в обмен на что-то. Что и на что меняли, я даже вникать не стал. Мое внимание привлекла другая статья, о настоящем прорыве на Ростовском автомобилестроительном заводе. Там, оказывается, уже несколько лет налаживали линию по сборке автомобилей. И вот — линия запущена, и первые внедорожники марки «Дон», которые, судя по фотографии к статье, внешне здорово напоминали слегка тюнингованный «ГАЗ-69», уже сошли с конвейера. Вот это — и впрямь приятная новость. Еще в газете был внешнеполитический обзор, гневно клеймящий агрессивные происки турецкой военщины и идеи пантюркизма. О Терском Фронте писали как-то совсем мало и неопределенно: пара общих фраз в колонке новостей, мол, обстановка по-прежнему напряженная, но все под контролем и особых опасений не вызывает. Ну, еще в уже упомянутом мною политобзоре Фронт вскользь вспомнили, как один из объектов наглых притязаний турецких «ястребов-милитаристов». М-да, не густо...

А в целом «Вести» мне понравились. Вполне неплохая газета, сильно похожая на тот

же «Труд» года этак восемьдесят пятого, тысяча девятьсот, разумеется. Много разных новостей и информации, при этом не сильно давят на идеологию, как в какой-нибудь «Правде» или «Известиях».

Местный «Терек» оказался куда проще не только по форме, но и по содержанию. Непосредственно к журналистике имела отношение всего одна из четырех полос газеты. Зато именно на ней я прочел о себе любимом. В статье, рассказывающей об активизации бандгрупп Непримиримых на дорогах Терского Фронта и призывающей читателей к бдительности и осторожности, а также напоминавшей о необходимости передвигаться только в составах охраняемых конвоев и колонн. В ней, в качестве примера, довольно подробно описывалась история «дружеской встречи» семьи Старосельцевых с «волчатами» в Алпатове. Правда, из этой статьи я выяснил, что меня зовут «счастливая случайность». Но зато именно благодаря мне известный и уважаемый в Червленной торговец и члены его семьи остались живы... А больше на информационной полосе ничего интересного не было. Ни падение цен на кукурузу, ни планы на следующую посевную, ни даже интервью с директором нефтеперегонного завода меня не заинтересовали. Вот беседу с ханкалинским Генерал-Губернатором я бы почитал, но она, судя по анонсу, будет только в следующем номере. Все остальное место в газете занимали объявления. Быстренько пробегаю взглядом. Так, Дорожная Стража приглашает на службу физически крепких мужчин до сорока лет, имеющих боевой опыт. Понятно... Ханкала напоминает о приближающихся военно-тренировочных сборах для лиц мобилизационного возраста. В мечети Толстого-Юрта пройдет ежегодный конкурс чтецов Корана. В школу номер 11 города Гудермеса срочно нужен учитель математики в младшие классы. Дальше — самый обычный набор из серии купи-продай. Покупали и продавали все. Овец, коней, телегу б/у в хорошем состоянии, клетки для домашней птицы... Одним словом, больше я тут ничего интересного не увижу. А вообще сам факт наличия тут прессы — хороший знак. В гостинице — радиоточка. На улицах — репродукторы, правда, я пока не видал их работающими, но если висят — значит, не просто так. Тут — сразу две газеты. Этак, глядишь, тут где-нибудь и телевидение отыщется. Хотя нет, вряд ли. Там, помимо всякого ретрансляционного оборудования и студий, еще и телевизоры нужны. С другой стороны... У родителей на даче какая-то черно-белая ламповая «Березка» лет двадцать простояла.

В неотопливаемом помещении. И ничего, работала. По качеству изображения, конечно, так себе, все-таки советских времен кинескоп — далеко не японская «плазма». Но тут дело не в качестве, а в самой принципиальной возможности.

Развернувшись, аккуратно, стараясь не налететь на кого-нибудь, выбираюсь из толпы, уже образовавшейся за моей спиной, и неспешным шагом, слегка скособочившись, направляюсь в «Псарню». Заштопанный бок все еще дает о себе знать несильной, но постоянной ноющей болью.

Три дня до возвращения Убивца «со товарищи» я только и делал, что валялся в своей комнате, спускаясь только для того, чтобы перекусить. Хотя нет, вру, сделал еще одно небольшое, но важное дело — «сто третий» пристрелял. Сходил к Карташову на пост Дорожной Стражи, объяснил ситуацию. Оказывается, у них там небольшое стрельбище есть. Маленькое совсем: огневой рубеж с тремя точками и стометровой длины направление, заканчивающееся земляным валом-пулеулавливателем. Но для моих целей — более чем достаточно. Как раз и пригодились оставшиеся невостребованными патроны. Одним словом, теперь «АК-103» пристрелян, а я с ним в руках — вооружен и смертельно опасен.

На «мероприятии» по случаю успешного завершения контракта, организованном наемниками, помня прошлый раз, пил умеренно. Да и парни на алкоголь особенно не налегали. Похоже, та пьянка действительно была всего лишь одним из элементов оперативной разработки. Кузьма, видимо, успел передать Убивцу мои слова, и с извинениями и покаяниями никто не лез. Общались ровно и дружелюбно, будто ничего и не произошло. Ну и хорошо. Только Убивец перед самым завершением «вечеринки» отозвал меня в сторонку.

— Четверть сказал, что ты за Шали собрался.
— Есть такое дело.
— Ты уверен, что тебе туда надо? Лично я бы в те края в одиночку не полез.
— Надо, — вздохнул я, — поверь, Костя, очень надо.
— Что, очень доходное дело? Может, кого из наших в долю возьмешь, все не так опасно, чем одному?

— Вообще не доходное, клянусь. И очень личное. Поэтому один пойду.
— Тогда маленький совет можно?
— Конечно, слушаю.
— Обувь смени, Миша. Что Непримиимые, что просто дорожные грабители, только за такие боты тебе пулю в затылок пустят. Зачем оно тебе, лишние проблемы на свою голову искать? Тебе их там и так хватит.

Да, блин, а ведь Костя прав. Если вся остальная моя «снаряга» выглядит вполне обычно, то «Коркораны» в глаза действительно бросаются.

Зажило на мне все и впрямь, как на собаке. Уже на восьмой день в местной больнице все тот же хирург снял мне швы.

— Заживление идет просто замечательно, — сказал он мне. — Но серьезных физических нагрузок пока все же лучше избегать. И про перевязки не забывай.

— Постараюсь, — пообещал я ему.

После поликлиники пошел к деду Тимохе. В торговом зале вместо Старосельцева обнаружил Оксану.

— Привет, красавица, а батя где?

— Отошел, сейчас будет, — ответила она, глядя на меня, словно поклонница «Ласкового мая» на Юру Шатунова.

Ой, мама дорогая, что-то не нравится мне этот взгляд. Похоже, впух ты, Михал Николаич, став предметом девичьих грез. Ну да, ты ж герой, куда деваться. Большой, загадочный, появился неизвестно откуда, всех врагов перебил, ее спас. Чем не рыцарь в сверкающих доспехах? Есть, правда, одна проблемка — самого «рыцаря» складывающаяся ситуация как-то не очень радует. Она ж еще ребенок совсем, несмотря на все достоинства фигуры. А ребенок этот прожигает меня совсем даже не детским взглядом. Да уж, почувствуйте себя Гумбертом из «Лолиты». На мое счастье, появляется Тимофей Владимирович.

— Миша! Заглянул-таки! Рад видеть, проходи, я сейчас лавку закрою, в дом пройдем, посидим...

— Нет-нет, Тимофей Владимирович, не надо ничего закрывать, я по делу, буквально на пару минут. А посидим как-нибудь в другой раз. Я специально вечером зайду, чтоб торговлю не рушить. Сапоги мне нужны.

— Какие сапоги? — Старосельцев тут же превращается из радушного хозяина в бойкого торговца.

— Не сильно тяжелые, крепкие, с коротким голенищем. Чтоб в горах не рассыпались.

— В горах, значит? Ясно. Сейчас подумаем.

Уж не знаю, что бы он надумал сам, однако Оксана его опережает. Пулей, только подол и без того не сильно длинного легкого сарафана в воздухе мелькнул, обнажив на мгновение крепкие загорелые ноги несколько сильнее, чем позволяют приличия, она исчезла в подсобке, а уже через мгновение была рядом с отцом, протягивая ему пару сапог.

— О, точно! Молодец, Ксюшка, я как раз о них и подумал.

М-да, Оксане, кажется, отцовская похвала совсем не интересна. Сомневаюсь, что она ее вообще услышала. Что ж ты на меня так смотришь, девочка? Я ведь тебе если и не в отцы, то в дяди гожусь точно!

— Вот, смотри, Мишань, — продолжает расхваливать товар ничего не замечающий дед Тимоха, протягивая сапоги мне. — Очень хорошие, яловые, и прошиты, и подбиты, да не гвоздями, а березовыми шпильками. Сносу не будет. А главное — кожа мягкая, не скрипит.

Так что, в горах — самое оно будет. Десять рублей серебром.

Верчу предложенные сапоги в руках. Действительно, довольно легкие, с коротким, не выше, чем у берца, голенищем из мягкой кожи. Гораздо лучше тех «кирзаков», что я по «духанке»⁴⁷ в армии носил. И не сказать, что дорого.

— Идет, беру. Сорок шестой размер есть?

— Обижаешь, Миша. У деда Тимохи все есть.

Быстренько расплачиваюсь и выскакиваю из лавки, пока под жарким девичьим взглядом на мне одежда не задымилась. Фу, блин, что ж делать? Вроде ничего пока и не произошло, но ждать, пока произойдет, мне как-то не хочется. И сделать ничего не могу. Разве что со Старосельцевым серьезно поговорить, как мужчина с мужчиной... Ладно, потом разберемся.

Третьим и последним пунктом моего маршрута была Комендатура. Оружия, кроме «стечкина», при мне не было, и до «дежурки» я прошел совершенно спокойно. А в стеклянном «аквариуме» увидел моего старого знакомого — того самого «шифоньероподобного» лейтенанта.

— Привет, наемник! Случилось чего?

— И тебе не кашлять. Нет, нормально все. Вопрос есть. Я тут на небольшую прогулку собрался. За Шали. Мне для прохода через блокпосты пропуск какой-нибудь нужен будет?

— Обязательно. Позывной у тебя какой? И когда «гулять» собираешься?

— Чужой. Собираюсь завтра.

— Ясно. Аргунского Коменданта и пост на краю Мертвых Земель мы оповестим сегодня же. А порядок возвращения со старшим блокпоста обговоришь. Кстати, завтра на Ханкалу небольшая колонна утроем пойдет, прямо от Комендатуры в девять часов. Я еще дежурить буду, скажу парням, они тебя до поворота на Аргун подбросить смогут. А там...

— А там я и пешком за час-полтора дочапаю. Спасибо за помощь.

— Завсегда пожалуйста. Завтра в девять, не опаздывай.

Ну, что, теперь — в «Псарню». «Снарягу» на завтра подготовить, сухпайком запастись и спать. И выспаться надо хорошенько, как перед разведпоиском, про запас.

Так, ну что, основным стволом беру «сто третий», без вариантов. От «семьдесят четвертого» в лесу толку будет не на много больше, чем от рогатки. Восемь снаряженных магазинов пакую в под сумки РПС, девятый примыкаю к автомату. «Стечкин» — в кобуру на бедро. Вкручиваю запалы во все РГО и убираю их в «мародерку», запасные магазины к пистолету — туда же. Рацию в чехле креплю на спину, за левым плечом, благо гарнитура типа «хендс фри» в комплекте имеется. Некоторое время размышляю на тему, брать или не брать «подствольник». Решаю — брать. А вот шлем и бронежилет останутся тут. Совсем неумным надо быть, чтобы по горам в «броню» топать. «Червонец», может, и пройдешь, ну, «пятнашку», если здоровья много, но вряд ли больше. Два ненужных сейчас под сумка под пулеметные магазины-«сорокопятки» снимаю с РПС совсем. Они когда пустые, конечно, почти ничего не весят, но и толку от них никакого. А значит — в шкаф, к остальному оставляемому дома имуществу. Легче всего решается вопрос с продуктами. Копченого мяса у меня — полно. Отложить в РД сколько нужно, да воды во флягу набрать. И свитер туда же, чтоб ночью зубами не стучать. Вроде все. Теперь попросить Кузьму приготовить мне к восьми утра завтрак и — в койку.

Без пятнадцати девять, когда я подошел на площадь перед Комендатурой, там уже стояли два бортовых «Урала», бронированная «буханка» и открытый «УАЗ» с пулеметом на турели. Лейтенант не подвел, по его команде мне тут же выделили место в салоне «буханки», и ровно в девять колонна тронулась в путь.

Всю дорогу с интересом гляжу по сторонам сквозь мутноватый триплекс. До самого

⁴⁷ «Духанка» (армейский сленг) — первое полугодие срочной службы.

Толстого-Юрта особых изменений в пейзаже не заметил, разве что только мост через Терек превратился в настоящее чудо фортификации. А так — все те же бесконечные виноградники от вала охраняемого периметра и до самого Терека. Все те же поля вдоль дороги, с которых, судя по стерне, только-только скосили пшеницу (а может — рожь, не силен я в агрономии, но то, что какие-то зерновые, — факт). Все те же стада овец и коров, пасущихся на крутых склонах. Нет, ей-богу, чеченские коровы меня просто пугают! Они, периодически, спокойно щиплют травку на таких кручах, куда и тренированный альпинист без снаряжения не залезет. А этим рогатым — хоть бы хны! И снова резко бросается в глаза почти полное отсутствие автомобилей. Мы несколько раз обгоняем верховых, нам уступают дорогу, съехав на обочину, телеги. Из одной нам вслед еще долго машут, радостно визжа и прыгая, трое ребятишек, где-то лет от трех до шести. Для них машины — явная диковинка. Елки-палки, это что же, мне придется на кавалериста переучиваться? Расстояния-то тут весьма приличные, пешком ходить — с ума сойдешь и ноги по колено стопчешь. А каждый раз на «попутку» надеяться — глупо. Сегодня подфартило — а вот завтра нет. И что тогда делать? Или надо где-то машину раздобыть. Уж с бензином тут, слава богу, проблем никогда не было и не будет — места такие. Вот только где ж ее достать, машину? Они тут, судя по всему, на вес золота. А с финансами у меня пока, мягко говоря — не очень. Под такие вот мысли и доехал до самого Терского хребта.

Расположившийся у его подножия Толстой-Юрт изменился также сильно, как и Червленая. Во-первых — сильно увеличился в размерах, ну да, Костылев же говорил, что многие беженцы из Грозного и горных районов в этих краях осели. Во-вторых — обзавелся такой же крепостной стеной. А на стоящий рядом с селом нефтеперегонный завод вообще глядеть страшно. Просто стальной дикобраз, стволами во все стороны ошетилившийся. Из-за высоченной стены только кончики труб с «лисыими хвостами» факелов торчат. Хотя чего странного? Нефть и бензин теперь — главное богатство здешних беспокойных краев. И богатство это очень нуждается в серьезной охране. Проскочили серпантин Терского хребта по гравийной объездной, которой раньше тут не было, объехали по кругу станицу Петропавловская, укрепленную ничуть не хуже, чем Червленая или Толстой-Юрт, и тоже неслабо разросшуюся. Похоже, мелких селений тут совсем не осталось. Все за мощные стены крупных сел и станиц подались. На перекрестке Аргун-Грозный колонна притормаживает, высаживая меня и уходит вправо — на Ханкалу. А мне — налево. Вон он, Аргун, километрах в двух, сразу за мостом через одноименную реку, уже окраина видна. Два километра по хорошей погоде, да без «брони», пусть и при оружии и полном БК, это просто приятная прогулка. Минут через тридцать я уже подхожу через мост к хорошо укрепленному блокпосту с почти такими же воротами, что и в Червленной, разве что чуть пониже, на въезде в город. Опа, гляди-ка, а памятник уцелел!словно старому знакомому киваю огромному бронзовому орлу, клюющему змею.⁴⁸

Из-за стены, сложенной из мешков с песком, мне на встречу выходит молодой чеченец в форме Дорожной Стражи с «АКМом» на плече.

— Ас-салам алейкум, наемник.

— Ва-алейкум салам.

— Далеко собрался?

— В Мертвые Земли.

— Позывной у тебя какой?

— Чужой.

Тот кивает, оборачивается к посту и дает отмашку. В воротах открывается довольно большая калитка. Намек понял, вхожу.

Аргун тоже изменился сильно. И если Червленая, Толстой-Юрт или Петропавловская

⁴⁸ На въезде в Аргун установлен памятник — распростерший крылья бронзовый орел, клюющий змею.

разрослись и окрепли, то он, наоборот, здорово уменьшился в размерах и стал похож, скорее, на большую военную базу: повсюду люди в «горках» и камуфляже, все с автоматами, гражданских не видно совсем. Хотя, ничего удивительного, кто ж добровольно согласится жить на самой границе? Слишком опасно. Вот и превратился довольно большой по чеченским меркам город в небольшую пограничную крепость.

На выходе подошел к бетонному бункеру КПП и попросил казака-часового с вислыми, будто у запорожца, усами позвать старшего. Через пару минут ко мне вышел крепкий чеченец лет сорока с густой сединой в волосах и щетиной, не превратившейся еще в бороду.

— Привет, чего хотел?

— Я из Червленной, мне в Комендатуре сказали, что порядок возвращения с Мертвых Земель надо с тобой обговорить.

— Чужой?

— Да.

— Аслан, — протягивает он мне руку, — Аслан Умаров.

— Михаил, — отвечаю я на крепкое рукопожатие, пытаюсь вспомнить, где я совсем недавно уже слышал или видел эту фамилию.

— Это ведь ты в Алпатове «волчат» положил?

— Было дело, — отвечаю я и вдруг вспоминаю — жетоны!

— Они моего младшего брата убили. Подло убили, в спину. И мы даже не знали, кому мстить. Теперь знаем, ты помог. Старики велели передать — ты теперь нашей семье друг. Помощь нужна будет — приходи. Умаровых в Петропавловской все знают.

— Спасибо, Аслан. И старейшинам вашим спасибо передай. Я запомню.

— А выходить, Михаил, тут просто. Станция у тебя есть, заранее на шестом канале скажешь, что Чужой назад идет. И направление, откуда ждать. Мы стрелять и не будем.

— Действительно, просто, — хмыкнул я. — А что там вообще сейчас творится?

— До границы Шалинского района наши патрули катаются, но не дальше. А что в Шали и за ним — только Аллах знает. В Шали и Сержень-Юрте никто не живет — одни развалины. А вот в Ведено уже точно Непримиримые. Так что осторожнее.

— Да, вот еще что спросить хотел, там из наших никого нет? И если что, каким образом можно друг друга опознать?

— Наших там нету, по крайней мере, я ни о ком не знаю. Опознать можно по отсутствию «волчьей головы» на рукаве, ну, и по рации. На том же шестом канале три длинных тоновых сигнала. Если свой, ответит тремя короткими.

— Понял. Ладно, бывайте, парни. Скоро буду.

— Что, вот прямо днем и пойдешь? — удивленно интересуется «запорожец».

— А чего ждать? — хмыкаю я. — Ночи? Смысла нет. Ночью я тут себе все ноги по развалинам переломаяю.

Казалось бы, что такое двадцать пять-тридцать километров пешком для взрослого тренированного мужчины? Ерунда, часов пять-шесть неспешным прогулочным шагом. Даже если по пересеченной местности, в жаркую погоду и с грузом. Одна беда — пеший переход по враждебной территории — далеко не прогулка по парку. Да еще и на местности, которая не очень-то способствует скрытному передвижению. От Аргуна и до Сержень-Юрта тянется предгорье — гладкая, как стол, равнина. Спасают только густые заросли, бывшие некогда искусственными лесополосами вдоль дороги, да руины многочисленных автозаправок, сервисов, складских территорий и небольших промзон, оставшихся со времен, когда Чечня начала отстраиваться после двух войн на щедрые дотации. Вот скрываясь в этих лесополосах да развалинах, я и двигался в сторону нашей базы в Беное. Быстрыми рывками, от одного укрытия к другому. Вот тут-то и начали всплывать все недочеты в подготовке. Ну, что стоило купить в лавке деда Тимохи хоть какой-нибудь бинокль? Пусть даже самый простенький. А теперь приходится наблюдение вести глазками да на палящем солнышке, которое, встав из-за гор, светит прямо в лицо. До окраин Шали я пробирался вдоль шоссе, на

некотором отдалении. А вот неподалеку от моста через Джалку⁴⁹ понял, что пора от трассы уходить. Что-то не хотелось мне через развалины самого большого села Европы,⁵⁰ что называется, «по главной улице с оркестром». Хоть и сказали мне, что в Шали никто не живет, но рисковать не стоит. «Нормальные герои всегда идут в обход», — говорил один кинозлодей и был совершенно прав. Иногда лучше перестраховаться и лишних пять километров протопать, чем, рискуя целостностью организма, напрямик ломиться. В общем, Шали я обошел по хорошей дуге вдоль объездной дороги, идущей по восточной окраине. А вот Сержень-Юрт, прижавшийся к подножию горного хребта, пришлось обходить с запада, сразу поднимаясь в гору. И по развалинам идти не надо, и обзор сверху гораздо лучше, и меня на поросшем густым лиственным лесом склоне увидеть практически невозможно.

Сделать большой привал решаю, когда до базы остается километра три, не больше. К цели поиска нельзя выходить, едва передвигая ноги от усталости. Мало ли, что ждет тебя там, вполне возможно, что из «пункта назначения» придется сваливать на максимальной скорости, сверкая пятками. А на это понадобятся силы. Да и подкрепиться не мешает. «Командирские» показывают уже почти половину пятого, от завтрака в желудке давно и следа не осталось. Решено, полчаса на отдых и обед, а потом — крайний⁵¹ рывок, и я на месте. Осталось-то всего ничего. Обойти развалины на южной окраине Серженя, перебежать на противоположную сторону дороги, там немного по территории разрушенного еще в первую кампанию пионерского лагеря... И все. Стелла с надписью «Веденский район» и «нерушимая твердыня» нашего КПП-122. А метрах в ста от дороги — периметр базы.

Перекусив и повалявшись на травке, закинув уставшие ноги повыше на ствол старого ясеня, чтобы кровь от них хоть немного отлила, встаю, проверяю еще раз оружие и снаряжение: все ли на своих местах, не гремит ли что, не бренчит, и начинаю потихоньку спускаться по склону вниз, к дороге.

От бывшего пионерского лагеря не осталось практически ничего, высокая трава и густой кустарник скрыли жалкие кирпичные холмики, оставшиеся на месте разрушенных построек. Не уцелел и памятник абреку Зелимхану,⁵² чему я не сильно-то и расстроился. А вот высоченный бетонный «пограничный столб» так и стоял на прежнем месте. Правда, надписи «Веденский район» давно уже не было, а на испещренном пулевыми выбоинами бетоне видна была сильно выцветшая, но пока еще вполне читаемая надпись: «Кафиры, добро пожаловать в Ад!» М-да, ребята, а вот с оригинальностью у вас всегда была напряженка. Я уже даже если очень постараюсь, то не смогу вспомнить, сколько раз и где именно я читал подобное за две чеченские кампании и последовавшую за ними «контртеррористическую операцию». И, все равно били всегда мы вас, а не наоборот. А если вы где и «побеждали», то не потому, что были лучше и сильнее, а потому, что нас наши же командиры-начальники предавали. Или, когда вы, по старой кавказской традиции, гласящей «семеро одного не бздим», наваливались исподтишка и толпой. Так что не боюсь я вашего бахвальства, не обессудьте.

Я не зря назвал наш КПП «нерушимой твердыней». Да, выглядел он не ахти:

⁴⁹ Джалка — небольшая река, протекающая по северной окраине Шали.

⁵⁰ До получения статуса города Шали считалось самым большим селом во всей Европе.

⁵¹ Военные, наравне с представителями разных опасных профессий и занятий (пожарные, парашютисты и т. д.), из суеверия избегают слова «последний», заменяя его различными синонимами.

⁵² Абрек Зелимхан — Зелимхан Гушмазукаев (Зелимхан Харачоевский), вполне реальный, но ставший уже мифическим, персонаж чеченской истории. От большинства «коллег» отличался только тем, что часть награбленного якобы раздавал бедным. Чеченский Робин Гуд, одним словом. Желаящие прочесть красивую кавказскую легенду, ищите в Википедии — трогательно до слез! На деле — обычный бандит.

обложенный мешками с грунтом, кривовато сложенный из бетонных блоков приземистый сарай с узкими бойницами, с крышей из бетонных же плит. Со стороны глянуть — тьфу и растереть! А ведь только за шесть лет, с 2000-го по 2006-й, его пытались взять штурмом четыре раза. Четыре креста с фамилиями погибших, стоявшие на взгорке перед КПП, были тому напоминанием. А вот пятой атаки наш блокпост не выдержал. Хотя, откуда я знаю, какой она была по счету? От бетонного блокгауза осталось очень немного. Мне такое видеть уже доводилось. В Грозном. Чтобы железобетонные блоки вот так рассыпались в пыль, их надо некоторое время «обрабатывать» как минимум из КПВТ. Или долбать кумулятивными выстрелами из РПГ. Похоже, в этой груде обломков я ничего не отыщу. Все, что здесь было, давно разорвано в клочья, сожжено дотла, размыто дождями и развеяно ветром. А от стоящего неподалеку от КПП двухэтажного милицейского поста даже и следа не осталось, только здоровенная воронка. И Беной, насколько мне отсюда видно, пострадал серьезно. По крайней мере, от тех домов, что мне видны, уцелели разве что фундаменты да подвалы. Да уж, как много всего тут переменялось за эти годы. Вот что осталось неизменным, так это природа вокруг. Все так же гремит камнями в неглубоком широком ущелье холодная, быстрая и удивительно чистая горная речушка со странным названием Хулхулау.

По-прежнему возвышается над округой густо поросший лесом Эртен-Корт. А густые кусты, закрывавшие когда-то территорию базы от дороги, разрослись в немалых размеров рошу. Природе всегда было плевать на человеческие разборки.

Спускаюсь от проезжей части по склону еще ниже, туда, где три десятилетия назад стояли густо заплетенные колючей проволокой столбы ограждения нашей базы. В проеме изогнутых ржавых ворот замер искореженный взрывом до полной неузнаваемости корпус какого-то автомобиля. Точно сказать можно только, что это было что-то вроде «УАЗа» или «Нивы», а может, и иностранный какой-то джип на «брандер» не пожалели. Скорее всего, пытались протаранить ворота и на скорости вылететь на плац, поближе к жилым помещениям. Да не приняли в расчет установленный прямо за воротами «таран»: вставленную под наклоном в бетонную «пломбу» толстую металлическую трубу с острым наконечником. Налетели на полной скорости и встали. А тут и гранатометчик не сплеховал. Иду мимо осыпавшегося капонира, в котором застыл еще один ржавый, выгоревший остов. Этот опознать проще, обводы БТРа-«восемьдесятки» ни с чем не спутаешь. Земля перед ним густо засыпана хрупкими, словно трухлявое дерево, ржавыми гильзами калибра четырнадцать с половиной. Выхожу на плац. Раньше это была большая площадка почти правильной прямоугольной формы, засыпанная толстым слоем мелкого белого щебня. Теперь — просто заросшая высокой травой поляна, посреди которой стоит вросший в землю, прогнивший до дыр в бортах, бронированный «Урал». От небольших деревянных сарайчиков, в которых хранились инструменты, запчасти для машин и прочее имущество, давно ничего не осталось, лишь кое-где торчат из травы перекрученные листы ржавой оцинковки, бывшие раньше их крышей. Разрушено почти все: лишь груда гнилых бревен и досок на месте столовой, разметало во все стороны взрывом сруб бани. Там, где раньше были посты охранения, — неровные ямы с осыпавшимися краями. Хотя врытая в землю по самую крышу казарма, похоже, уцелела. По крайней мере, крышу ее мне с плаца видно хорошо, а та выглядит почти нормально, учитывая обстоятельства — проломлена в паре мест, но внутрь не обрушилась. Склада боеприпасов, который у нас вообще был вкопан в землю полностью, только входная дверь под небольшим козырьком оставалась снаружи, совсем не видно. Видимо, вход завалило обломками стоящей рядом бани, а больше у него никаких демаскирующих признаков и не было, даже холмик над крышей отсутствовал, на совесть делали. Вдруг взгляд цепляется за что-то незнакомое, чего раньше тут точно не было. Подхожу ближе. Рядом с плацем торчит из жиденького кустарника завалившаяся плашмя плита из шлифованного гранита. Покрепче упершись ногами в землю, ухватываю плиту и, поднапрягшись, переворачиваю ее. Стряхиваю ладонью в штурмовой перчатке прилипшую землю, какие-то корешки и дождевых червей и вижу, что на плите выгравировано мое лицо. Широкая улыбка, лихо заломленный берет на затылке. Дата рождения и дата смерти, вернее,

боя в Алпатове, после которого все решили, что меня убили. А еще надпись: «Погиб, спасая боевых товарищей» и силуэт ордена Мужества чуть правее и ниже фото. На миг становится как-то совсем жутко. Не каждый день удастся поглядеть на собственную... ну, не совсем могилу, скорее, памятник. Но, как ни крути, памятник все же могильный. А в голове звучит тихий голос Бати из сна: «Мы ведь тебя похоронили». Обессиленно опускаюсь в траву рядом с памятником, и тут меня накрывает.

Я не знаю, что это было. В мистику не верю, а для игры расшалившегося воображения это было слишком ярким и правдоподобным. Я просто ВИДЕЛ, что здесь произошло в тот день, видел во всех подробностях. Видел, как промчался по дороге мимо КПП джип с тремя «кадыровцами» из ПМСН,⁵³ которые, слегка притормозив, проорали в открытое окно, что в Ведено бой, что стоящий там самарский СОМ⁵⁴ уже вырезали и что они сваливают. Видел, как занимают оборону наши парни, и как испуганно мечутся по своим позициям девятнадцатилетние мальчишки-«контрактники» из внутренних войск, приданные нам «в усиление». Как замелькали между домов в Беное фигуры бородатых вооруженных людей. Вспыхнувший после первого же попадания тандемным куммулятивом БТР «вованов», которому они поленились отрыть капонир. Как, привстав под шквальным огнем из окопа, подбил «зависший» на «таране» «УАЗ» гранатометчик Мустафа. Подбил и тут же упал с простреленной чеченским снайпером от виска до виска головой. Как ровняли с землей из установленной в кузове «сто тридцать первого» «ЗИЛа» ЗУшки и нескольких гранатометов наш блокпост, в котором заняли оборону четверо омовцев и трое местных милиционеров. Как молотил короткими очередями из КППТ и ПКТ по наступающим боевикам наводчик нашего БТРа Рома Рыбак. Он продолжал стрелять даже тогда, когда вспыхнул от прямого попадания моторный отсек, когда задымился от жара его комбинезон. Он стрелял до тех пор, пока не начал рваться боекомплект. Видел нашего снайпера Бороду, раненого, истекающего кровью, давно плюнувшего на смену позиций и стрелявшего с почти пулеметной скоростью в бегущих через поле к забору базы боевиков. Видел связиста Андрея Баранова, которому кто-то из Ханкалы хрипло орал сквозь помехи: «Продержитесь хотя бы пару часов! Помощь вот-вот придет!»

Видел, как они держались, сорок битых жизнью матерых волкодавов-омовцев и столько же зеленых мальчишек-«веверов».⁵⁵ Держались больше суток и ждали помощи... Помощи, которая так и не пришла. Мои друзья один за другим гибли у меня на глазах, а я мог только скрежетать зубами от бессилия, от невозможности что-либо изменить.

А потом накатил новая волна отчаяния. То, что мира, в котором я вполне счастливо прожил почти тридцать пять лет, давно нет, я понял уже давно. Понял разумом, но никак не мог принять душой. Потому и воспринимал все, что мне говорили, так спокойно, что до конца все равно не верил в реальность всего происходящего. Продолжал втайне надеяться, что вот-вот проснусь и все будет, как и прежде. А вот сейчас окончательно осознал, что ничего уже не будет. Не будет поездок к родителям и шуточных перебранок с младшей сестрой Юлькой. Что никогда я больше не пройду по Арбату, никогда не выпью чешского пива в компании старого приятеля Олега в любимом нами обоими уютном пивном ресторанчике на Таганке. Что никогда я не пофлиртую больше в Парке Горького с какой-нибудь симпатичной незнакомкой, подарив ей только что выигранного в тире плюшевого медведя. Вся моя жизнь, которая мне так нравилась, все те люди, которых я знал и любил,

⁵³ ПМСН — Второй полк милиции специального назначения им. Ахмат-Хаджи Кадырова. Личная гвардия Рамзана Кадырова.

⁵⁴ СОМ — сводный отряд милиции.

⁵⁵ «Вованы», «веверы» — военнослужащие внутренних войск МВД.

все это исчезло навсегда, давно превратилось в радиоактивный пепел. Господи, как же мне было хреново в тот момент! Что же мне со всем этим делать?! Как же мне теперь жить?!

Я плохо помню, что со мной было. Кажется, плакал, молотил кулаками по гладкому шлифованному граниту собственного памятника, кого-то проклинал и рычал.

А потом наваждение схлынуло так же внезапно, как и накатило. Я резко вскочил на ноги, отвесил самому себе хорошую оплеуху.

— Ну, и херли ты тут истерику устроил, как «залетевшая» школьница? — рыкнул я на самого себя. — Соберись, тряпка! Не хочешь жить — пистолет в пасть, мозги на просушку и нахер все! А если хочешь, вытри сопли с жала и пойди, найди свои яйца! Что делать, что делать? Жить, млядь! Долго и счастливо!!!

А пока у меня есть одно очень важное дело, ради которого я и пришел сюда. Мои друзья похоронили меня с воинскими почестями и даже поставили памятник. А вот их самих похоронить было некому...

Откинув лист кровельной жести и переверолошив кучу ржавого хлама и древесной трухи на месте бывшего склада инвентаря и инструментов, я наконец нашел то, что искал — принадлежавшую нашему старшине складную титановую саперную лопату.

Я искал их до самой темноты, пока в состоянии был хоть что-то разглядеть без помощи фонаря. Искал в осыпавшихся окопах, на разбитых гранатометами огневых точках, в прогнивших развалинах построек. Найденные кости, хрупкие и почерневшие, сносил к большой воронке, оставшейся на месте позиции «АГСа», которую решил превратить в братскую могилу. База у нас была небольшая, но до ночи я не смог обыскать ее всю. Значит, закончу завтра. На ночевку устроился в старом кунге, в котором у нас располагался медпункт. Вещей в нем почти не было, только металлический откидной столик да несколько деревянных ящиков с разной «медициной», а значит, нечему было гнить и покрываться плесенью, как в жилых кубриках. Вообще, конечно, просто завалиться спать в таких условиях и такой обстановке — верх разгильдяйства и неосмотрительности. А потому спать никто и не ляжет. Не такая уж большая проблема одну ночь пободрствовать, особенно учитывая то, что полторы недели подряд я только и делал, что ел да спал. Крыша над головой и стены по бокам — есть. Ни дождь, ни туман, ни ветер не страшны. Подтаскиваю поближе к входной двери относительно крепкий деревянный ящик и усаживаюсь на него. Вот так и будем «службу тащить».

На следующий день поиски я продолжал почти до обеда, проверил все, что мог, даже вход в заваленный оружейный склад откопал, правда, ничего, кроме нескольких сгнивших деревянных патронных ящиков, там не обнаружил. Вычистил и поправил края у воронки, аккуратно сложил на дно все найденные останки. Засыпал землей, а в могильный холм врыл сколоченный ржавыми гвоздями из самых крепких, что смог найти, досок православный крест. Вынул из «стечкина» магазин, стянув с головы пропотевшую бандану, трижды вхолостую щелкнул курком, молча постоял минуту над могилой и стал собираться в обратный путь. Прощайте, парни, простите, что не могу сделать для вас больше. Хотя почему не могу? Могу, и еще как! Я буду за вас мстить. Насколько хватит сил, злости и умения. Пусть своих врагов «прощают и возлюбляют» слабые. А у меня — путь, видно, другой.

Спокойно уйти не получилось. Не успел я дойти до ворот, как услышал со стороны Беноя гул автомобильных двигателей. Времени хватило только запрыгнуть в капонир и укрыться в проржавевшем насквозь корпусе БТРа. Сквозь круглое отверстие стрелковой ячейки вижу старенький армейский джип «Лендровер-Дефендер», видно, как-то из Грузии перегнали, тамошние вояки вроде на таких катались, и еще более древний «ГАЗ-69». На турели «Дефендера» — «АГС». Издалека видно плохо, но, по-моему, не «семнадцатый», а «тридцатка».⁵⁶ Вот блин, хорошо, что к дороге не вышел! Уконтрапутили бы меня из этой

⁵⁶ «АГС-30» — автоматический станковый гранатомет, разработанный для замены в войсках «АГС-17». При тех же характеристиках имеет вдвое меньший вес и почти не имеет отдачи.

«хлопушки» мгновенно, я б даже «мяу» сказать не успел. Ну, давайте, черти бородатые, у вас свои дела, у меня свои. Езжайте дальше, куда ехали. Но «бородатые» дальше ехать почему-то не хотят. Обе машины сворачивают к базе и, объехав ворота с застывшей в них грудой металлолома, выезжают на плац. Мля, да какого хера вам тут надо?! Ведь нет тут ничего интересного! Что было, уроды, навроде вас, за тридцать лет растащили. Боевики начинают выбираться из машин. Четверо, ну да, не любят джигиты в тесноте кататься. А что это они там из машин достают? Охренеть — молитвенные коврики! Твою мать! Точно! На часах почти три. Намаз.

Пока чечены разувались, мыли водой из привезенных с собой бутылок ноги и руки и расстилали на травке свои коврики, я достал из «мародерки» гранату и открыл левый подсумок, чтобы удобнее было выхватить из него в случае необходимости следующий магазин. Блин, надо было их загодя попарно, как и те, что к «АКСу», смотать. Лень было изоленту или пластырь искать. Вот теперь и отдувайся! А «духи», встав на четвереньки, начинают молиться. Что, сильно набожные? Очень срочно понадобилось с Аллахом пообщаться? Вот сейчас я вам личную встречу и обеспечу. Как Ходжа Насреддин говорил: «На Аллаха надейся, а верблюда привязывай». Применительно к данному случаю можно слегка перефразировать эту «восточную мудрость», чтоб вторая часть звучала: «А про боевое охранение не забывай».

Я высунулся в боковой верхний люк, аккуратно выдернул предохранительную чеку и, метнув гранату на плац, рухнул на пол. Чем хорош замедлитель двойного действия РГО — взрыва не обязательно ждать четыре секунды, при ударе он происходит сразу. Говорят, их разработали во время афганской войны, когда во время боестолкновений в горах, брошенные вверх по склону гранаты успевали до взрыва скатиться назад, вниз. Как только осколки горохом отбарабанили по броне, я чертиком из табакерки выскочил из капонира и бросился к лежащим на плацу телам, на бегу перечеркивая их короткими очередями, и неподвижные, и еще шевелящиеся. Хотя стрелять было уже не обязательно. РГО — штука страшная. Фактически та же Ф-1, только меньше, легче и с запалом мгновенного действия. Шансов на выживание у этих четверых не было. Но я все равно стреляю, этот рефлекс мне вбили в подсознание намертво. Враг считается живым, пока не доказано обратное. А лучшее доказательство его смерти — твоя пуля, пробившая его череп.

Что, осуждать будете? Типа, стрелять в спину, да еще и молящимся — не правильно? Я так скажу, людей убивать — вообще не хорошо. Заповедь «не убий» не только в Библии, но и в Коране прописана. Однако — убиваем. Я, по крайней мере, убиваю врагов на войне, а не случайных прохожих в подворотне. А с врагом, как известно, — все средства хороши. Джентльменство и всякие разные правила — это для спортсменов. А на войне кто выжил и победил, тот и прав.

Так, хватит философию разводить, теперь все надо делать очень быстро. До Ца-Ведено — километров восемь, до Ведено — почти двенадцать. Если мне повезло, то ни взрыва, ни стрельбы там не услышали. Но надеяться на везение я не буду. «Волчьи головы» отхватываю вместе с рукавами, некогда мне возиться. Быстро обшариваю карманы, кошельки-кисеты, почти такие же, как и у меня, не глядя, закидываю в «мародерку», потом пересчитаю. Оружие и «разгрузки» боевики любезно сложили в кузова машин, как мило с их стороны. Подбегаю к «Лендроверу» и понимаю, что судьба жестока. Джип с тихим шипением оседает на ободах колес, да и пробитый в нескольких местах радиатор тоже вполне красноречив. Вот блин!!! Только хотел хорошей машиной разжиться, а тут такой облом! Хотя сам виноват, аккуратнее надо с гранатами. Зато «козлик», прикрытый от взрыва корпусом «британца», оказывается в полном порядке. Не «Ровер», конечно, но все ж таки четыре колеса, двигатель, неплохие скорость и проходимость. Идет, беру! Запрыгнув в кузов «Дефендера» перекидываю из него два «АКМСа» и разгрузочные жилеты в «шестьдесят девятый» и

пытаюсь снять с турели «АГС». Ага, шаз! Тому умельцу, что эту «вертлюгу» склепал, надо руки оторвать по локоть! Да как же оно снимается-то? Мля! Шум движков пока чуть слышен, но уже вполне отчетлив. Спалился!!! Так, «жабу» задавить, хрен с ним, с «АГСом», хватит и двух «улиток» с ВОГами, одну из которых отцепляю от гранатомета, а вторая стоит возле турели. С паршивой овцы — хоть шерсти клок! Все, пора сваливать, вот только сначала...

Из первой попавшейся «разгрузки» вытряхиваю три «лимонки», одну засовываю прямо под «АГС», выдернув кольцо и зажав предохранительный рычаг между турелью и корпусом гранатомета. Две другие, не мудрствуя, распахиваю таким же макаром под колеса. Хороший «сюрприз» кое-кому будет.

Заскрежетав коробкой передач, «козел» рвет с места. Знаю, машина, я скотина и варвар, уж потерпи! Погоню, два «УАЗа» и «Ниву», я замечаю в зеркало заднего вида, уже проскочив мимо колонны с «гостеприимной» надписью. А, въехав в Сержень-Юрт, сквозь рычание двигателя и брэнчание груды железа в кузове слышу далеко позади сильный взрыв. Да, друзья мои, три «эфки» — ни фига не фунт изюма! Как там у классика: «Так не достанься ж ты никому!» Хотя, за угробленный «Дефендер» моя пупырчатая «жаба» меня еще не раз удавит.

Жаль только, что не все преследователи к брошенному «Роверу» свернули. Как минимум три машины с боевиками сейчас висят у меня на хвосте. И даже изредка пострелива... Твою ж мать!!! Они там что, совсем охренели! Из гранатомета, по быстро движущейся цели, да из едущего авто, да на такой дороге... Одним словом, мозгов у гранатометчика мало, а вот лишних выстрелов, похоже, полно. Оставляющая дымный след реактивная граната проносится далеко в стороне и взрывается, окончательно завалив какой-то и без того сильно разрушенный кирпичный сарай. Через некоторое время мне вслед стартует вторая. Потом третья. Эти рвутся уже почти рядом, на обочине дороги, одна левее, одна правее меня. Один черт не попал, мазила! Хотя, кто сказал, что гранатометчик хочет попасть в машину? Возможно, он просто пытается согнать меня в кювет. Машин-то не так уж и много осталось, вот и пытается ее сберечь, чтоб взять относительно неповрежденной, пригодной к ремонту. Да фиг тебе! Догони сперва!!!

Я уже говорил, что на дорогах в чеченских поселках обожают накатывать высоченные «лежачие полицейские»? Сержень-Юрт в этом вопросе совсем не исключение. «Козел», словно сумасшедший, скачет по этим рукотворным ухабам, полностью оправдывая свое неблагозвучное прозвище. И каждый раз, когда он с грохотом приземляется, я жду, что вот именно сейчас сломается кардан, или стойки колес, или... Но нет, «ГАЗ» по-прежнему несется вперед.

А вот противник нагоняет. Гранатометчик успокоился, похоже, понял, что сегодня не его день. А может, выстрелы закончились. Зато резко активизировались автоматчики. Сначала несколько пуль с мерзким визгом прошли где-то почти над ухом. Потом сразу две пробили правую часть лобового стекла. Хорошо стреляют, гады. А я даже ответить не могу, стоит хоть на секунду отвлечься, и вылечу с дороги к чертовой матери. Шали лучше бы объехать по кругу, та дорога ровная, но — нельзя. Это хороший крюк, а противник может рвануть напрямую через город и, опередив меня, перекрыть мост через Джалку. И тогда мне точно конец. Остается только гнать по главной улице, уповая на то, что старенький «шесть-девять» не развалится на запчасти прямо подо мной.

Похоже, мои молитвы были услышаны. По крайней мере, Шали проскочил почти без потерь, если не считать таковыми несколько пулевых пробоин в кузове и осыпавшуюся вторую половину лобового стекла. А вот на крутом повороте в Герменчуге слышу звонкий и громкий звук лопнувшего железа, а в боковое зеркало вижу скачущий по растрескавшемуся асфальту кусок рессоры. Твою мать! Машина ощутимо проседает на правый бок.

— Держись, родная! — стиснув зубы, шепчу я. — Вырвемся, себе тебя оставлю, полное ТО проведу и лучшим бензином заправлять буду, клянусь.

А боевики уже буквально на пятки наступают, еще чуть-чуть и догонят. Проскочив

развалины торгового центра с жутко оригинальным названием «Беркат»⁵⁷ на чудом уцелевшей вывеске, решаю, что меня уже должны услышать на аргунском блокпосту.

— Аслан — Чужому!⁵⁸ Аслан, ответь Чужому!!! Прием!

— На приеме Аслан, — слышу знакомый голос в ответ.

— Я выхожу. Прямо по трассе. На машине, «козел» цвета хаки. Тащу «хвост», три единицы, небронированные. Обрубить не смогу. Пальбу слышите? По мне херачат, мля! Огнем поддержите?!

— Не вопрос. Но, учти, сразу внутрь не впустим. Перед воротами съезжай в кювет и замри там. Сперва с «хвостом» твоим разберемся... Как принял?

— Принял, ждите!

До ворот, уже показавшихся вдаль, я так и не доехал. Что-то громко хлопнуло, и руль больно саданул по рукам. «Шестьдесят девятый» завилял по дороге. Похоже, прострелили колесо. Мля! Пытаюсь удержать «ГАЗ» на дороге, но машину вдруг повело юзом, едва не перевернуло, а потом под днищем моего «козлика» что-то громко и мерзко скрежетнуло, и он ткнулся бампером в асфальт, а оторванное колесо, весело подпрыгивая, укатилось куда-то в кювет. Я не стал изображать из себя мишень, сгреб из кузова две ближайшие «разгрузки» с магазинами и прямо через борт сиганул на обочину. Так, до КПП примерно километр, боюсь, не поедут они в такую даль меня вытаскивать. До разрушенных кирпичных пятиэтажек метров двести. Не факт, что добежать успею. Ну, значит, будем прямо здесь воевать. «Сто третий» ощутимо, куда сильнее, чем «АКС», толкает прикладом в плечо. Короткие очереди летят навстречу машинам преследователей. Пытаюсь поймать в прицел водителя ближайшего ко мне «УАЗа», до которого уже меньше ста метров. Жму на спусковой крючок, а в голове молотком стучит единственная мысль: «Сдохни ж ты, сука! Сдохни! Сдохни!! Сдохни!!!»

Есть! Вражина, всплеснув руками и забрызгав кровью и мозгами стоящего позади него автоматчика, валится куда-то под руль, а «уазик» вылетает с дороги и кувыркается в кювете, поднимая тучи пыли. А то! Автомат Калашникова — лучшее средство для передачи негативных мыслей на расстояние до одного километра! Не слыхали такую фразу? Неудивительно, я ее сам придумал. Нравится? Дарю! А вокруг меня земля внезапно встает дыбом и ощутимо колотит снизу по брюху, будто я лежу на листе железа, который кто-то начал рихтовать огромной кувалдой. Скатываюсь вниз, в кювет и замираю, прикрыв голову руками. Похоже, писец тебе приснился, Миша. Это не «ПК» какой-нибудь, это или «Утес», или «Корд». На такой дистанции, да таким калибром они тебя в два счета на запчасти разберут, не дав даже головы приподнять. Похоже, поняли ребята, что им меня уже не догнать, вот и решили хотя бы отомстить. И, если честно, шансы у них хорошие! Под огнем «крупняка» жить мне недолго.

Дум-дум-дум, дум-дум-дум. В амбразуре дота слева от ворот КПП вдруг словно расцветает огненный цветок. Над головой в сторону машин боевиков со злым жужжанием проносятся цепочки огненных росчерков. Ох, блин! Похоже, «на том конце провода» сейчас кому-то не весело. Четырнадцать с половиной миллиметровые пули КППВ вообще штука весьма для противника неприятная, а уж когда они еще и МДЗ...⁵⁹ «Нива» боевиков

⁵⁷ «Беркат» — дословно переводится как «прибыль» или «выгода». Так в Чечне добрая половина магазинов называется.

⁵⁸ Особенности правил армейского радиообмена. Сначала звучит позывной того, кого вызывают, потом — того, кто вызывает. В нормальном, человеческом варианте между позывными вставили бы слово «ответь», но военные для краткости его опускают.

⁵⁹ МДЗ — патрон калибра 14,5 мм мгновенного действия зажигательный, при попадании в цель взрывается.

взрывается сразу. В сером «УАЗе»-«Хантере» с «Утесом», похоже, водила за рулем матерый. Сдав назад и укрывшись за корпусом «Нивы», он умудряется развернуться буквально «на пятке» и пытается уйти. Но ему не везет. Куда именно попали пули КПП, мне из кювета не видно, зато отлично видно, как «Хантер» высоко, будто с трамплина, подпрыгивает и валится на бок.

Так, теперь главное — не спешить. Внимательно осматриваю машины боевиков и местность вокруг них через прицел автомата. Кто-то мог и уцелеть, хотя вряд ли. Но рисковать не стоит, а то приподнимешь дурную головушку, а добрый бородатый дядя тебе в нее пиллюлю от глупости вгонит. Свинцовую.

— Чужой, ты там как? — оживает рация.

— Живой, движения вокруг машин не наблюдаю.

— О чем мы с тобой в прошлый раз говорили?

Так, все верно, проверить, тот ли я, за кого себя выдаю, перед тем, как выслать помощь, — идея вполне разумная.

— О брате твоём говорили, — я напрягаю память, — о Хасанбеке. О благодарности. И о способах опознания на Мертвых Землях.

— Понял тебя, Чужой. Сейчас помощь будет, встречай.

— Жду, — коротко отвечаю я, а сам начинаю аккуратно перемещаться в сторону первого «УАЗа». А то, как известно, в большой семье — шавлом не щелкают. Наложат шустрые парни с КПП могучую лапу на все трофеи разом, не драться же с ними потом. А я что, зря жизнью рисковал? Когда минут через пять я уже провожу «контроль» возле перевернутого «УАЗа» в кювете, мимо меня пролетают армейская «буханка» с самодельным люком в крыше, из которого выглядывают сразу два автоматчика и бежевая «Нива» с зеленой полосой по борту, явно бывшая в «прошлой жизни» инкассаторской. Микроавтобус проскочил дальше, а «Нива», притормозив, сдает назад.

— Узнаю наемников! — скалится в тридцать два зуба выбравшийся из нее Аслан. — Еле жив остался, но сразу за трофеями рванул.

— Ага, мы такие, жажда наживы подавляет даже инстинкт самосохранения, — улыбаюсь я и киваю головой в сторону ушедшей вперед «буханки», от которой уже слышны одиночные выстрелы, там, видно, тоже времени даром терять не привыкли. — Не переживай, вам сейчас тоже богато обломится. Там кроме «Утеса» еще и РПГ в «УАЗе» был.

— Откуда знаешь?

— А мне из него в Сержене чуть задницу не поджарили...

— Тебе там, похоже, не только ее жарили. — Аслан внимательно смотрит на замерший посреди дороги «ГАЗ-69». Ой, мля, досталось же тебе, бедняга. Даже на таком расстоянии видно — восстановлению «шесть-девять» не подлежит: вдобавок ко всем прошлым «болячкам», теперь добавилась еще и очередь из «Утеса», прошедшая вдоль всего борта от «запаски» до двигателя. Калибр двенадцать и семь — ни фиги не шутики. Несчастный «козлик» сейчас похож на неаккуратно вскрытую консервную банку.

Вытащив из-под «УАЗа» и повесив за спину два «АКМСа», срезав с рукавов «волчьи головы» и небрежно перекинув через плечо две замызганные разгрузки, иду назад, в сторону моего искореженного «стального коня». Там, в салоне перевернутого «УАЗа», вроде, еще что-то осталось, но все за раз я на себе один черт не упру.

— Прости меня, железо, и спасибо тебе, — тихонечко говорю я, поглаживая «ГАЗ» по разодранному пулями борту.

— Эй, Чужой, ты чего там? — слышу за спиной голос Умарова.

— С боевым конем прощаюсь.

Фраза получается какой-то совершенно не шутильной. Да и Аслан не улыбается и отвечает совершенно серьезно:

— Да уж, он тебе сегодня жизнь спас.

Парни с КПП помогли мне откатить «козлик» с проезжей части, перевернули и взяли на

буксир сильно помятый, заляпанный кровью, но относительно исправный «УАЗ», и подбросили на «буханке» вместе со всеми моими трофеями прямо к порогу «караулки». Аслан пообещал помочь с «попуткой» до Червленной и пригласил внутрь, чтоб не жариться на солнцепеке, а заодно чайку попить. Сложив «нажитое непосильным трудом» кучкой возле двери, вхожу следом за ним и, увидев суровую табличку «Саца! Чекх вала мегар дац!»,⁶⁰ дисциплинированно отстегиваю от «сто третьего» магазин, лязгаю затвором, доснаряжаю выскочивший патрон в «рожок» и убираю его в подсумок.

— Что, по-чеченски понимаешь? — спрашивает, заметив это, Аслан.

— Грешен, — развожу руками я.

— Это правильно. А то, как так выходит — глупые чеченцы два языка знают, а умные русские — всего один?

Посмеялись, я уселся за стол чай гонять, а Умаров пошел к стоящему в углу полемому телефону насчет транспорта для меня договариваться.

— С тем КПП говорил, — сказал он, положив трубку ТАПа,⁶¹ — сказали, если кто в ту сторону поедет, они к нам направят. Но о цене уже сам договаривайся.

— Скажи, Аслан, а у тебя знакомых автомехаников нет, часом?

— А, — понимающе кивает тот, — решил, что «УАЗ» не совсем мертвый еще? Правильно решил, мне кажется. Продать хочешь или починить?

— Починить, разумеется. Зачем продавать то, что самому нужно?

— Тоже верно, — соглашается Умаров. — Мой дядя Исмаил и его старший сын, Ваха, мастерскую в Петропавловской держат. Если надо, могу все узнать.

— Узнай.

— Тогда так давай. Машину тут оставляй. Исмаил приедет, заберет, посмотрит, что как. Цену скажет. Ты в «Псарне» живешь?

Я киваю.

— Вот, тогда через Кузьму свяжемся. А как готово будет — приедешь, заберешь. Ты не думай, я тебе слова стариков не зря передавал, все хорошо будет сделано. И недорого.

— Вот и договорились, — соглашаюсь я, прикидывая, хватит ли мне денег на оплату работы Исмаила и его сына. Кое-что в кубышке уже есть, да трофеи сдам, да за «волчьи головы» рубль золотом и десять рублей серебром выдадут. В самом крайнем случае пойду к Исмагилову на поклон, он вроде помощь обещал. Вот и попрошу помощи... Материальной... Я его за язык не тянул. Опять же, не безвозмездно, с возвратом.

«Попутка», бортовая «Газель», нашлась через пару часов. С водилой, стареньким и сморщенным, будто гриб-сморчок, чеченцем в высокой каракулевой папахе, я торговался, будто на базаре. В результате сошлись на том, что я отдам ему один трофейный «ПМ» и два магазина. Тот требовал два пистолета при четырех магазинах, но я был непреклонен. А когда ударили по рукам, то по его довольной физиономии понял, что один черт крепко переплатил. А и ладно! Не обеднею. С помощью Аслана перекидал в кузов все свои «ништяки» и, пожав на прощание руки всем своим спасителям, запрыгнул туда сам.

— Марша ойла, Аслан!⁶² — машу я на прощание стоящему на крыльце «караулки» Умарову, когда грузовик трогается.

— Баркалла, Миша, и тебе нек дика хюлда хан!⁶³ — кричит он мне в ответ.

⁶⁰ Стой! Разряди оружие!

⁶¹ ТАП — телефонный аппарат полевой.

⁶² Будь здоров, Аслан.

⁶³ Спасибо, Миша, и тебе счастливого пути!

В Червленную мы въехали, когда солнце уже почти касалось горизонта. Думается мне, что и в Комендатуру, и в «Ратник» я уже опоздал. Да и стволы трофейные не чищены. Раз уж начал создавать себе репутацию честного и порядочного клиента, так и надо гнуть эту линию дальше.

— Давай сразу к «Псарне», уважаемый, — кричу я, постучав ладонью по крыше кабины.

— Дик ду!⁶⁴ — слышится в ответ старческий брюзжащий голос. — И не ори так, не глухой я.

Уже на подъезде к трактиру меня настигает запоздалая мысль: «А как я все это один потащу?» Тут ведь не блокпост, где посторонних нет, а оживленная улица. Бросишь какую-нибудь вещь без присмотра, в два счета «ноги отрастит». М-да, незадача... О, похоже повезло, возле входа в «Псарню» вижу кого-то из наемников, напрягаю зрение, ага, Толик. Ну, и ладно, Толик, так Толик. Опять же, мы с ним помирились уже и общаемся вполне нормально. Ну, попутал парень поначалу берега, с кем не бывает?

— Толян! — ору я во всю глотку и машу руками. — погоди, помощь нужна!

Похоже, о своем решении задержаться на крыльце Толик жестоко пожалел, стоило мне начать навьючивать на нас мою добычу. В двери трактира мы вваливаемся нагруженные, как два бухарских верблюда. В зале, где народ как раз собрался, чтобы поужинать и языками почесать, — немая сцена.

— Миша, ты это называешь «вообще неприбыльным» делом? — задумчиво тянет, почесывая бровь, Убивец.

— Ага, — выдыхаю я, с грохотом сваливая с себя все прямо на пол.

Рядом, не особо церемонясь, следует моему примеру и Анатолий. Все встают из-за столов и собираются вокруг груды моих трофеев. Выглядит внушительно, не спорю: два «АКМСа», «весло» «АК-74» с обшарпанными деревянными цевьем и прикладом, явно выдававший виды, но вполне исправный «ПК» с коробкой-«соткой» и тремя пулеметными лентами по 250 патронов в обычном джутовом мешке, два «ПМа» и один «ТТ», по два магазина на каждый. Принадлежавший пулеметчику «Кедр», правда, всего с одним магазином. Полтора десятка гранат. Пять битком набитых магазинами разгрузочных жилетов. Два полных и один вскрытый цинк с автоматной «семеркой». Примерно полцинка девятимиллиметровых пистолетных патронов. Две полностью снаряженные «улитки» к «АГСу». И в довершение «натюрморта» сильно поцарапанная, но рабочая армейская радиостанция Р-159, тяжеленная, будто могильная плита. Помнится, когда я срочную служил, радистам даже разрешали бронежилеты не надевать. Во-первых, «сто пятьдесят девятая» ничуть не меньше весит, а во-вторых — не каждая пуля ее пробьет. А ведь были еще один «ПМ» и два «АКМа», но чертов «духовский» пулеметчик обгадил мне всю «малину», безнадежно испортив их крупнокалиберными пулями. Кроме того, в кошельках, которые я «выпотрошил», сидя в кузове «Газели» по дороге в Червленную, оказалось тридцать семь серебряных и две золотые монеты.

— Ты извини, что спрашиваю, — вновь начинает Убивец, — но что бы ты в таком случае назвал «прибыльным»?

— Вот если б я сюда приехал на «Лендровере-Дефендере» с «АГСом» «тридцаткой» на турели и с «шестьдесят девятым» ГАЗоном на буксире, вот это было бы прибыльно.

Наемники дружно заржали над удачной, по их мнению, шуткой.

— И чего гогочете? — громко интересуюсь я, обводя парней пристальным взглядом. — Я, между прочим, абсолютно серьезно. «Ровер» пришлось за Сержень-Юртом заминировать и бросить, он уже не на ходу был. «АГС» снять не успел, погоня на пятки наступала. А «козлика» бородатые прямо перед КПП в Аргуне из НСВ в металлолом искрошили. Правда, мне от них в наследство армейский «уазик» достался, но его в процессе наследования помяло

⁶⁴ Хорошо!

сильно, я его в ремонт сдал.

Смех, словно по мановению волшебной палочки, опять стихает. До народа, похоже, дошло, что я абсолютно серьезен. Такими вещами тут не шутят.

— Слушай, Чужой, если не секрет, что ж там за «неприбыльное личное дело» было, что с него в таком виде возвращаются? — спрашивает кто-то из толпы.

— Не секрет, парни, — хмуро отвечаю я. — Товарищей боевых похоронить нужно было.

Лица вокруг сразу становятся серьезными. Что такое бросить без погребения на поле боя тело друга, тут понимают хорошо.

— А это? — глядит на груды оружия у себя под ногами Толя.

— А это, Анатолий, им вместо тризны. Был, говорят, и у славян такой обычай: на могилах воинов их врагов в жертву приносить. Чтоб те им в загробном мире рабами были. Жаль только, — вздыхаю я, — много их, товарищей моих, там полегло, почти восемьдесят человек. А этих всего шестеро, ну, еще у «Ровера» двоих-троих «эфками» побил. Рабов на всех не хватит...

— Восемьдесят?! — Костя снова изумленно почесывает бровь. — Что-то не припомню я такой крупной операции. Это когда ж было?

— Не могу тебе этого сказать, Костя. Да и не обо всех операциях потом известно становится, о некоторых только через много лет узнают, а об иных — вообще никогда.

— Что да, то да, — соглашается Убивец. — Ладно, давай так, сейчас парни тебе помогут все до комнаты донести, приведешь себя в порядок, отдохнешь, выспишься. А с утра у нас с Кузьмой к тебе серьезный разговор будет.

— Договорились, — отвечаю я.

Минут через сорок я спускаюсь вниз, вяло, без аппетита ужинаю. С предложениями о «проставе» ко мне никто не пристаёт. Услышав о восьмидесяти погибших, которых мне пришлось хоронить, народ сделал вывод, что состояние мое к празднику не располагает. Я сам подошел к Кузьме и попросил его налить всем за мой счет водки. Парни и тут все поняли правильно — пили стоя, не чокаясь и не произнося тостов. За упокой... А потом снова прошу у Кузьмы гитару. Тяжко мне, душа разрядки просит, и водка тут не помощник. Да и не любитель я крепкого алкоголя. Легонько пробегаю пальцами по струнам. Чего б такого сыграть? И вдруг, пальцы, будто сами, вспоминают мелодию, и мне только и остается, что начать петь.

Запылился на полке парадный мундир,
Точит мошь золотые погоны,
Нам досталась судьба защищать этот мир
Вне закона, вне закона...

Уже к середине второго куплета в довольно шумном зале повисла тишина. По большому счету, плевать, что Сергей Трофимов написал эту песню почти полвека назад. Все, кто сейчас сидел в этом зале, своей профессией выбрали войну. А в жизни воинов уже многие века мало что меняется, разве что оружие стало другим...

Когда затих последний аккорд, еще секунд тридцать все молчали, а потом Кузьма пробасил из-за стойки:

— Сильно. А я уж думал, ее не помнит никто. Еще что-нибудь из него же можешь?

Я только кивнул и снова запел:

Друзья давно начальники, а мне — не повезло,
Который год скитаюсь с автоматом,
Такое вот суровое, мужское ремесло,
Аты-баты, аты-баты!

Потом я пел «Блокпост в акациях», «Мертвый город, Рождество», «Кукушку», «Звезду по имени Солнце», а когда устали поотвыкшие голосовые связки, то просто играл что-то из «Золотых баллад» «Металлики».

К тому моменту, когда я закончил импровизированный концерт и отложил гитару, народу в зале трактира существенно прибавилось. Кроме наемников, за столами сидели какие-то местные. Причем не только молодые парни и девушки, но и люди вполне взрослые.

— Надо тебе почаще гитару подсовывать, — широко улыбаясь, шепнул мне Четверть, когда я возвращал ему инструмент. — Вон ты как посетителей приманиваешь.

— Ага, — в тон ему под дакнул я, — заодно будем укреплять дружбу между наемниками и местным населением. Глядишь, десяток-другой таких концертов, и нас совсем бояться перестанут.

А за завтраком, когда я с удовольствием рубаю принесенное Зиной овощное рагу с мясом, ко мне за стол подсаживаются Убиец и Четверть.

— Слушай, Миша, — шумный и жизнерадостный обычно Кузьма говорит тихо и серьезно, — хочу вернуться к тому разговору, что мы вели после твоего возвращения из СБ.

— Это по поводу работы на вас?

— Именно, — согласно кивает головой он.

— Ну, так я вроде тогда все сказал, в принципе — согласен, но все будет зависеть от того, насколько выгодные условия вы мне предложите. По вчерашнему опыту, — решаю я немного набить себе цену, — похоже, тут и в одиночку можно неплохо зарабатывать.

— Так один в поле не воин, Миша, — пытается приструнить меня бармен.

— А вот это, Кузьма, зависит от того, что за воин. Да и с нохчами я «стенка на стенку» в чистом поле сходиться не собираюсь.

Поняв, что попытка припугнуть меня сложностями не удалась, Четверть немного сбавляет обороты.

— Это да, но, согласись, всегда проще и спокойнее, если кто-то надежно спину прикрывает.

— Согласен, поэтому можно и напарника подыскать. Думаю, после двух-трех рейдов, вроде вчерашнего, желающих много появится, — снова «подпускаю шпильку» я.

Кузьма только разводит руками, как бы говоря: «Ну что ты с ним будешь делать!» А в разговор вступает Убиец.

— Слушай, Миш, ну брось ты Ваньку валять, а! Это Кузьма у нас поторговаться любит, от купчиков понабрался. Бизнесмен, блин! Я человек простой, всех этих долгих разговоров не люблю. Короче, предлагаю тебе место в отряде. Поверь, в такой команде, как у нас, намного лучше, чем одному. Или ты с «безопасниками» замирился уже? Или решил к военным податься? Тогда так и скажи, а то сидим мы тут, перед тобой распинаемся...

— Костя, не нервничай, — останавливаю я его гневную тираду. — Ни с кем я не помирился и в военные тоже не собираюсь, хотя звали и даже лейтенантскими погонами соблазняли. Но и ты пойми, на «высокую должность» охранника какого-нибудь мотообоза или сторожа при кошаре я не соглашусь.

— А вот теперь, Миша, ты притормози, — вновь перехватывает инициативу Четверть. — То, что подготовка у тебя не хуже, чем у ОсНаза, мы уже поняли...

— Лучше, Кузьма, поверь мне, куда лучше у меня подготовка. И это не я сказал, это и Исмагилов признает.

— О как, — сбитый с мысли бармен ненадолго умолкает. — Так о чем я? А, вот... Забраться в одиночку за Сержень-Юрт, а потом с таким тарарамом оттуда вернуться, это уметь надо. Пока ты отдыхал, мы кое с кем связались...

— Не с Асланом Умаровым, случайно?

Кузьма снова умолкает, а потом, улыбнувшись, продолжает.

— Невежливый ты, Миша, перебиваешь все время. Но зато догадливый — этого не отнять. Да, с ним. Знаешь, тамошних вояк ты очень впечатлил, а они много в этой жизни

повидали. Короче, то, что ты сорвиголова и чудовище, это факт, не подлежащий сомнению. И есть у нас задумка как раз для человека с твоим складом характера и способностями. Видишь ли, ни в Мертвые Земли, ни на территорию Непримиримых мы не суемся. Иногда одиночки или небольшие группы за «бошками» выбираются, но слишком часто бывает, что после этого их никто и не видит больше.

Кузьма прерывается и оборачивается в барной стойке.

— Зинуль, солнце мое, принеси нам по пиву, а то в горле пересохло! — командует он и продолжает свою мысль: — Когда ты в Науре один пятерых «волчат» положил, нам стоило только намекнуть кое-кому, что ты из наших, как к нам тут же купчики примчались с очень «жирным» контрактом. Думаю, после сегодняшней твоей «прогулки» будет то же самое. Смекаешь?

— Тоже мне, бином Ньютона, — отвечаю я. — Дело понятное. Наемников вокруг не мало, вы тут, в Горагорском или Петропавловской какие-нибудь свои, так? Услуги вы все предлагаете примерно одинаковые: «проводка» колонн, охрана объектов или людей. Военные вас тоже периодически к своим делам «подтягивают», но это уже из другой оперы, и там вы больше на подхвате. Так?

— Так, — дружно кивают Костя и Кузьма.

— Вот, и если вы все такие одинаковые, то кого ж бедным торговцам выбрать? А тут появляюсь я, весь такой на всю голову контуженный, ломом подпоясанный, крутой и героический до невозможности. Нохчей гоняю чуть ли не ссаным полотенцем, а самому хоть бы хны. И все знают, что данный героический воитель из отряда Кости Убивца, — я перевожу дыхание и делаю большой глоток холодного пива. — А дальше все просто. Психология работает на нас. Если я такой непобедимый герой, то и все остальные бойцы в нашем отряде — такие же. А значит, если хочешь заполучить лучших, то нанимать надо именно ребят Убивца из «Псарни». Так?

— Все верно, — снова соглашаются мои собеседники, превратившиеся в слушателей.

— А не опасаетесь, что нохчи, на мою «деятельность» обиравшись, начнут за мной охотиться и вам мстить? Ладно, меня в Мертвых Землях привалят — для вас не велика потеря. Но вот если начнут долбить один за другим именно вами сопровождаемые караваны...

— Миша, не держи нас за идиотов. Мы же не собираемся обо всем этом на улицах во всю глотку вопить или рекламные листовки по всему Терскому Фронту на домах расклеивать. Распространяться информация будет аккуратно и только в узком кругу заинтересованных лиц. Вот только нам бы доказательств твоей удали побольше...

— Это как раз не сложно, — отмахиваюсь я. — У меня «цифра» есть, фотоаппарат, но видео тоже снимает. Качество выходит приемлемое. Вот и возьмем «передовой опыт» чеченских товарищей на вооружение. Смотреть-то найдете на чем?

— У нас — не на чем, но кое у кого из купцов компьютеры есть. Дорогая это штука, редкая. В основном у военных да у СБ. Ну, и в госструктурах всяких. Но если деньги и желание имеются, то достать можно.

— Хорошо. Так, хватит лирики, вернемся к делу. Значит, моя задача будет, выражаясь по-заграничному, делать имидж отряду? Я в принципе не против. Осталось обсудить условия.

— Условия у нас с Кузьмой такие, — вступает в разговор Костя, — за постой и питание не платишь. Выберешь себе напарника, кого — сам решай, платить ему будем мы, вся добыча — ваша, в «общак» ничего не скидываешь. Не реже раза в месяц, а лучше даже почаще, потому как месяца через два в горах снег ляжет и с рейдами придется до весны завязывать, устраиваешь шумный тарарам в своем стиле. От нас, кроме этого, силовая поддержка в случае чего, вплоть до выдвижения всего отряда, и участие в наиболее выгодных контрактах без жребия, если тебе этого захочется.

— Тогда такое маленькое уточнение, понятие «весь отряд» в себя что, кроме двадцати бойцов, включает?

Да, умею я иногда «изящно выразиться», Костя даже не сразу понял, чего я от него хочу. Пару секунд сидел с недоумевающим лицом, потом хмыкнул, улыбнулся и, сидя приняв некое подобие стойки «смирно», отрапортовал:

— Разрешите доложить. Кроме 20 человек личного состава, вверенное мне подразделение располагает двумя станковыми и тремя ручными пулеметами Калашникова, двумя снайперскими винтовками Драгунова и тринадцатью автоматами «АКМ» и «АКМС», а также двадцатью пистолетами. Имеется также три единицы техники: два внедорожника «УАЗ» с турелями под пулеметы и бронированная армейская «буханка». Командир подразделения Костя Убивец доклад закончил.

Костя замолкает, продолжая «преданно есть глазами начальство».

— Вольно, — команду я, и зал оглашает хохот трех здоровых мужиков.

Отсмеявшись, продолжаем беседу.

— Кстати, а что вам, парни, мешало все это проверить самим и без моего участия?

— Тяжело мне в этом признаваться, — вздыхает Убивец, — но уровень подготовки моих ребят не позволяет. Я сам — еще мог бы. Кузьма в молодости вообще был таким башибузуком, что караул. А вот парни ни навыков не имеют, ни местности в тех краях не знают. Колонны сопровождать они обучены, а вот в диверсионный рейд их отправлять — все равно, что на верную смерть. Не потянут.

А что? Вполне ничего себе условия. Получаю бесплатную крышу над головой и стол, напарника, поддержку двух десятков серьезных бойцов. Смогу по желанию поучаствовать в «проводке» какого-нибудь особенно хорошо оплаченного каравана. А заниматься буду фактически тем же, чем и так собирался.

— Добавь к вашим условиям пять процентов от суммы заключенных после моих «художеств» сделок, и — по рукам.

— Сколько?! — глаза у моих собеседников буквально лезут на лоб.

— Миша, ты в своем ли уме? — укоризненно смотрит на меня Четверть. — Пять процентов я, как посредник, получаю.

Так, похоже, я и впрямь малость зарвался. Ну да ничего. Пусть думают, что цену себе набиваю.

— Ваши предложения?

В общем, сошлись на одном проценте, что, учитывая суммы контрактов, не так уж и мало.

— Хорошо, с этим разобрались. В напарники кого возьмешь? — спрашивает Кузьма.

— Кого? — задумчиво тяну я, прикидывая в голове возможные варианты. — Знаете, а я, пожалуй, Толика возьму.

— Ты серьезно? — изумляется Убивец. — Он же молодой совсем, и подготовка нулевая. Разве что здоровенный, как кабан, ну и стреляет неплохо.

— Знаешь, Костя, иногда учить кого-то с нуля куда легче, чем переучивать человека, считающего, что он и так уже крут, словно вареное яйцо. Первый, если ему действительно интересно, будет все впитывать, как губка. А у второго новые знания будут периодически вступать в конфликт со старыми. Тогда он, скорее всего, просто махнет на новые рукой, мол, ерунда это, я и так уже все отлично знаю и умею. Меня такой подход не устраивает.

— Ладно, тебе решать, — соглашается с моими доводами командир наемников и громко командует: — Толя, иди-ка к нам, дело есть.

Анатолий, оставив недоеденный завтрак, подсаживается к нам и всем своим видом выражает величайшее внимание.

— Вот что, парень, — начинает на правах старшего по возрасту и статусу Кузьма, — хотим мы тебе предложить серьезное и опасное дело. Нужен Михаилу напарник для работы в Мертвых Землях и на территории Непримиримых Тейпов. Риск, конечно, немалый, но и прибыль — сам видел какая. А ведь Михаил туда совсем по другому поводу ходил, барахло это так, по пути к рукам прилипло.

Толя растерянно смотрит на нас, явно не зная, как к сказанному относиться и что

ответить.

— Сам же говорил, — развивает тему Костя, — что просто так с колоннами тебе кататься скучно, что чему-то серьезному научиться хочешь, что о настоящем деле мечтаешь. Так вот оно, настоящее дело, и напарник у тебя будет — серьезней некуда.

— Да я в общем, согласен... Только ведь не умею ничего... И...

— Отставить, — резко обрываю его лепет я. — Слышал такую поговорку: «Не умеешь — научим, не хочешь — иди к черту, другого найдем»? Я тебя прямо сейчас в бой строевым шагом, под развернутыми знаменами и с песней гнать не собираюсь. Само собой учить сначала буду. Но учить жестко. Так что решай. Либо да, либо нет.

— Согласен.

— Вот и хорошо. Тогда слушай первую боевую задачу — смени форму одежды.

— А что с этой не так? — Толя оглядывает свои камуфляжные штаны и короткую кожанку. — У нас в Ростове все правильные пацаны так одеваются.

— Да ты чо? — я начинаю пародировать «базары» крутых парней начала девяностых, даже пальцы «кидаю веером» для пущего сходства. — Пряма такие, в натуре, реально «правильные»? Тада скажи мне, пацанчик, чегой-та я этих «правильных пацанов» здесь не наблюдаю? А?

Вот такая мысль, похоже, Толика еще не посещала.

— Вот-вот, — продолжаю я, разглядывая его задумчивое лицо, — может, по ростовским меркам они кто-то, но вот на Терском Фронте — нет никто и звать никак. Так что, будь добр, приведи себя в соответствующий вид. Да, еще одно, оружие у тебя в каком состоянии? Учти, к этому я очень серьезно отношусь. Завтра смотр ему устроим. А главное, утром в семь ноль-ноль чтоб как штык был на крыльце, на пробежку побежим. Гляну, что у тебя с физической подготовкой. Так что, сегодняшний день тебе на подготовку за все про все, а с завтрашнего начну гонять, как шпрота, готовься. Свободен, топай, а то завтрак остынет.

Поднявшись к себе, приступаю к чистке трофейного оружия. Свой-то «сто третий» я еще вчера перед сном в порядок привел. Примерно через полтора часа, убрав в шкаф ветошь и масло, закидываю все, кроме пулемета, в подаренный Старосельцевым баул. Туда же грудой вываливаю пустые магазины, мне столько все равно не нужно. Под «пятерку» у меня их и так полно было, а под «семерку» отложил себе десяток самых хороших, больше все равно утащить на себе трудно, а те, что поплоче, — на продажу. Нечего хлам копить. А вот пулемет, несмотря на его немалую стоимость, я продавать не буду, в свете заключенного договора он может мне очень даже пригодиться. Вот только сменный ствол к нему взять надо будет, но это пока не горит, успею еще. И ранец под пулеметную ленту я у деда Тимохи такой видел, в него очень аккуратно лента на 500 выстрелов укладывается. Куда лучше, чем с коробками на 100 или 200 возиться. Да и носить удобнее.

Взвалив на плечо весьма увесистый баул с трофеями, запихнув «волчьи головы» в карман и взяв в каждую руку по гранатометной «улитке», отправляюсь, что называется, «с визитами».

Буквально на пороге меня перехватывает Кузьма.

— Миша, ты Умаровым машину на ремонт оставлял?

— Было дело.

— Короче, звонил старый Исмаил, сказал, сделают все за две недели, и работа тебе встанет в шесть рублей золотом. Но они за эти деньга поменяют все мятое, переберут движок и ходовую, передний мост там еще...

— Стоп, Кузьма, — останавливаю я его. — Полное перечисление мне ни к чему. Просто выскажи свое мнение, не обдирают?

— Думаю, нет, — отвечает, почесав в затылке, Кузьма. — Я так понял, машинешка подубитая, да еще и кувыркнутая... Да и мастерская у Исмаила Умарова не из дешевых, но зато делают на совесть. Так что плати смело, не обманут.

— Понял, спасибо.

Так, похоже, за ремонт «пепелаца» придется отдать все имеющееся у меня в наличии золото. Хотя, я ж еще «бошки» в комендатуру не сдал, да и за трофеи у Сергея Сергеевича что-нибудь получу. Нормально, с голоду не помру.

В «Ратнике» я опять застрял. Хоть и собирался все продать по-быстрому и двинуть дальше, да разве от Сергея Сергеевича быстро уйдешь. Сначала добычу мою оценивали, потом я ему все свои приключения живописал, потом впечатлениями о приобретенном у него «сто третьем» делился...

— Кстати, Сергей Сергеич, тут вопрос у меня возник. У вас в продаже ПБСов⁶⁵ не бывает? А то я вот о чем подумал, был бы у меня «глушитель», так я тех красавцев в Беное завалил бы безо всякого риска быть услышанным, да еще и двумя хорошими автомобилями разжился бы.

— Эк вы, Михаил, хватили! — Он поправляет сползшие на кончик носа очки. — ПБС вам подавай. А зачем вам, дорогой мой, ПБС без Усов⁶⁶ и запасных обтюраторов? Если только кинуть им в кого, все ж таки 640 грамм весит железака.

— Сергей Сергеич, неужто вообще не достать? — скорчив жалобную физиономию, канючу я, глядя на ехидно улыбающегося торговца оружием.

— Сожалею, Миша, но болгары выпуск патронов УС давно прекратили. Они никому не нужны. Спецподразделения предпочитают вот это, — он указывает пальцем на стоящие у него за спиной на стеллаже «Вал» и «Винторез». — А к ним боеприпасы совсем другие идут, сами знаете. А то, что у нас оставалось, так сказать, из старых запасов, давно уже порасстреляли.

— Обидно, — вздыхаю я, — эти девятимиллиметровые «игрушки» уж больно нежные и капризные, да и стоят — мама не горюй. А с ПБСом как бы жизнь облегчилась...

— Очень сожалею, Миша, честное слово, — Сергей Сергеевич, похоже, и впрямь расстроен, еще бы, клиенту что-то нужно, а он, считающий себя в своем деле одним из лучших, ничем не может помочь. Неслабый такой удар по самолюбию. — Давайте так сделаем, у меня все же связи обширные. Если где-нибудь что-то всплывет, я для вас закажу. Но предупреждаю, стоит будет недешево. Как говорится, «эксклюзив»...

— Идет, — тут же соглашаюсь я, — пусть дорого, все равно не дороже денег.

На том и расстались. Из оружейной лавки я вышел, полегчав на добрых пятьдесят пять кило и «потяжелев» на восемь золотых и тридцать серебряных рублей. За одни только магазины, которые я оптом по два пятьдесят сдал, два рубля золотом выручил. И еще по два за каждую «улитку». Да три автомата, да пистолет-пулемет, ну и «Макаровы» с «Токаревым». Сергей Сергеич даже на прощание пошутил, что если дела и дальше так пойдут, придется меня официально зачислять в ряды поставщиков, наравне с болгарами из «Арсенала».

По уже становящемуся привычным маршруту из «Ратника» направляюсь в Комендатуру. На площади меня чуть не сбила с ног ватага пацанят, что называется, младшего школьного возраста. Эта чумазая банда, поднимая клубы пыли и топоча босыми пятками, будто мамонты, пронеслась мимо, паля друг в друга из кое-как выпиленных из досок автоматов, а то и просто палок Ор, гвалт, вопли, выяснения, кто кого первым убил... Думал — растопчут, не заметив! Обошлось.

— Ты как, живой? — довольно ехидно интересуется у меня старый знакомый — тот самый пожилой осетин, которому я при первом посещении Комендатуры оставлял свои вещи, вышедший из своей душной каморки подышать свежим воздухом.

— Пока не уверен, — отвечаю я, изобразив на лице испуг и замешательство. — Блин,

⁶⁵ ПБС — прибор бесшумной стрельбы, он же «глушитель».

⁶⁶ УС — патрон с уменьшенной скоростью, дозвуковой патрон для стрельбы из оружия с «глушителем».

их бы энергию, да в мирных целях!

— Да, уж. Вот такая у нас молодежь растет... Обормоты!

— Нормальная молодежь, — не соглашаюсь я. — Уж лучше пусть по улицам носятся, чем... — и тут я резко обрываюсь на полуслове, внезапно осознав, что слова «...чем перед телевизором сидят» для завершения фразы в данном случае точно не подходят. Ой, блин, как же выкрутиться?

— Ну, ты меня понимаешь... — нейтрально заканчиваю я, махнув рукой и скорчив скорбную физиономию.

— Это да, — согласно кивает осетин.

Уж не знаю, что, по его мнению, я имел в виду, но он со мною явно согласен. Ну, и ладненько! Еще раз кивнув ему, прохожу во двор и захожу в Комендатуру. В финчасти «обналичиваю» принесенные «бошки» и поднимаюсь на второй этаж к Костылеву.

— Ну, здравствуй, одинокий волк Маккуэйд!⁶⁷ — приветствует меня Комендант Червленной. — В общих чертах я уже в курсе, из Аргуна сообщили. Теперь давай в подробностях, — и он расстилает на столе штабную карту-«двухкилометровку» с топографической привязкой.

Следующие полчаса я говорю, склоняясь над картой и водя по ней пальцем. Комендант внимательно слушает, периодически задавая вопросы или уточняя маршрут моей «прогулки», состояние дороги и мостов, степень сохранности домов в населенных пунктах. Похоже, в тех краях не только патрули, но и разведчики не часто бывают. Так я ему и говорю. В ответ Костылев только руками разводит.

— В Ца-Ведено, Миша, серьезный опорный пункт Непримириемых стоит. Я вообще удивляюсь, как ты оттуда живой выбрался.

— Просто я оказался лучше, чем они, — улыбаюсь я. — Ну и парни Умарова на КПП выручили здорово.

— Слушай, вы там в своем Сергиевом Посаде все такие боевые были? Не успел из «больнички» выползти и тут же давай нохчам глотки рвать.

— Не, я самый дохлый и трусливый был, — отшучиваюсь я.

— Даже так? Ну, тогда, «дохлый и трусливый», думаю, тебе будет приятно узнать, что, по данным радиоперехвата, в Беное на mine-ловушке подорвался помощник амира⁶⁸ Ведено Арби Джамалханов с двумя телохранителями.

— Угу, теща «пяточком» подавилась — мелочь, а приятно! — хмыкаю я.

— Мелочь, не мелочь, а гнида была редкостная. Крови нам попил немало. Так что от лица командования ОГВ объявляю тебе устную благодарность.

— Спасибо, но лучше деньгами.

— Ну, ты наглец! — хохочет Костылев. — Вообще-то, правила простые — предъявил «волчью голову», получил деньги. Без «головы», извини, никак. Мало ли что там боевики по радио орут, может, «деза»...

— Кстати, Игорь, давно хотел спросить. Ну ладно, наши: устав, форма одежды там, то-се, но «бородатые»-то на кой черт эти шевроны таскают?

— Миш, а почему они в твое время так любили на черных, наглухо тонированных «Приорах» без номеров ездить? Потому что можно было не всем, а только тем, кому положено. А поэтому — престижно. Так и здесь. Ходит джигит с такой нашивкой и гордится, я, мол, не какой-то там чабан, бараньим дерьмом провонявший, я отважный воин Непримириемых Тейпов.

⁶⁷ Одинокий волк Маккуэйд — персонаж одноименного старого голливудского боевика с Чаком Норрисом в главной роли, ну очень крутой Техасский Рейнджер.

⁶⁸ Амир — главарь бандформирования, контролирующего какую-то территорию. Совмещает функции военной и светской власти. Власть духовную представляет имам, духовный лидер.

— Ясно, как в старом анекдоте: если у чеченца отобрать все его понты, останутся только кепка и ботинки.

— Во-во, — согласно кивает Костылев, — понты и есть.

— А кроме «бошек», какие-нибудь доказательства принимаются?

— Какие, например? — В серых глазах Коменданта загорается искорка интереса.

— Фото или видеозапись, — отвечаю. — А то ведь не всегда есть время или возможность кусок рукава отрезать. На камеру снять проще.

— Слушай, даже не знаю. — Игорь явно озадачен. — Игрушек, вроде твоей «цифры», у нас и не осталось почти. Привозят кое-какую электронику караванами из Ташкента, периодически. Они там на своих «Дэу»⁶⁹ по-прежнему собирают кое-что. Но очень мало и очень дорого. Давай так, я с Ханкалой свяжусь, вопрос уточню, а ответ через Кузьму или Убивца передам, чтоб тебе сто раз ко мне не бегать.

— Договорились. Что-то я у тебя еще узнать хотел. — Я на несколько секунд замолкаю, вспоминая. — А вот, не хочу у наемников спрашивать, чтоб идиотом в их глазах не выглядеть. Что там за заморочки с радиостанциями и позывными?

— Слушай, а ведь и верно, забыли мы тебе об этом рассказать, — разводит руками Игорь, — извини. Значит, смотри. Портативные станции теперь — штука довольно редкая. Они ведь и не шибко долговечные и хрупкие к тому же. Те же узбеки их производят, но пока они караваном до нас доезжают, стоять начинают, как будто из золота сделаны. И большую их часть скупает правительство для армии и Службы Безопасности. В свободную продажу совсем единицы поступают и стоят при этом уже совсем несусветных денег. У Вольных Стрелков, пока ты не добыл в бою или не купил себе радиостанцию, считаешься «молодым». Ну, вроде как стажером. Денег тебе меньше платят, на самые выгодные контракты не берут и всякое такое. Если станцию добыл, получаешь от более опытных и бывалых наемников позывной. Все, после этого ты полноправный член команды. Со всеми вытекающими. В отдельных случаях, за героизм в бою, например, или какие другие серьезные заслуги, станцией тебя могут наградить, как орденом. И позывной разрешают самому придумать.

— Вот оно, значит, как. Понял, спасибо. Так, я чего еще спросить хотел...

Договорить мне не дали. За спиной негромко хлопнула дверь кабинета, и мелодичный девичий голос прямо-таки пропел:

— Пап, я к тебе по делу...

Оборачиваюсь, и... Сердце громко бухает на прощание, останавливается и проваливается куда-то глубоко-глубоко. Во рту становится сухо, а колени слабнут, будто от резкого прилива адреналина, хорошо, на стуле сижу, а то мог бы и под ноги ей свалиться. Штабелем, как и положено всем безнадежно влюбленным. Пытаюсь взять себя в руки: ну, что ты, в самом деле, как пацан, зашла девчонка, ну — симпатичная девчонка... очень... Безуспешно, врать самому себе бессмысленно, на пороге не просто красивая девушка, там Мечта с большой буквы «М». Даже с двух больших «М», потому что это — Моя Мечта.

Девушка понимает, что она не совсем вовремя и, кажется, помешала разговору.

— Ой, я, наверное, попозже зайду.

— Нет, нормально все, — отвечает ей Костылев. — Проходи, знакомься. Это — Михаил Тюкалов — самый страшный человек на всем Терском Фронте. Миша — это моя дочь, Анастасия.

Собрав всю волю в кулак, нахожу в себе силы как ни в чем не бывало подняться со стула ей навстречу и легонько пожать протянутую руку.

— Настя, рада знакомству.

— Михаил, взаимно.

— И что, — она хитро смотрит на меня своими яркими, как кавказское небо, голубыми

⁶⁹ Южнокорейская компания «Дэу» до своего банкротства в 1999 году успела построить в Узбекистане под Ташкентом целый комплекс предприятий, по-прежнему производящих множество товаров от электроутюгов до автомобилей.

глазами, — действительно такой страшный? Не похож совсем!

— Это я просто талантливо маскируюсь, а так — да. Страшнее меня — только мыши в темном погребе.

— Теперь верю, — смеется она. — Мышей я, правда, боюсь.

— Михаил, — прерывает нашу беседу Игорь, — ты спросить-то чего хотел?

Хм, правда, а чего я хотел-то? А черт его знает, все мысли из головы, словно взрывом, вымело.

— Не помню, — честно отвечаю я ему. — Ладно, Василич, пойду я, пожалуй, не буду вам мешать. Да и дел у меня полно. Важных.

В сторону «Псарни» иду, будто пыльным мешком нахлобученный. В голове кавардак, мысли пляшут пьяными чертями. А перед глазами — она. И самое забавное, попросит кто-нибудь ее внешность описать — не смогу. Нет, смогу, конечно: молодая, лет двадцати двух, не старше, высокая, где-то метр семьдесят пять, стройная, загорелая. Густые светло-русые волосы чуть ниже плеч, тонкие черты лица, очаровательный, чуть вздернутый носик, нежный румянец на щеках и невероятно яркие голубые глаза. Если б я такие глаза увидел раньше, решил бы, что дело в особых контактных линзах. Но какие линзы тут, на Терском Фронте? Вот, вроде готово описание. Прониклись? И я о том же. Настоящую красоту не описать словами. Это все равно, что пытаться описать Солнце. Видел? Видел! А что сказать о нем можешь? Ослепляет... То-то... Одним словом, пропал ты, Миша, как есть пропал!

Каким-то чудом умудряюсь вспомнить, что собирался зайти на рынок Там, немного поплутав по рядам, нахожу то, что искал — широкую матерчатую изоленту черного цвета, которую продавец назвал «тактической» и, понимающе кивнув на мою бандану, спросил:

— Магазины сматывать?

— Догадливый. Дай две, про запас. А спички есть у тебя?

— Есть, и в пачках по десять коробков, и поштучно.

— Тогда две пачки.

Расплатившись, направляюсь назад в гостиницу, исправлять обнаруженные во время «прогулки» в Веней недостатки. Проще говоря — магазины сматывать. Дело не хитрое и не долгое, но вот поленился сделать сразу и мог за это жестоко поплатиться, окажись боевиков больше, чем четверо. А еще надо купить хороший бинокль. Без оптики на враждебной территории тяжело, уже имел возможность убедиться. Но к Старосельцеву я пойду завтра, думается мне, помимо бинокля, там еще много чего покупать придется.

Проснулся я несколько раньше, чем планировал. Сон мой прервали надрывные вопли ишака на улице. О господи, да что ж ты так орешь-то, животное? С тебя что, шкуру с живого тупым и ржавым ножиком снимают? С силой провожу ладонями по лицу, прогоняя сонную одурь. Взгляд падает на циферблат лежащих на прикроватной тумбочке «Командирских». Ой, мама, еще и шести нету! Да когда ж ты заткнешься, длинноухий!!! Выглядываю в выходящее во внутренний дворик гостиницы окно и сквозь переплетение уже сильно пожухших виноградных листьев получаю, наконец, возможность разглядеть разыгравшуюся там «драму». Какой-то пожилой чеченец привез на запряженном в небольшую тележку ослике овощи для кухни. А пока он и Зинаида сгружали на землю и заносили в кухню многочисленные ящики и мешки, серый поганец решил, похоже, пожить чем-то из привезенного, скорее всего, морковью из стоящего рядом с ним ящика, но был пойман с поличным. И теперь зеленщик проводит во дворе «воспитательную работу» со своим четвероногим «сотрудником», наглядно объясняя ему при помощи крепкой палки, которую использует, похоже, вместо трости, что воровать не хорошо.

— Эй, дада,⁷⁰ тебе пистолет одолжить? — насмешливо спрашиваю я в открытую форточку. — А то ты своей деревяшкой его до завтрашнего вечера убивать будешь!

⁷⁰ Дедушка (чечен).

— Что тебе надо? — раздраженным голосом бросает он через плечо.

— Мне? Мне ничего, не надо, уважаемый. Просто шесть утра на дворе. Люди спят еще. Хуна кхетий?⁷¹ Убери осла, баркалла.⁷²

— Со кхийти, дик ду,⁷³ — отвечает тот уже более спокойным голосом и, перестав размахивать своей палкой, берет ишака под уздцы и начинает выводить из двора.

Несмотря на то что наступила тишина, поспать мне точно не удастся. На часах уже начало седьмого. Смысл лечь, если через полчаса снова вставать. Протяжно зевнув и матюкнувшись вполголоса, отправляюсь под душ.

Без пяти семь утра выхожу на улицу. Толя уже тут, молодец, с исполнительностью все в порядке. Одет в почти такой же маскхалат, что и у меня, только пятна на его «березке» желтые, а не белые. На ногах укороченные сапоги, кроссовки тут взять негде, а в чувяках бегать — без ног останешься. Там же подошвы нет, каждый камешек на дороге ногой «прочувствуешь». А прочая обувь, что я тут видел, для бега подходит еще меньше.

— Ну что, курсант, «пятерочки» для начала хватит или сразу с «червонца» начнем?

Судя по промелькнувшей на мгновение в глазах панике, Анатолию и пять-то километров бежать не хочется. Ничего, втянется. Или сбежит...

От «Псарни» до КПП мимо Комендатуры и назад как раз примерно пять километров и будет. Туда и бежим. Стартует Толя неплохо, только топает сильно, но, даже не добежав до КПП, начинает пыхтеть, будто паровоз, и часто сплевывать тягучую слюну. На обратном пути, посреди площади перед Комендатурой, он останавливается и замирает, согнувшись, упершись ладонями в колени и пытаясь перевести запаленное дыхание.

— Эй, курсант, кому стоим? Мы еще не добежали.

— Все, не могу больше, — через силу выдыхает он. — Сдохну прямо сейчас.

— Нет такого слова «не могу», курсант, есть слово «надо», — спокойно говорю я. — А если б мы не просто так бежали? А если б там твои друзья бой вели, а ты им патроны тащил? Тоже сказал бы: простите, парни, больше не могу, а потомудохните, а я на травке поваляюсь? Так?

— Нет, — хрипло выдыхает Толя.

— Тогда вперед! Тут осталось-то!

Знавал я некогда нескольких «великих тренеров», которые в такой ситуации не преминули бы сообщить Толе, какой он слабак, слизень и аборт. Они были твердо уверены, что если наговорить человеку гадостей, то он обязательно соберется с духом и силами, и... Пошлет тебя к чертовой матери, развернется и уйдет, добавлю уже от себя я. Это во время службы в армии, когда человеку деться некуда, он вынужден выполнять приказ, в какой бы форме его ни отдали. А вот в любых других обстоятельствах «аборт» в лучшем случае обложит «тренера» по матушке, развернется и уйдет. А в худшем — еще и в морду даст. И будет прав. Потому что нельзя людей унижать. Можно боль причинить на тренировке, иногда даже травму нанести, всякое бывает. А вот унижать — нельзя.

Буквально в десяти метрах от ворот, ведущих во внутренний дворик «Псарни», Толя буквально обнимается со старым фонарным столбом и выплескивает на него остатки вчерашнего ужина. По лицу видно — парню очень стыдно.

— Ерунда, — хлопаю я его по плечу, — это ты просто давно не бегал. Бывает. Главное, не забудь ведро с водой принести, все это безобразие смыть, а то Кузьма с нас обоих шкуры спустит. Хорошо?

Сил ответить у Толи нет, он только слабо улыбается и кивает.

⁷¹ Понимаешь? (чечен.).

⁷² Пожалуйста (чечен.).

⁷³ Я понял, хорошо (чечен.).

— Ну, раз хорошо, до завтрака у тебя — личное время, а вот после приема пищи будем инспекцию твоего имущества проводить.

Помывшись и выстирав прямо в ванночке душа маскхалат и портянки: я и сам не бегал уже давненько и потому пропотел навывлет, спускаюсь на завтрак. Расправившись с беззащитной яичницей, поднимаюсь к себе, а буквально через пару минут в дверь стучат.

— Заходи, Толь, открыто!

Толик бочком протискивается в дверь, в руках у него ворох «снаряги».

— Давай, располагайся как удобно и хвастайся, — широким жестом приглашаю я его в комнату. — Оружие — на стол, все остальное можно прямо на кровать.

Внимательно осматриваю все, что Толик раскладывает на указанных мною местах. Маскхалат я у него уже видел, сейчас он, скорее всего, так же как и мой, сохнет на веревке на заднем дворе гостиницы. «Братковской» кожанки не видать, похоже, внял совету и убрал в шкаф. Так, летний комплект армейской «Флоры» на нем, а зимний — ватные штаны и бушлат разложены на кровати. Рядом — явно не новый разгрузочный жилет, до боли напоминающий сплавовский «Тарзан», только клапаны подсумков не на «липучках», а на «кнопках». Такой же, как у меня РД-54, только не хаки, а камуфлированный, но уже изрядно выгоревший на солнце. Поясная оперативная кобура для пистолета и подсумок аж на пять магазинов к нему. На этом — все. М-да, не богато у напарника со снаряжением. Зато с оружием все в порядке. Не новый, но ухоженный «ПМ» и лоснящийся от смазки «АКМС» и восемь рыжих пластиковых магазинов, попарно смотанных «валетом» такой же, как и купленной мною на рынке «тактической» изолянтной. А на прикладе автомата — резиновый «затыльник» от подствольного гранатомета, как и у боевика из Наура. Да что они, с ума, что ли, посходили по этим резинкам на ремешке? Из-за него же приклад не сложить и не разложить, если магазин примкнут. А, ладно, его дело, в бою ему приклад складывать точно не придется. Провожу неполную разборку сначала пистолета, потом автомата. Нет, если очень захотеть, то докопаться, конечно, докопаюсь. Есть у «Калашникова» такие труднодоступные места, куда влезть можно, только если иглой или зубочисткой, вот оттуда всегда грязи ковырнуть можно. Но нужно ли? Все «жизненно важные» узлы и механизмы вычищены на совесть. Видно, оружие свое парень любит и заботится о нем.

— Когда магазины переснаряжал последний раз?

— В каком смысле? — явно не понял меня Толя.

— Ясно, — вздыхаю я, — значит, запомни, минимум один раз, а лучше — дважды в месяц, магазины нужно разряжать, дать полежать примерно сутки и только потом снаряжать по новой. Иначе — слабнет пружина. Чем это чревато, пояснить надо?

— Не надо, не дурак — представляю.

— Молодец. Теперь, гляди сюда, — я вынимаю из подсумка свою «спарку» магазинов и кладу ее на стол рядом с его магазинами. — Разницу видишь?

— Вижу, — отвечает Толя, — у тебя горловины в одну сторону, сами магазины один выше другого и что-то между ними вложено.

— Снова молодец, — киваю я. — Два коробка спичек там вложены. А зачем, понял?

— Нет, если честно.

— Смотри, когда магазины смотаны «валетом», как у тебя, то когда один к автомату присоединен, то второй горловиной вниз смотрит. А если ты при стрельбе им в землю ткнешься? Что, думаешь, всегда время почистить будет? Это, во-первых. Можно за что-нибудь неудачно цепанувшись, патрон «потерять». Это, во-вторых. А в-третьих, при таком положении, как у меня, смена магазинов быстрее происходит, переворачивать не надо. А в бою это важно. И еще, когда сматывать будешь, горловины должны быть или на одном уровне, или у левого она должна быть выше, но не наоборот. Почему?

— Если наоборот, то выступающая вверх горловина правого магазина в предохранитель упрется и опустить его не даст, — покрутив мою «спарку» в руках и даже приложив ее к автомату, отвечает Толя.

— Соображаешь.

— А спички-то зачем?

— Ну, в случае с «семьдесят четвертыми» «АК» и «АКС» или «АКМ-АКМС» достаточно и тонкой фанерки, лишь бы зазор между магазинами был, чтоб оба присоединить можно было. А вот если у тебя «АК-103» или «АК-74М», то зазор должен быть больше, потому что на них «ласточкин хвост»⁷⁴ под оптику установлен. Вопросы?

— Да нету вроде.

— Ну, тогда переделай, как у меня. Приноровишься чуток, поймешь, что так намного удобнее. Изолента вон, на подоконнике лежит, а вот спички или фанеру уже сам ищи, у меня кончились.

Толик согласно кивает, продолжая крутить в руках мои магазины, видимо, запоминая, как и что.

— Ладно, переходим к экипировке. «Горка» есть?

— Нету, — беспомощно разводит мой напарник руками.

— Хреново. «Флора» в горах накроется враз, слишком ткань тонкая. И капюшона нет, и водоотталкивающие свойства никакие. Что ж ты так?

— Ну, как тебе сказать... — начинает мямлить он.

— Как есть, так и скажи, у напарников секретов быть не должно.

— С деньгами у меня напряг, — понурился буйну голову, сознается он. — За «проводку» деньги получил, номер вперед оплатил, долги раздал, и все. Теперь «на мели» сижу...

— Ясно, — я встаю со стула. — Ну, тогда собирайся, пошли.

— Куда?

— К Старосельцеву. Тебе надо «горку» и «РПС» взять вместо вот этого безобразия, — я двумя пальцами приподнимаю с кровати Толин «разгрузник».

— А он-то чем плох?

— Для нас с тобой — всем, — отрезал я. — Он годится только для поездок в колонне или для дежурства на КПП. Когда больше стоишь или на «пятой точке» сидишь, чем движешься. А вот для побегаяк в горах он не подходит категорически. Вся нагрузка — на плечи и спину. И грудь сдавлена. А значит — не можешь в полную силу дышать. Недостаток кислорода приводит к быстрому уставанию. А в РПС весь груз — на поясе, грудь свободна, а нагрузка идет на ноги...

— А ножные мышцы — самые сильные мышцы организма, — заканчивает за меня Толя. Похоже, не зря он «железо» тягал, кое-какая теоретическая база в голове есть.

— Все верно. И есть еще один момент. Когда ты в жилете стреляешь лежа, то между тобой и поверхностью земли — магазины в кармашках, и это делает твой силуэт примерно на десять сантиметров выше. И врагу в тебя попасть легче. А подсумки РПС висят у тебя на бедрах, и когда ты лежишь, просто лежат по бокам от тебя. Так, и вообще, а ну хватит со старшими пререкаться! Подъем и за мной шагом марш!

— Так я ж говорю, денег у меня нет.

— У меня есть. Разбогатеешь — отдашь. Баул вон, из шкафа, прихвати, не в руках же мы оттуда покупки понесем.

— Ничего не говори, ты снова на минутку, по делу, и посидеть не останешься, по лицу вижу, — говорит мне Старосельцев, едва мы переступаем порог его лавки.

— Каюсь, Владимирыч, но, честное слово — никак! То одно, то другое... Кручусь, как белка в колесе.

— Судя по тем страшным сказкам, что про тебя по станице бродят — больше похоже на слона в посудной лавке. Или на волка в кошаре. Ладно, — сменяет дед Тимоха гнев на милость, — чего хотел?

— Стоп-стоп, Владимирыч, с этого места, пожалуйста, поподробнее. И что за «сказки»?

⁷⁴ «Ласточкин хвост» — боковое крепление на оружии под оптические прицелы российского стандарта.

— Ну, — морщит лоб дед Тимоха, — говорят, один безбашенный наемник добрался чуть не до Итум-Кале и грохнул тамошнего амира и два десятка его телохранителей. И два БТРа сжег.

— Охренеть, дайте две! — изумленно выдыхаю я.

Толик же, прислонившись спиной к дверному косяку, начинает в голос ржать, будто породистый жеребец.

— Ага, — с всхлипом выдавливаю из себя он, — и авианосец утопил!

— Что, — осведомляется понимающим тоном Старосельцев, — сильно переврали?

— Да как в том анекдоте: «Не Рабинович, а Кац, не в казино, а в домино, не миллион, а сто рублей и не выиграл, а проиграл», — отвечаю я и присоединяюсь к гогочущему напарнику.

— А на самом деле что было? — интересуется любопытный старик.

— На самом деле, — отсмеявшись говорю я, — добрался только чуть дальше Серженя и грохнул четырех случайно под руку подвернувшихся боевиков. Еще двоих привалил, когда в Аргун улепетывал. А помощник амира — в Ведено, и с ним еще двое вроде как подорвались на mine-ловушке, которую я оставил. Но это может быть и «дезой», хотя рвануло там знатно, три «эфки» как-никак..

— Да уж, «сарафанное радио» — штука страшная! — понимающе кивает Старосельцев. — Так что за дело у вас?

— Да вот, — киваю я на разглядывающего витрину с ножами Толика, — надо РПС и «горку» подобрать на этого мальчика.

— Ничего себе мальчик!

— Ну, — вспоминаю я бессмертную классику, — тот, кто скажет, что это девочка, пусть первый бросит в меня камень.

Дед Тимоха бросает на меня короткий изумленный взгляд, но вид набывчившегося после моих слов Толи настолько уморителен, что не расхохотаться просто невозможно.

— Да ну тебя! — вытирает выступившие слезы Тимофей Владимирович. — Значит, говоришь РПС и «горка»?

— Угу, — согласно мычим мы с Толей в два голоса.

— Подсумки на РПС какие?

— Два четырехместных под автоматные магазины, «мародерку», два под гранаты и маленький кармашек для ИПП на грудь. И «горку» покрепче.

— Миша, не обижай отставного военного, я прекрасно знаю, для чего нужны «горки» и какими они должны быть. Плохого товара в моем магазине нет!

— Нихт шиссен, герр майор! Их капитулирен! — я с улыбкой вскидываю руки вверх. — Виноват, дурак, исправлюсь!

— То-то, — с наигранной суровостью отвечает торговец, — а то взяли моду старшим гадости говорить. Какая больше нравится?

Я вопросительно смотрю на Толю. Ему носить, вот пусть и выбирает. Тот некоторое время перебирает висящие на «плечиках» брезентовые костюмы, а потом снимает один с крючка.

— Вот эту, пожалуй.

Приглядываюсь повнимательнее. Нормально. Куртка на пуговицах, а не «анорак», мне тоже куртки больше нравятся. Штаны на подтяжках. Манжеты на рукавах и штанинах. Единственное отличие от моей — дополнительные тканевые накладки не цвета хаки, как у большинства «горок», а камуфлированные. Расцветка — та самая псевдогрузинская «цифра», о которой я уже рассказывал. Пойдет, не слишком ярко, а чуть-чуть на солнышке выгорит и от стирок поблекнет и вообще отлично будет. Анатолий вопросительно смотрит на меня, он-то выбрал, но деньги я плачу. Дураку ясно, за кем последнее слово.

— Отлично, — выношу свой вердикт я, подняв вверх большой палец.

Дед Тимоха кивает и удаляется в подсобку, а через несколько минут возвращается, неся в руках все заказанное.

— Толя, хватай «горку» и дуй в примерочную. А я тебе пока РПС соберу.

Сноровисто навешиваю подсумки на широкий поясной ремень системы, а когда возвращается Толик, подгоняю ее на нем по росту.

— Что-то еще? — интересуется Старосельцев.

— Обязательно. Tактическую кобуру на бедро для «ПМ» и бинокль.

— А кобура-то мне зачем? — пытается протестовать мой напарник.

— Слышь, курсант, а как ты свою поясную, — я киваю на лежащий на прилавке Толин «ПМ» в кобуре, который он положил туда перед примеркой, — собираешься под РПС носить? И как пистолет из нее будешь выковыривать? Так что не вмешивайся, когда старшие разговаривают.

Толя что-то бурчит себе под нос и снова отходит к ножам.

— С кобурой проблем нет, их у меня несколько, на выбор. А вот с биноклями сложнее. Хотя есть у меня одна штуковина, тебе понравится, — Тимофей Владимирович лезет куда-то под прилавок и достает оттуда довольно большой, обрезиненный армейский бинокль зеленого цвета. По виду — явно американский или какой другой натовский.

— Вот, держи, от сердца, можно сказать, отрываю. Двенадцатикратный армейский бинокль Винчестер Ви Дабл Ю. Сделано в покойных ныне США, чтоб им в аду ни дна ни покрышки. Просветленная оптика, антибликовое покрытие. Корпус герметичный, внутри азот, поэтому конденсата на линзах не дождешься. Не боится ни дождя, ни тумана, и даже если случайно в речку уронишь, ничего с ним не будет, главное — вынуть быстро. Корпус из обрезиненного алюминия, поэтому весит меньше килограмма. Поверхность шершавая, в руке не скользит. Не новый, но в отличном состоянии, даже пообтереться не успел. Ну, как?

— Обалдеть! — восхищаюсь я. — И откель дровишки?

— Один знакомец с Украины привез. Он в Крыму с турками хлестался, вот и притащил оттуда на память. А потом мне продал. Очень хорошая штука.

— Вещь! — соглашаюсь я, крутя бинокль в руках. — И сколько просишь?

— Рубль золотом.

— Сколько?! — у меня от такой цены челюсть чуть на пол не падает. — Да за эти деньги два автомата купить можно!

— Вот и иди, покупай свои автоматы! А чего ты хотел, Мишаня?! — переходит в наступление дед Тимоха. — Оптика вообще товар редкий, дорогой. А тут еще такая. Нет, могу тебе еще наш «шесть на тридцать» предложить, одна тысяча девятьсот замшелого года выпуска. Точно не знаю, но явно еще при Союзе сделанный. Двадцать серебром. Пойдет?

После некоторых терзаний благоразумие все-таки побеждает «жабу», и я соглашаюсь на Винчестер. Старосельцев снова ныряет под прилавок, достает оттуда черный мягкий футляр из кордуры и протягивает мне.

— Футляр в комплекте, — гордо возвещает он.

— Ну, ты глянь, сервис, блин! — восхищенно цокаю языком я. — Итого, сколько с нас?

— Так, — Старосельцев на мгновение замирает, сосредотачиваясь. — «Горка» и РПС по пятнадцать рублей, кобура — пять да бинокль. Итого — рубль золотом и тридцать пять серебряных.

Закинув покупки в баул и расплатившись, прощаемся и пускаемся в обратный путь.

А вечером, по просьбе Четверти, я снова сижу в зале и играю на гитаре. Оказывается, накануне, когда я уже поужинал и поднялся к себе, в трактир снова заходили «гражданские» и интересовались, не будет ли и сегодня «гитарного концерта».

— Слушай, Кузьма, ты меня что, на «общественных началах» в таперы припахал? — шуточно возмущился я в ответ на его просьбу. — Вообще-то за это люди деньги получают обычно.

— Вот ты меркантильный, Миша! — так же «всерьез» возмущается тот в ответ. — А как же налаживание добрососедских отношений, опять же, про «делать имидж отряду» кто нам с Убивцем песни пел? Вот и делай! Заказчики решили так: для врагов мы — страшнее

некуда, для своих — белые и пушистые. Вот и будь любезен, обеспечивай.

— Я знал, что где-то вы меня кидаете! — сообщаю я ему. — Тащи свою гитару, эксплуататор!

Следующие несколько дней проходят без каких-либо особенных происшествий. Днем я издеваюсь над «курсантом» Анатолием, гоняя его, как Сидорову козу. С «силовым комплексом» ситуация у него куда лучше, чем с бегом, недаром он у себя в Ростове железки тягал. И отжимается, и подтягивается, и пресс качает хорошо. А вот с бегом — беда. И мускульная масса серьезная, и жирка поднакопил немало. Тяжело ему бегать. Но надо. Разведчика-диверсанта, как волка, кормят исключительно ноги. Они же и шкуру его спасают. А о каком спасении шкуры можно говорить, если человек «пятерку» налегке пробежать толком не может. Что будет, если я на него оружие и БК повешу, даже думать не хочется. Но он молодец, не сдастся. По крайней мере, на финише он больше не блюет и остановок посреди дистанции себе не позволяет. После обеда у нас — занятия по тактике. Пока — больше в теории. Объясняю ему принципы организации засад на различной местности и, наоборот, признаки, по которым можно заблаговременно обнаружить засаду, поставленную на тебя. Учю ставить и снимать «растяжки». Показываю различные способы изготовления к стрельбе и быстрой смены магазинов. В хозпостройках за трактором отрабатываем передвижения в здании при его «зачистке», прохождение углов, досмотр комнат. Одним словом, КМБ у Толи — в лучших традициях спецназа. После ужина он, бедолага, в свою комнату буквально уползает. Но терпит, не скулит и не жалуется. А значит, не ошибся я в выборе, толк из него будет.

А я вечерами продолжаю играть на гитаре. Даже удивительно, насколько сразу увеличилось количество посетителей «Псарни». Начались проблемы не то что со свободными столиками, но даже и со свободными местами. Кузьма даже заказал у знакомого столяра еще несколько столов и скамей. Неужели раньше тут никто не мог додуматься до такой простой мысли, как живая музыка? На третий вечер моих выступлений, уже ближе к завершению «концерта», на меня сваливается сюрприз в виде стайки молодых девчонок с Оксаной во главе. Они заказали у Кузьмы молодого вина и чинно уселись за один стол, совершенно не беспокоясь о том, что за соседним ужинает и выпивает компания парней в черных банданах. Увидев это, я внутренне усмехнулся. Похоже, наш план по созданию нового имиджа отряду Убивца начал приносить первые плоды. Еще месяц назад такие вот девочки, увидав вечером подвыпившего наемника, поспешили бы перейти на другую сторону улицы, а сейчас — сидят рядышком как ни в чем не бывало. Девчушки о чем-то перешептываются, изредка стреляя в мою сторону глазками, а я невозмутимо перебираю струны, наигрывая мелодию какой-то песни, слова и название которой я давно позабыл, а вот мотив в голове задержался. Оксана вдруг встает и преувеличенно уверенным шагом направляется в мою сторону. Ну-ну, похоже, девочка решила идти на приступ. Ладно, посмотрим, что она там придумала...

— Привет, — улыбается она, остановившись в паре шагов от моего стола.

— Здравствуй, красавица.

— А я вот решила сама в гости зайти, если ты до нас все никак не доберешься. Не против?

— С чего бы? Главное, чтоб батя твой не против был.

— Я, между прочим, уже взрослая, сама решаю — куда ходить! — обиженно дергает она загорелым плечиком, легко поняв мой несложный намек. — Но папа в курсе и не возражает.

— Вот и славно! — широко улыбаюсь я и извиняюще развожу руками, дескать, не сердись, не подумавши ляпнул.

— Слушай, а что ты такой невежливый? Предложил бы девушке присесть.

— Черт! И, правда, где мои манеры?! — хлопаю я себя ладонью по лбу и, положив гитару на стол, встаю и расшаркиваюсь, будто мушкетер времен Луи какого-то там, жалко

шляпы с пером нету. — Не изволите ли присесть сударыня? Почту за честь!

— Изволю, — кокетливо отвечает «сударыня» и опускается на отодвинутый мною стул. — Слушай, я, когда узнала, что ты тут вечерами на гитаре играешь, даже не поверила сначала. Ты ведь солдат.

— И что? Знаешь, Ксюша, одно другому совсем не мешает. Среди воинов романтиков куда больше, чем среди торговцев. Только они это скрывают...

— Серьезно? Вот уж не подумала бы. Скажи, скрытный романтик, а сможешь сыграть и спеть что-нибудь для меня?

— И о чем же тебе спеть, красавица?

— О любви, — тихо, с придыханием отвечает она и бросает на меня ТАКОЙ взгляд...

Ай да девочка! Браво! Слушайте, вот интересно, их всем этим штучкам, что, втихаря от нас, в школе учат, пока мы на уроках труда табуретки сколачиваем? Будь я чуть моложе и менее опытен, уже потек бы, как мороженое на жарком солнышке, позабыв, что совсем недавно считал ее ребенком. А может дело совсем не во мне? Может, это не я такой матерый и сообразительный, а просто она еще слишком молодая, коготочки толком не отточившая? Пока еще не кошка, а котенок. Но, похоже, пройдет два-три года, и бате твоему придется у Сергеича ЗУшку покупать, от кавалеров твоих отбиваться. Однако уж прости, малыш, но ты опоздала, в моем сердце уже живет прекрасная девушка. У нее русые волосы и голубые глаза. И зовут ее Настя.

— О любви, значит? Хорошо.

Группа «Оргия Праведников» и раньше-то была не очень известна, а сейчас и подавно... Но песни у ребят были великолепные. И я беру первые аккорды «Танца Казановы».

Слабый шорох вдоль стен,
Мягкий бархатный стук.
Ваша поступь легка —
Шаг с мыска на каблук
И подернуты страстью зрачки,
Словно пленкой мазутной...

Зал трактира вновь затихает. Здесь за последние дни уже привыкли к моему репертуару и спокойно ели, и тихонько разговаривали, когда я пел. Но эта песня была слишком необычной, непохожей на то, что я исполнял раньше. Завораживающие слова и музыка заставляли людей на время забыть обо всем.

Любопытство и робость,
Истома и страх,
Сладко кружится пропасть,
И стон на губах. Подойдите.
Вас манит витрина,
Где выставлен труп мой...

Звук струн затихает под потолком.

— Как красиво, — шепчет Оксана. — Красиво, но жутко. И не совсем про любовь, моему...

— Так и было задумано, красавица, так и было задумано. И ты ошибаешься, Оксана, про любовь. Про то, что любовь — очень разная. И что иногда лучше держаться от нее подальше.

— А еще что-нибудь?

— Извини, на сегодня, пожалуй, все. Мне завтра вставать рано. Да и вам, девочки, уже по домам пора, — я демонстративно гляжу на циферблат «Командирских». — Еще чуть-

чуть, и родители волноваться начнут.

— Миша, а можно я... мы еще придем?

— Да ради бога, ты ж уже взрослая, ходишь куда хочешь, — с легкой ехидцей улыбаюсь я. — А главное — батя в курсе и не возражает.

— Ну, тогда до свидания.

— Пока, красавица.

На следующий день, после пробежки и завтрака я решаю проверить Толика на уровень стрелковой подготовки. Снова договариваюсь с Карташовым, получаю разрешение попользоваться их стрельбищем и перед обедом гоню туда напарника. Как и положено в спецподразделениях — бегом. И «по полной боевой», не пощадив под это дело собственного бронежилета и шлема. До стрельбища Толя, уже относительно неплохо пробегающий «пятерку» налегке, добирается в таком виде — краше в гроб кладут. А чего вы хотели? Бронежилет, «Алтын», автомат, десять снаряженных магазинов... «На круг» — двадцать восемь кило выходит. Едва он подбегает к огненным рубежам, как я, не дав ему даже перевести дыхание, командую:

— На рубеж открытия огня — к бою!

На подгибающихся ногах Толик добежал до линии из кирпичей, «притопленных» в землю, и рухнул на траву, как подрубленный.

— Одиночными — огонь!

«АКМС» загрохотал частой дробью, в воздухе завоняло сгоревшим порохом, а латунные гильзы яркими искрами запрыгали по траве.

— Все! — доложилась Толя, отсоединяя пустой магазин.

— Курсант, «Все!» кричит маме дите с горшка. А ты — стрельбу закончил.

— Стрельбу закончил! — быстро поправляется тот.

— Ну, пошли, глянем, чего ты там настрелял.

Хм, а весьма неплохо! Учитывая состояние, в котором велась стрельба: дыхание как у загнанной лошади и трясущиеся руки, результат вполне впечатляющий. За пределы загодя повешенной мною грудной мишени ни одна пуля из тридцати не ушла. Разброс, конечно, был, да и кучность так себе, но большая часть отверстий — в пределах «семерки». Примерно десятков — «шестерки», но в голову.

— Молоток, Толян, очень неплохо! Двадцать минут на отдых — и домой. На сегодня больше занятий не будет. У тебя заслуженный выходной.

На обратном пути часовые у Комендатуры, первые дни смотревшие на нас, словно на опасных психов, приветливо машут руками. Успели привыкнуть. И в «Псарне» мужики, на наши с Толей «тренинги» посматрившие, уже пару раз с вопросами подходили. Есть у меня подозрение, что зимой, когда в горы, и впрямь, соваться будет слишком опасно, «курсантов» у меня может и прибавится. Ладно, поживем — увидим. Пока одного бы натаскать так, чтоб перед Непримируемыми стыдно не было. Кстати, о Непримируемых и горах... Еще несколько дней и надо будет снова к нохчам наведаться. Толик, конечно, еще мало на что серьезное годен, но заключенный с Убивцем договор надо выполнять. Начнем с чего попроще, а там — по нарастающей. Меня вон, в девяносто четвертом, вообще ничему научить не успели. Присяга, КМБ и — здравствуй, Грозный. И ничего, жив до сих пор. Но темп тренировок надо будет чуток сбавить, мне в горах напарник нужен будет, а не едва переставляющий ноги от усталости и боли в мышцах «калич». А значит — пробежка и физический комплекс с утра и тактика после обеда, с упором на слаженность при работе в «двойке». И над условными сигналами и жестами поработать поплотнее. Это сейчас самое важное, а остальное — позже, когда вернемся.

После ужина Толя, радуясь внезапному послаблению, остается на концерт. На его беду, в «Псарню» снова пришла Оксана с подругами. Он ее увидел и «залип». Так весь вечер и провели: я играл и пел, Оксана смотрела на меня влюбленными глазами, а Толя такими же глазами смотрел на нее. После того как Оксана испарилась, внаглую чмокнув меня в щеку на

прощание, напарник подсел ко мне.

— Миша, она кто?

— Она, курсант, твоя самая большая, мало того, последняя ошибка в жизни, если решишь какую-нибудь херню сотворить. Ты понял? — я смотрю на Толю очень серьезно. — Она мне как младшая сестра. Жаль, никак этого не поймет и в подруги метит. Так что предупреждаю, если, не дай боже, что, я тебе лично голову откручу.

— Да ты чего? — Толя возмущенно машет на меня руками. — Она же такая...

— Эт точно! — хмыкаю я на манер красноармейца Сухова.

Очередную вылазку решаю провести в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое октября. Днем захожу в Комендатуру к Костылеву. Во-первых, надо предупредить о предстоящем «визите» на сопредельные территории, во-вторых — карту поглядеть. Ни у Кости, ни у Кузьмы не оказалось карты Чечни, ни к чему она им была. А вот теперь понадобилась — а достать, кроме как у Коменданта, негде. К просьбе Игорь отнесся с пониманием и расстелил передо мною на столе штабную «двухкилометровку». А вот на вопрос, нельзя ли где такую прикупить, только усмехнулся.

— Нет, Миша, извини. Карты сейчас на вес золота. Особенно такие. Самим выдают раз в сто лет и только по большим праздникам. Посмотреть — приходи, а вот в личное пользование получить — не обижайся, но вряд ли...

— Жаль, — досадливо морщусь я. — Ладно, может, образуется как-то... Тогда вот что, Расскажи-ка мне, что вы знаете о приграничных опорных пунктах Непримириемых.

— Кое-что знаем, — отвечает Игорь и начинает водить по карте пальцем. — Смотри...

Краткий пересказ известного Коменданту «кое-чего» занимает минут двадцать. Ближе к его завершению общие наброски плана действий в моей голове уже сложились.

— Слушай, Миша, — притормаживает меня Костылев, когда я уже собираюсь попрощаться, — просьба к тебе будет. Уж если ты все равно в те края собираешься, может, окажешь ОГВ маленькую услугу?

— Это зависит от того, насколько маленькую, — пытаюсь отшутиться я.

— Если коротко, нам нужны доказательства того, что турки оказывают Непримирым военную помощь.

— Ничего себе, ты загнул, — аж присвистнул я. — И как ты себе это представляешь? Типа, прихожу я, весь в белом, в Главный Вражеский Штаб и начинаю в поисках доказательств по сейфам копать?

— Нет, — Игорь явно настроен серьезно и шутку не принимает, — вполне достаточно будет фотографии того же «сто десятого» или...

— Извини, фотографии чего?

— «Ленд-Ровера», который ты в Беное угробил.

— А при чем здесь «сто десятый»?

— Эх, Миша-Миша! Ты разницу между хамви и «Хаммером» знаешь?

— Разумеется. Хамви — армейский джип, «Хаммер» — его гражданская вариация.

— Ну, так тут то же самое. «Дефендер» твой — гражданская версия армейского «Ленд-Ровера 110».

— О как! Век живи, век учись...

— Ладно, отвлеклись. Ты ведь в «зачистках» участие принимал?

— И не раз.

— Ну, вот и руководствуйся своим опытом. Постарайся хотя бы зафиксировать на фото все, чего, по идее, у боевиков быть не может: электронику, иностранное оружие и снаряжение и все прочее в этом духе. А еще лучше, если сможешь образцы принести, но это уже по возможности. Договорились?

— Пока нет, — решаю немного снахальничать я. — Каждый труд должен оплачиваться.

— Ох, и жаден же ты, Миша!

— Да при чем тут жадность, Игорь? Я же не денег с тебя требую, а помощи.
— Тыфу ты, а я уж было начал о тебе нехорошо думать, — облегченно улыбается Комендант. — И чего нужно?
— Прямо сейчас — ничего. Но в скором будущем может понадобится то, чего нет в свободной продаже.
— Это что же?
— Мины, взрывчатка и КДшки.⁷⁵
— Да, похоже, ты решил всерьез повоевать? — изумленно качает головой Игорь.
— А чего такого? Им можно было, а мне нельзя?
— Ладно, попробуем порешать этот вопрос. Но только если результат у тебя будет.
— Договорились!

Вернувшись в «Псарню», первым делом нахожу Убивца.
— Костя, я сегодня «в гости» собираюсь. Ночью. С Комендатурой уже все оговорили. Но нужен транспорт до Аргуна.

— Сделаем. Шуруп вас на «буханке» подбросит. Куда на этот раз?
— Ну, точно не в сторону Ведено. Там сейчас, небось, приступ параноидальной бдительности. Ладно, предупреди Сашку, выезжаем после девяти вечера, как стемнеет.

Потом направился к напарнику. Еще раз проверил на всякий случай его снаряжение и оружие и велел ложиться спать. Сам же отправился к себе в комнату и, увалившись на койку, отключился.

В начале девятого встал сам и разбудил Толика. Перекусили, залили воды во фляжки. Разделили пополам остатки «трофейного» мяса, доедать его надо срочно, еще немного, и портиться начнет. Нацепили на себя всю «сбрую». Я даже перевесил станцию на грудь, сняв нож и убрав его в «мародерку», и влез в РД, в котором под сверток с мясом и флягу упаковал свернутый брезентовый баул. Транспорта не предвидится, а в руках трофей таскать не очень удобно, вот пусть Толя «тягловой силой» и поработает на обратном пути. Зря, что ли, он такой здоровый?

Уже сидя в неспешно выходящей к мосту через Терек «буханке». Толик продолжает поправлять и одергивать на себе то «горку», то РПС, то бандану.

— Не мандражируй, курсант, все будет нормально, — ободряюще улыбаюсь я ему.
— Да не мандражирую я, — отвечает тот, уже в пятый, наверное, раз поправляя лежащий на коленях автомат.

— Это ты бабушке своей расскажи, — снова улыбаюсь я. — А мне военных песен петь не надо, а то я себя таким, как ты, не помню. Главное — не забудь, чему я тебя успел научить, и слушай команды. И все у тебя получится.

Напарник только судорожно кивает и еще сильнее стискивает в руках «АКМС». Да уж, страшно ему сейчас, наверное. Ехать колонной, да среди двадцати бывалых мужиков — это одно. А вот так, вдвоем, да на вражескую территорию... Чего греха таить, даже мне страшновато. Просто я, в отличие от Анатолия, умею свой страх держать под контролем.

На выездном блокпосту в Аргуне буквально на пару минут заглядываем в «караулку» к Аслану.

— А, Миша, здравствуй! Снова погулять решил?
— Да, Аслан, не сидится мне спокойно.
— А это кто с тобой?
— Напарник Знакомьтесь, Аслан — это Толя, Толя — это Аслан.
— Давайте осторожнее там. А то кто Исмаилу за машину деньги отдаст, если что? — широко улыбается Умаров.
— Пусть твой Исмаил даже не надеется, я за своей машиной прямо из ада выползу!

⁷⁵ КД — капсуль-детонатор, инициирующий подрыв взрывного устройства.

Кстати, как там дела?

— Скоро готова будет. Очень хорошо получается, — Аслан закатывает глаза и цокает языком, пытаясь выразить свое восхищение. — Не машина — сказка!

— Это хорошо. Ладно, пора нам.

— Ну, как у вас говорят — ни пуха...

— К черту, — в один голос отвечаем мы с Толей и идем к воротам.

— Миш, ты в своем уме? — скороговоркой шепчет мне прямо на ухо Толя. — Их же там человек десять.

— Я пока девятых насчитал, — так же тихо, но спокойно отвечаю я ему.

— Десять, девять, какая разница? Нас-то двое...

— Ага, вот и я думаю, как мы вдвоем их всех хоронить-то будем.

Анекдотец, конечно, с бородой, но немного пристыженный моим спокойно-ироничным тоном Толик прекращает паниковать.

— Расслабься, курсант, — я легонько ободряюще толкаю его в плечо, — я ж тебе уже сказал, с барабанным боем и под развернутыми знаменами мы в атаку ходить не будем. Сделаем все красиво...

Вот уже три часа мы лежим на невысоком, метров двести, кургане, густо заросшем кустарником. Позиция — залюбуешься. Тебя не видно, а враг как на ладони. И до врага этого метров триста, не больше.

До кургана этого мы шли всю ночь. Сначала, резко взяв от аргунского блокпоста вправо, добрались по разросшейся лесополосе вдоль бывшей М-29⁷⁶ до развалин Белгатоя. По сведениям, полученным от Костылева, в нем людей нет, но пробирались среди руин мы с максимальной осторожностью. Потом прямо по берегу Аргуна, среди кустов и вымахавшего чуть не в человеческий рост бурьяна, двинулись в сторону Новых Атагов. И вот тут-то и заметили возле моста, на противоположной стороне реки, этот самый опорный пункт Непримиримых. В принципе, все логично. Мосты — объекты стратегической важности. Находящийся чуть ниже по течению мост между Белгатоем и Чечен-Аулом, мимо которого мы с Толей прошли всего полчаса назад, выглядел весьма плачевно. Совсем, правда, не рухнул, но даже пешком по нему передвигаться надо очень осторожно. А лучше просто обойти сторонкой, от греха. А этот — еще вполне себе крепкий. Вот и выставили боевики возле него пост охранения в какой-то кирпичной будке, похожей на те, что стояли на железнодорожных переездах. Только перед ней еще стенку из бетонных блоков поставили и окна заложили мешками с песком, оставив только узкие бойницы. Уж что тут было раньше — не знаю, а сейчас вполне себе толковая застава. Вот только с «экипажем» ей не повезло.

Но это мы выяснили несколько позже. Сначала пришлось вернуться в Белгатой и, рискуя в любую секунду рухнуть в реку вместе с качающейся от ветра и любого неосторожного движения конструкцией, перебраться по разрушенному мосту на противоположную сторону Аргуна. Потом осторожно подняться на этот курган и выбрать более-менее приемлемый наблюдательный пункт среди зарослей жутко колючей акации.

А вот теперь мы лежим в тенечке, прикрытые от припекающего солнца и взглядов вражеских часовых густой и совсем не собирающейся опадать, несмотря на середину октября, листвой. Наблюдаем. Делаем выводы. И, честно говоря, то, что я вижу, мне определенно нравится. В противниках у нас — откровенные расслабленные долбоклои. Вернемся, выскажу все тому же Исмагилову. Их ОсНаз что, вообще мышей не ловит? В пятнадцати километрах от Ханкалы бандиты живут спокойно, словно на курорте. Это разве дело? Хотя непосредственно сейчас это нам только на руку. Бить их, таких растащенных, легче будет.

А пока, передав Толе бинокль, учу его вести наблюдение за противником.

⁷⁶ Трасса М-29 — федеральная трасса Краснодар-Грозный-Махачкала.

— Значит, слушай и запоминай, — шепчу я ему, — при наблюдении за вражеским объектом прежде всего надо определить наилучшие пути подхода и отхода к нему, пути возможного проникновения, выявить огневые точки и посты охранения, отследить график смены караула, по возможности выяснить количество врагов, их вооружение и командира. Здесь с большинством пунктов проблем не будет. Сколько их, мы уже знаем...

— Кстати, Миш, а как ты их так быстро пересчитал, они ж с утра мельтешат туда-сюда, как муравьи.

— Тут, Толик, если группа противника небольшая, ничего сложного. Просто надо у каждого какой-нибудь отличительный признак найти. Тот — рыжий, у этого — борода лопатой аж до груди, у того — повязка на голове зеленая. Они, курсант, только на первый взгляд неподготовленного человека все на одно лицо. Чуть-чуть внимательности и враз научишься их одного от другого отличать. Ну, и опыт, конечно. С командиром — совсем просто...

— Это да, вон он, — тычет пальцем в сторону боевиков Толя, — сам ничего не делает, всем команды отдает, вот тому, молодому, уже два подзатыльника отвесил. И одет лучше всех, в натовский камуфляж.

— Молодец, — одобрительно киваю я. — Выводы сделал правильные.

— И чего делать будем?

— Сначала наблюдать и спать по очереди. А ночью знакомиться пойдем. Ладно, — я снял с руки «Командирские» и передал их напарнику, — через четыре часа меня подымешь, а пока наблюдай. Если случится что, буди сразу.

Так день и большая часть ночи и прошли. По очереди сменяя друг друга, мы то разглядывали противника в бинокль, то отсыпались перед ночным «делом». По ходу наблюдений я все больше убеждался в том, что на посту у «бородатых» полный бардак. Насваем закидывались все без исключения и практически без остановки. А эта дрянь, хоть наркотиком и не является, но на нервную систему действует расслабляюще и реакцию притупляет, что совсем не есть хорошо для часового. Двое под вечер вообще уселись под небольшим навесом, где они ели и готовили, и раскурили небольшую самодельную трубочку. Причем, судя по тому, как они ее курили и как себя после этого вели, был в ней вовсе не табак-самосад. Одним словом, растащило мужичков не по-детски, пора наказывать.

Четыре утра, смена произошла час назад, у меня в запасе еще два. Те боевики, что сменились, уже давно уснули, те, что заступили, успели подустать. Пора! Промежуток между четырьмя и шестью утра знающие люди называют «собачьей вахтой». Самое поганое время для часового. Непроглядная чернота ночи постепенно начинает сменяться предрассветными сумерками. Выползает откуда-то липкий и холодный туман. Видимость — ноль или близкая к нему. Хочется одеться или завернуться во что-нибудь теплое и сидеть неподвижно, хочется спать. В такое время чаще всего и совершаются нападения на охраняемые объекты. И тот, кто их охраняет, если он разбирается в вопросе, именно в это время повышает бдительность и выставляет дополнительные посты. Вот только среди Непримиримых, на наше счастье, таких разбирающихся, похоже, нет.

— Значит так, Толя, — еще раз шепотом разъясняю я напарнику, — сейчас аккуратно пробираюсь туда и снимаю часовых. Пока я туда ползу, ты предельно тихо и осторожно спускаешься к дороге и занимаешь там позицию. Как закончу с часовыми, я тебе один раз моргну фонарем, тогда сразу ко мне, быстро, но без шума. Будку «зачищаем» уже вдвоем. Потом — хватаем все, что поднимем, я быстренько все фотографирую и сваливаем. По данным ханкалинской разведки, в Атагах, что в Старых, что в Новых, никого нет. В Чири-Юрте — тоже. А до Алхазурово и Дуба-Юрта далековато. Услышать не должны. А даже если и услышат — пока поймут, что к чему, пока доедут. В общем, минут пятнадцать-двадцать у нас будет в самом худшем случае. За это время надо успеть и трофеи собрать, и хотя бы на пару километров оторваться. Ну а если... Короче, если я с часовыми не управлюсь — уходи. Сразу же. Если меня спялят, то в одиночку ты против них не выступишь. Так что начнется пальба — тут же уходи. Все. Я пошел.

Тихо сползаю по склону вниз, к реке. До моста буду пробираться вдоль берега, понизу. А бурный и быстрый Аргун своим плеском заглушит случайный шум, если я окажусь настолько неуклюжим, чтобы его издать.

По самой кромке воды крадучись прохожу чуть дальше моста и выбираюсь наверх, прячась за парапетом. Ложусь на землю и, чуть-чуть выглянув, оцениваю обстановку. Да, ребята, хреновенько у вас служба войск налажена. Часовых всего двое, и я одновременно вижу обоих. Один, тот самый молодой боевик, что поутру получил за что-то от командира несколько оплеух, стоит спиной ко мне перед амбразурой в выложенной из железобетонных блоков стрелковой ячейке. Второй, средних лет бородач, в наглуую дрыхнет на лавочке у наружной стены будки, служащей Непримирым казармой и караульным помещением в одном флаконе. Оно понятно, молодого на пост загнал, а самому караулить уже вроде как «по сроку службы» не положено. Вот когда мне ПБС мог бы пригодиться! Два почти бесшумных щелчка, начисто заглушаемых плеском воды в Аргуне, и нет проблем. Но «глушителя» нет. А значит, придется действовать «народными средствами». Медленно, чтобы ничем не брякнуть, стягиваю с себя РД и РПС, кладу сверху автомат, разуваясь и достаю из «мародерки» нож. На всякий случай расстегиваю кобуру со «стечкиным». Если затея с бесшумным снятием часового не выгорит, то хоть кого-то да успею напоследок из пистолета положить. Все ж таки, как ни крути, два десятка патронов в магазине.

Пригнувшись как можно ниже, крадусь к стрелковой ячейке. Ступать по земле босыми ногами зябко. Ну да, не май месяц — октябрь на дворе. Зато голой ступней чувствуешь, по чему идешь, намного лучше, чем подошвой сапога. Меньше шансов громыхнуть камнем или треснуть сухой веткой. Спина боевика все ближе. На моем месте крутой герой боевика наверняка метнул бы врагу нож в спину. Этих героических парней в кино никогда не волнует, что нож может не попасть между ребер, что человек даже с пулевым ранением не умирает мгновенно, чего уж говорить о ноже, и даже с вонзившимся в спину клинком еще вполне способен поднять тревогу. Мало того, даже если тебе повезло, ты попал куда надо и твой противник умер мгновенно, при падении он может громыхнуть оружием или просто своим телом так, что вся округа проснется. В кино таких проблем не бывает. Но вот я-то не в кино. И мне придется подкрадываться вплотную.

Последние несколько шагов делаю, не дыша и ступая предельно осторожно. Потом — стремительный рывок, одновременно ударом левой ноги под колено подсекаю, а левой рукой зажав часовому рот, заваливаю его на себя. Стиснутым в правой руке широким, остро отточенным лезвием, длиною в ладонь, с мерзким хрустом перехватываю ему горло. А потом еще секунд на тридцать замираю, крепко прижав к себе булькающее кровью в перерезанной глотке и бьющееся в конвульсиях тело. А когда убитый мною боевик затихает, аккуратно опускаю его труп на землю.

Теперь — второй. С ним будет сложнее. С одной стороны, он спит. Но с другой — спит, привалившись спиной к стене будки, в которой дрыхнут еще семеро. Его придется резать спереди, а это куда сложнее. Хорошо, хоть лежит удачно — на боку, подложив под голову руку и слегка поджав согнутые в коленях ноги. Подобравшись вдоль стены будки вплотную к спящему, заносу нож над его головой и изо всех сил бью его сверху точно в ухо. Слышу тихий, но отчетливый тошнотворный треск проломленных тонких косточек черепа. Ударил удачно, на выдохе «клиента», и тот умер совершенно беззвучно, только дернулись, конвульсивно распрямляясь, его ноги. Фу, господи, мерзко-то как! Вроде и не первый раз врага режу, а каждый раз всего внутри аж передергивает. Все-таки стрелять куда проще, только поначалу пару-тройку раз хреново. Меня при виде первого застреленного мною человека, когда мы уже после боя подошли труп «шмонать», вывернуло и скрутило так, что я потом чуть не полчаса на корячках стоял, никак разогнуться не мог. Не то, что завтрак, ужин собственный на земле разглядывал, причем скорее всего аж позавчерашний. Правда, когда надо мной чужие пули повжикали, а рота понесла первые потери убитыми — стало проще. А уж после ада Минутки и штурма дворца Дудаева я без каких-либо эмоций палил по живым людям, как по фанерным мишеням. Похоже, все мои эмоции и вера в заповедь «Не убий»

остались там, в обильно политой русской кровью каше из грязи и растаявшего снега, на площади перед резиденцией Президента Ичкерии. А вот с ножом так не выходит, уж больно это... личное, что ли. Можно даже сказать — интимное.

Оттираю нож и руки об одежду убитого и почти бегом возвращаюсь к оставленным вещам, не наматывая портянок, а просто «парашютом» накинув их на ноги, натягиваю сапоги, накидываю на плечи РПС, а на шею — ремень автомата, подхватываю РД и возвращаюсь к будке. Оттуда коротко моргаю фонарем для Толи. Буквально через пару минут он уже рядом. На меня косится со страхом. Да уж, в предрассветном сером мареве я, наверное, похож на не слишком аккуратно жвавшего вурдалака. Обе руки в прямом смысле в крови по локоть, да и на рожу тоже попало. Правильно тогда Четверть сказал, чудовище и есть. Ободряюще подмигиваю напарнику, не дрейфь, мол, все в ажуре, и жестами приказываю ему занять позицию справа от двери. Сам встаю слева. Слегка коснувшись плеча, привлекаю Толино внимание и снова жестами объясняю, что он работает по левой стороне помещения, а я — по правой. Крест-накрест. Тот энергично кивает, показывая, что все понял. Я тихо дергаю дверную ручку. Не заперта ли? А то вдруг они изнутри на засов закрылись? Придется им гранаты в амбразуры заталкивать, а потом дверную коробку выламывать. Но, нет, повезло, открыто. Распахиваю дверь, и ночную тишину рвут в мелкие клочья длинные очереди двух автоматов. Отстреляв по магазину и сменив их на новые, вламываемся внутрь и начинаем бить одиночными. Что такое «контроль», для чего он нужен и насколько важен, я объяснял Толе на каждом занятии по тактике. Чуть мозоль на языке не натер. Зато теперь он и сам отлично знает, что и как ему делать.

— Все, теперь живо! — команду я. — Я снимаю, ты хватай баул из РД и все, что есть путного, в него скидывай. Понял?

Толя только кивает и выскакивает наружу к оставленной на лавочке возле трупа РДшке. А я, вытащив из чехла «цифру», начинаю фотографировать. Снимаю все: избитые пулями, залитые кровью тела, стоящие в самодельной пирамиде СКСы и автоматы. Отдельно — засаленный и поношенный, но явно не очень старый американский камуфляж командира. Крупным планом — внутреннюю поверхность куртки, по клеймам знающие люди могут узнать много интересного. Есть, готово! Широкими взмахами ножа отхватываю от курток рукава с «бошками» и заталкиваю их в накладные карманы штанов. Краем глаза замечаю, что Толя столбом застыл посреди комнаты, опустив почти под завязку набитый баул на пол.

— Ты чего завис? — рыкаю я на него, но тут замечаю, что он держит и на что смотрит.

В руках у него немного заляпанная кровью, но целая и, судя по виду, не очень старая радиостанция «Дэу».

— Але! Толян!!! Что, счастью своему поверить не можешь?! Так лучше поверь и шевели задницей, а то до получения позывного можно и не дожить! Тут все собрал?

«Разбуженный» мною напарник согласно мотает головой, оторвав взгляд от портативного чуда, произведенного руками узбекских мастеров. М-да, а вот нормальную, непортативную радиостанцию мы угробили. Причем даже не мы, а я. Стол, на котором стоит пробитый пулей трансивер, здорово похожий на те СиБишки,⁷⁷ что использовали в мое время таксисты и водители маршруток, и автомобильный аккумулятор, к которому станция и была запитана, находится справа от входной двери. Обидно! И винить некого, сам по этой стороне стрелял. Ладно, все равно, провода с клемм аккумулятора оборвать, а все, что осталось от рации — в РД. Не все ж там пуля разнесла. Что уцелело, на запчасти продам.

— Тогда обираем тех, что на улице, и ходу!!!

Стоп, а это что такое? И как я тебя, родимый, чуть не проглядел-то? В углу прямо на замусоренном полу лежит не сказать, чтобы большой, но явно увесистый прямоугольный брезентовый сверток, туго и плотно обмотанный со всех сторон бечевкой. Что-то он мне

⁷⁷ СиБи — Citizen Bend Radio, гражданские радиостанции КВ-диапазона, не захватывающие частоты, на которых работают радиостанции МВД, МО, ФСБ и т. д.

напоминает, ей-богу! А в гранатном ящике, стоящем на свертке, нахожу серебристый «карандаш» электрического капсюля-детонатора с аккуратной бухточкой тонкого, словно капроновая нить, золотистого двужильного провода и подрывную машинку. Старенькую, совсем простенькую, с кривой ручкой-индуктором, почти как у ТАПа и т-образным рычагом, который надо опускать вниз для подрыва. Блин, да я такие видел только в кино про партизан, что в Великую Отечественную немецкие поезда под откос пускали. Слегка надрезаю ножом сверток. Под брезентом — ровные кирпичики четырехсотграммовых тротильных шашек. Вот теперь мне все понятно. Передо мною довольно толковый фугас. Предназначен он, как мне кажется, для уничтожения моста «в случае чего», ну, как говорится, чтоб врагу не достался. Причем, судя по тому, как все аккуратно сделано, собирал его явно грамотный подрывник, а не один из только что упокоенных мною и Толей боевиков. Эти, судя по всему, без посторонней помощи могли подорвать разве что собственную задницу, случайно выронив из рук гранату. Однако мост, в случае опасности, предстояло взрывать именно им. А значит, неведомый мне подрывник, скорее всего, все уже подготовил, оставив исполнителям лишь самое простое — заложить и рвануть. Иначе слишком велик риск того, что «абреки» накосячат. По крайней мере, я бы им ничего сложнее, чем вставить детонатор в гнездо и нажать на рычаг ПзЭмки, точно не доверил бы. Значит надо проверить. Времени, конечно, мало, но оно того стоит.

— Толян, — ору я, — бегом сюда!

— Чего, Миш? — вламывается в дверь взопревший от бега с тяжеленным баулом за плечами напарник.

— Значит, так, бегом в стрелковую ячейку и держи направление на Чири-Юрт, если хоть что-то похожее на звук мотора услышишь — сразу предупреждай меня. Понял?

Толя только молча кивает и, поудобнее перехватив автомат, бросается наружу. Я выскакиваю следом за ним, но бегу в противоположную сторону — под мост. Подсвечиваю себе фонариком. Точно! Под одной из стоящих на сухом месте опор вырыта аккуратная яма. Рядом — груда камней для забивки. Мало того, на самой опоре белой краской нарисована стрелка, указывающая на яму, а ниже крупными буквами написано: «Детонатор — снизу!!!» Причем написано по-русски. Ой, мля, а вот это на плохие мысли наводит!

Опрямев, кидаюсь назад. Хватаю из ящика детонатор с проводом и ухватываюсь за фугас. Нормально так! Килограммов двадцать есть точно. Видно, решили взять с запасом, чтоб наверняка. Так же бегом спускаюсь под мост, вставляю детонатор на место, немного разматываю провод и начинаю заваливать «адскую машину» камнями. М-да, мой инструктор по минно-подрывному делу за такую забивку оторвал бы и руки, и голову, но времени нет. Да и фугас крупный, его, возможно, на такой мост и без забивки хватило бы. Напоследок фотографирую надпись о детонаторе и начинаю выбираться на берег, разматывая за собой провод. Хватает его аккуратно до будки, ну, значит, из нее и будем рвать. Крыша из бетонной плиты — не ахти какая защита, но все же лучше, чем совсем никакой.

— Толя, как там?

— Тишина.

— Отлично, тогда дуй ко мне.

Когда Толя оказывается рядом, я не терпящим возражений и промедления голосом командую:

— Так, ну-ка лезь под кровать, уши заткни, а рот открой пошире.

— Чего? — На лице Анатолия прямо-таки нарисованы изумление и непонимание.

— Делай, что сказано, салага! Бегом!!! — рывкаю я. — Здесь сейчас филиал ада в миниатюре будет!

Блин, до моста вроде не так уж и близко, обломки долететь не должны. Надеюсь, этот чертов подрывник знал, что делал. Перекрестившись и прошептав: «Господи, помилуй мя, грешного!», несколько раз вращаю ручку индуктора и, присев на корточки рядом с тумбочкой, опускаю рычаг вниз.

Жахнуло знатно! Пол очень больно ударил по пяткам, кишки подпрыгнули аж к

подбородку и рухнули назад, по башке будто мешком с мукой долбанули — мягко, больно, оглушающе, и первое время не видать ни черта. И не слышать. Хотя, нет, как градом колотят по бетонной плите крыши обломки моста, я слышу. Ой, мля, как бы не придавило нас чем! Вонь огромного количества в мгновение ока сторевавшей взрывчатки забила нос, горло и легкие. Дышать вообще нечем. Фу!

— Толя, подъем! — ору я, плохо слыша самого себя и тряся напарника за торчащий в проход сапог. — Валишь пора!

Видок у вылезающего из-под койки напарника совсем ошалевший. Да, пацан, мосты рвать — это тебе не чай с пряниками!

Когда мы выскакиваем из будки, я, слегка притормозив, несколько раз щелкаю «цифрой», запечатлевая облако медленно оседающей в Аргун цементной пыли и торчащие из бурлящих волн бетонные сваи, обломки плит и дорожного полотна. Красота! И доказательства удали молодецкой — на лицо, и хорошее дело сделали, и нам это ни копейки не стоило. Всегда бы так!

Ну, все, что могли — сделали. И даже больше. А теперь, как говорится, быстрые ноги — спасайте жо... дурную голову.

— Нет, Аслан, ну ты представляешь!!! — Толик от переполняющих его эмоций размахивает руками так, что похож на сидящую на табурете ветряную мельницу. — А он мне, такой, и говорит: «Точно, и как мы их вдвоем хоронить-то всех будем?» А у меня, блин, аж поджилки тряслись... А как он часовых снял! Один, блин, двоих. Ножом!!! А я как его увидел, чуть в штаны не наложил: стоит весь в кровище, будто упырь кладбищенский, и улыбается! Блин, да тут кто хошь бы обхезался!

— Точно, — с самым серьезным выражением лица поддакивает ему Умаров, хотя в глазах его пляшут смешинки. — Ты чай-то пей, а то остынет. И руками так не маши, все кружки со стола посшибаешь.

М-да, с салажатами, с ними всегда так, сперва напуганные до чертиков, а потом, когда все уже кончилось, из них адреналин аж фонтаном хлещет. Суется, галдят, хохочут невпопад.

— Да какой чай, Аслан! Ты прикинь, а мост каааак... Ай, мля!!!

Есть! Все-таки вывернул кружку кипятку себе точно на колени, оболтус. Пока шипящий от боли и тихо матерящийся Толя, вскочив на ноги, стряхивает со штанов капли чая и заварку, мы с Асланом понимающе переглядываемся и обмениваемся почти одинаковыми ехидными улыбками. Эх, молодежь! А ведь когда-то и мы такими были. Но пообтерлись, привыкли. И он привыкнет.

К Аргунскому КПП мы выбрались только к восьми утра, когда солнце уже поднялось из-за далеких гор и изо всех сил пыталось пробиться сквозь напозаввшие со стороны Дагестана тяжелые серые тучи. Так, похоже, портится погода, вовремя сходили. Выйдя на связь с блокпостом, предупредили Умарова, что мы скоро будем и что ждать нас надо со стороны бывшего совхозного сада и старого кладбища. И неторопливым шагом направились к видневшимся в полукилометре высокой стене, опутанной колючей проволокой, и тяжелым ржавым стальным воротам. Ну да, сейчас, в трех-четырех сотнях метров от своих, можно себе позволить быть вальяжным. А вот от вырезанного нами опорного пункта и подорванного моста мы неслись, будто два перепуганных зайца. Причем серьезно груженных зайца. До самой северной окраины Белгатоя мчались, как наскипидаренные. Разрушенный мост между Чечен-Аулом и Белгатоем, по которому туда перебирались осторожно, словно канатоходцы в цирке, на обратном пути перемахнули, толком и не заметив. Вот ведь что избыток адреналина с человеком делает! Потом, когда я понял, что Толя сейчас просто рухнет и больше не встанет, свернули с обочины в сторону реки и спрятались в развалинах небольшой плотины на берегу давно пересохшего пруда. Заняли оборону и устроили привал. Вернее, оборону занял я, а Толя просто лежал на спине, жадно ловя ртом воздух, будто выброшенная на берег рыба. Отдыхали почти полчаса, а потом, кустами, вдоль русла Аргуна, двинулись домой. Я даже спустился к реке, быстро, но

максимально тщательно застирав рукава «горки» от уже начавшей подсыхать крови. Жалко ведь, почти новая вещь.

А вот теперь мы сидим в «караулке» у Аслана, гоняем чай и перебираем трофеи в ожидании уже вызванного из Червленной Шурупа на «буханке». Сходили вполне удачно, вон она, наша добыча, аккуратной кучкой в углу лежит. Три карабина Симонова, вполне приличной сохранности, два «АК-74М» и четыре «АКМС», причем на одном, принадлежавшем командиру, вытертый до белизны и разболтанный, будто погремушка, ГП-25. Радости Толи, когда я сообщил, что «Костер» достанется ему, не было предела. А то, что он разболтанный, — не беда. Конструкция там простейшая, сам все подтяну, даже без помощи оружейника. Еще взяли девять пистолетов: семь «ПМ» и два «стечкина». А вот большую часть найденных боеприпасов пришлось заминировать ловушками из гранат и оставить. Иначе мы бы все просто не подняли. Взяли только початый цинк ВОГов и все найденные «Ф-1». Состояние у трофейных стволов — просто ужасное. Мало того, что сто лет не чищенные и ржавчиной да грязью заросшие, так у одного из «стечкиных» возвратная пружина оказалась очень сильно погнутой, того и гляди, сломается. Хотя себе мы его оставлять все равно не собираемся, а уж чего с ним Сергеич потом делать будет, нам без разницы. Лишь бы купил. Но все равно, оружие жалко, не заслуживает оно такого отношения. Вот, кстати, интересно, откуда пошла в свое время «красивая горская легенда» о том, что все чеченцы — великие воины с пеленок? Самое забавное, что многие в нее свято уверовали. А по моим личным наблюдениям, в обращении с оружием очень многие из них — редкостные неряхи. Понятно, что «калаш» весь мир покорила именно своей надежностью и неприхотливостью. Но хотя бы раз в месяц его чистить надо, особенно если хоть изредка, да стреляешь. А тут, как у Ильфа с Петровым: «толстый слой то ли ржавчины, то ли гречневой каши». Верно подмечено, лучше и не скажешь. Одним словом, работа по чистке нам с Толей предстоит серьезная, с предварительным замачиванием в соляре и прочими «радостями жизни». Ладно, не будем о грустном.

Вскоре на улице раздается сначала тарыхтение двигателя, а потом — резкий взвизг клаксона. Саша Шуруп приехал и дает понять, что нам уже пора. Сердечно прощаемся с Асланом, подхватываем с пола трофеи и топаем на улицу.

Когда на очередном ухабе Толя чуть не роняет на пол свою рацию, которую продолжает крутить в руках, я не выдерживаю. Сняв с груди свой чехол и вынув из него «Кенвуд», протягиваю напарнику.

— Держи, обезьянец! В чехол станцию убери и на РПС повесь, а то точно разгрохаешь.

Свою рацию я просто цепляю «клипсой» аккумулятора за нашитую на РПС лямку из стропы, на которые все подсумки и вешаются. До «торговой точки» деда Тимохи и так сойдет, а там новый куплю.

Возвращение в «Псарню» обставляем с максимальной помпой. Мы с Шурупом, нагруженные всей поклажей, настежь распахиваем входные двери, и я голосом профессионального конферансье или, скорее, рингонауцера⁷⁸ возвещаю:

— Господа, позвольте вам представить нового бойца нашего отряда! Это отважный, заслуживший свое право быть среди нас в жестоком бою с превосходящими силами противника, наемник, с позывным...

Так, вот тут все и сорвалось...

— Але, курсант, — театральным, слышимым даже в самом дальнем углу трактира, шепотом спрашиваю я у вошедшего в зал Толи, — ты хоть какой позывной-то себе выдумал?!

— Какой-какой? Да зовите Курсантом, один черт все уже привыкли. Другое ничто уже, похоже, и не приклеится, — шутливо ворчит довольный произведенным на всех эффектом Толик.

⁷⁸ Рингонауцер — человек, объявляющий бойцов перед боксерским поединком.

— Итак! — снова ору я. — Поприветствуем наемника Анатолия, позывной — Курсант!

И зал трактира взрывается аплодисментами и хохотом двух десятков луженых глоток.

Наемники окружают важно напыжившегося Толяна, жмут ему руку, обнимают, хлопают по спине, толкают в плечо... блин, не забили бы парнягу «от полноты чувствей». Он, конечно, не дите субтильное, ну так и ребята — кабаны еще те! Пока я договариваюсь с Четвертью об «аренде» старой оцинкованной ванночки, в каких обычно купали в деревнях маленьких детей, которую я видел на заднем дворе во время занятий по тактике, Толя уже собрал народ в круг посреди зала и начал «в лицах» рассказывать о нашей героической вылазке. Нью-ню, блин, баба-яга в тылу врага, вторая серия... Ладно, пусть развлекается. Он сегодня в «Псарне» герой дня.

— Так что, Кузьма, — оборачиваюсь я к озадаченному моей просьбой бармену, — отдашь мне эту железяку во временное пользование?

— Да отдам, конечно, — отвечает все еще недоумевающий Кузьма. — Только на кой черт она тебе сдалась?

— Трофеи взяли, так с них грязь и ржавчина просто сыплется, — я демонстрирую Четверти первый попавшийся под руку «АКМС» из баула. — Думаю все это добро в ванночку сложить и в соляре замочить хотя бы на сутки, пускай откисает. А то вообще не отчистим. А загаженные стволы я Сергеичу нести не хочу.

— И правильно, — одобрительно кивает Кузьма. — Неуважение это. И цены Сергеич тогда нормальной не даст. Из принципа. Ладно, забирай ванну и солярки из бочки возле «дырчика»⁷⁹ возьми, сколько надо. Только поставь все это добро в сарае позади дизеля, чтоб во дворе не воняло, ладно?

— Спасибо, отец родной! Как скажешь, так и сделаю! — Я отвешиваю ему шутливый поясной поклон.

— Не подлизывайся, — широко улыбается в ответ он, — я тебе «эксплуататора» не простил еще.

Разрядив и разобрав пистолеты и автоматы, закинул их в ванночку и залил соляркой. А вот «СКСы» в нее не влезли. Это с автоматом хорошо — сложил приклад, и все дела. С карабином так не получится. Ну, что поделать, заливаю им в ствол машинного масла из стоящей рядом с дизелем канистры. Не думаю, что Кузьма возражать станет. А масло хоть чуть-чуть, да «отожрет» грязь и ржавчину. Но все равно чистить карабины я усажу Толю. Опять же есть у меня подозрение, что он в них разбирается куда лучше меня. Так уж вышло, что я «СКС» видел только на плакате в армейском учебном классе при тире, да и то шибко не приглядывался, потому как плакат был старый, выцветший и порченный плесенью. А мне и не сильно-то было интересно, в моей родной ОБрОН симоновские карабины были только у парадной знаменной группы⁸⁰ и у часового на «посту номер раз»⁸¹ в штабе Бригады. И, если честно, я до сих пор не очень уверен, что они были в рабочем состоянии. Одним словом, кто у нас «туземец-абориген»? Анатолий! Вот пусть с непривычными «белому сахибу» «туземными стволами» и возится. А мне и автоматов хватит.

Разобравшись с трофейным оружием и закинув гранаты в свою комнату, я захожу в подсобку, нахожу там Зину и отдаю ей в стирку изгвазданную в крови и плохо застиранную в ледяной грязной воде Аргуна куртку от «горки». Та, увидев все это безобразие, только руками всплеснула, но обещала все отстирать. Снова захожу к себе, натягиваю чистую футболку и маскхалат, на улице сегодня прохладно, но замерзнуть не должен, застегиваю на

⁷⁹ Дырчик — армейский дизель-генератор, работающий на соляре.

⁸⁰ Знаменная группа — группа военнослужащих (обычно их четверо), которые во время парадов следуют почетным караулом за Боевым Знаменем воинской части.

⁸¹ Пост номер раз — пост номер один в штабе воинской части, рядом с Боевым Знаменем.

поясе пластиковую клипсу кордурного ремня с набедренной кобурой, упаковываю в РД рукава с «волчьими головами», злосчастный, разбитый пулей трансивер, сверху закидываю чехол с фотоаппаратом и отправляюсь в гости к Коменданту. Отчетность — она превыше всего.

Умаров, похоже, на этот раз Костылеву не позвонил. Ну, тем лучше, сюрприз будет. Пройдя в кабинет, веду себя как и обычно, здороваюсь, расспрашиваю, как это принято на Кавказе, о здоровье, жите-бытие и родственниках. Только собираюсь переходить к делу, как в кабинет входит Исмагилов. Отлично! Как говорится, на ловца и зверь бежит, я ведь и сам с ним хотел немного пообщаться. Здороваюсь и с Олегом. Потом, жестом фокусника, достаю из РД фотоаппарат и протягиваю им.

— Господа офицеры, прошу ознакомиться. А отчет — в устной форме.

А потом, присев на полюбившийся мне с первого раза стул у окошка, начинаю рассказывать. Сначала Игорь и Олег слушают спокойно и расслабленно, но постепенно на их лицах проступает крупными буквами нецензурное ругательство, самым близким приличным аналогом которого по значению является слово «врешь», а по звучанию — «звездишь». Когда я перехожу к рассказу о мосте, они одновременно хватают лежащую перед ними «цифру». Следующие пять минут в кабинете тихо. Игорь с Олегом разглядывают фотографии на маленьком дисплее, я с подчеркнуто спокойной и равнодушной физиономией пялюсь на пейзаж за окном.

— Так, я сейчас, — отрывается наконец от фотоаппарата «особист». — За ноутбуком сбегая, все это срочно скопировать и в Ханкалу передать надо!

— Да уж, Миша, ну ты ловкач! — восхищенно восклицает Костылев, когда Исмагилова вихрем выносит из кабинета. — Красиво нохчей урыл!

— Ну, допустим, не урыл, а урыли, — поправляю я. — Напарник у меня — парень толковый, хоть и молодой еще. А вот почему этот блокпост урыли именно мы, а не ваш ОсНаз? Что у вас тут за война такая странная, что в двух десятках километров от вашей основной базы бандиты себя чувствуют, как на пляже с пивом и девочками? На кой черт тогда вам вообще этот ОсНаз нужен, вместе с разведкой?

— А ты, — резко и довольно зло обрывает меня Игорь, — в ситуации сперва разберись, прежде чем претензии кидать! Хреновая у нас тут война, если уж по совести. Как ни стараемся, всех «кротов» так и не выловили. Информация уходит к Непримирым все время. И из Ханкалы, и из СБ, и даже от нас. В обратную сторону, правда, тоже идет кое-что, но меньше. Как ни секретим выходы разведки и ОсНаза и их цели, все равно часто бывают срывы. Или «пустышку тянем», или, что куда хуже, последний крик в эфире: «Попали в засаду, ведем бой...» И все, была группа, и нет группы!!! Это тебе проще, ты сам по себе, о твоих делишках мы только задним числом и узнаем. И то — от тебя. А промолчишь — так и не узнаем. А каждая войсковая операция, — Костылев безнадежно машет рукой, — сам знаешь... Связь, боеприпасы, продукты, «вещевка», строевая часть с бухгалтерией, мать их! И на любом участке может быть утечка... Да даже не в утечках дело! Мы ведь тут не сами по себе! Да, автономия у Терского Фронта широкая, но центральная власть один черт в Ростове. А что им наши здешние проблемы? — от избытка чувств Комендант вскакивает из-за стола и начинает нервно расхаживать кругами по комнате, продолжая говорить. — У нас тут очень все похоже на то, что у вас там творилось году в 98-м примерно. Официально боевых действий нет? Нет! Ну, значит, и войск в помощь не ждите. А с мелкими, мать их, эксцессами справляйтесь своими силами. Представляешь, Миша! — голос Игоря в какой-то момент срывается на крик, видно, давно в душе накалило, а тут прорвало мужика. — Три десятка убитых за один месяц — это для них «мелкие эксцессы»!!! Своими силами справляйтесь! Да какие там, к едрене матери, силы?! В Ханкале разведбат и батальон ОсНаз да два батальона охраны. «Спецпура» на БТРах, пехота на БМП. Да танковая рота, в которой половина машин, скорее всего, из боксов не выйдет: старье убитое! Артиллерии — кот наплакал. Авиации — вообще нет! Ну, еще Дорожная Стража и Охранные Роты при каждой Комендатуре. И местное ополчение, которое свою станицу оборонять, разумеется, рванет, но

не дальше. Если им прямо сейчас ничего не угрожает, то остальное их не касается. У них семьи, хозяйство, мля! Ну, и чего тут навоюешь?! Генерал-Губернатор, думаешь, почему тебя в Ростов не сдал?..

— Не понял! — резко обрываю его я.

Игорь уже осознал, что в запале явно сказал лишнего, но назад сдавать уже поздно.

— О тебе, Миша, кроме нас и Генерал-Губернатора, никто не знает. В Ростов мы о тебе доложить были обязаны, операция по твоему задержанию ведь официально оформлена. Ну, мы и доложили: так и так, за вражеского агента был ошибочно принят штатный сотрудник СБ наемник Михаил Тюкалов, ранее внедренный в ряды бандгрупп, раскрытый, но сумевший вырваться. В связи с раскрытием дальнейшее его использование не представляется перспективным. Все, дата-подпись. Мы, узнав, кто ты, решили, что нам тут такой человек нужнее, чем этим крысам тыловым в Ростове. Что ты, с твоим-то опытом, нам реальную помощь оказать сможешь.

— Ну а я, по-твоему, сейчас чем вообще занимаюсь?

— Так о том и речь. Вот закончим, и буду в Ханкалу ШТ⁸² отправлять, что не ошиблись мы в тебе.

Прерывает монолог Коменданта вернувшийся Исмагилов с тем самым, уже знакомым мне по допросу в местных «застенках кровавой гэбни» ноутбуком в руках.

— Так, Миша, провод у тебя есть?

— Есть, — я передаю ему чехол от фотоаппарата, — в том же кармашке, где и зарядка.

Олег только кивает в ответ и начинает подключать «цифру» к ноуту.

— Слушай, Игорь Василич, — снова переключаюсь я на Коменданта, — уж коли Олег у нас занят, так, может, ты подскажешь, а что у вас за вот такое полагается.

С этими словами я достаю из РД увечный трансивер. Тот сначала оживает, но, увидев пулевое отверстие, тускнеет взглядом.

— Варвары, вашу мать! Вы что ж сотворили-то? Из автомата да по электронному прибору...

— Подонки! — с совершенно серьезной физиономией поддакнул оторвавшийся от монитора Исмагилов. — Быдло и хамы! Расстрелять у ближайшей стенки! Но сначала — напоить чаем и обязательно с сахаром.

Отсмеявшись, я только развожу руками.

— Ну, простите, мужики, так уж вышло! Ей-ей, не хотел. Но ведь не совсем она мертвая. Наверняка, кое-что использовать можно еще, ту же тангенту с проводом, микросхемы какие...

— Нет, товарищ майор, — поворачивается Игорь к Исмагилову, — ты видал хама! Значит, как почти новую Р-159, так зажал и помалкивает! А как всякий хлам, пулями побитый, так возьмите, будьте любезны, да еще и взамен что-то, по-любому, кланчить будет.

— Так я ж говорю — расстрелять подлеца, и все дела! — снова отрывается от ноутбука «особист».

— Ах, вот вы как?! Я тут, понимаешь, ночей не сплю, мосты за них, паразитов, взрываю. А они вот так! Ну и фиг с вами, — я начинаю засовывать радиостанцию назад в РД, — вам не надо, других покупателей найду.

— Эй! — в два голоса обрывают меня «господа офицеры». — Прибор на место положи! Мы еще не сказали «нет».

— Ну так и нечего понты корявые гнуть! А «сто пятьдесят девятая» мне самому нужна. В машину установлю и всегда на связи. Радиус-то у нее даже со штатным «хлыстом» — более чем приличный. Не то, что у портативок.

— Так и скажи — зажал, — снова улыбается Костылев.

— Конечно, зажал. От вас ведь помощи ждать можно до ишачьей Пасхи. Вот и

⁸² ШТ — шифротелеграмма.

приходится мне, маленькому да беззащитному, все зубами вырывать! Ладно, пошутили и будет. Что за этот трансивер дать можете?

— А что нужно? — спрашивает закончивший копировать фотографии и протягивающий мне назад «цифру» Исмагилов.

— Ну ты, Олег, и спросил. Да откуда я знаю, сколько он стоит и что за него выручить можно?

— Ну, скажу тебе прямо, в целом виде ты за него не меньше десяти золотых получил бы. А вот в таком... Я не специалист, а тут разбирать и смотреть надо, много ли там целого вообще осталось.

— Угу, понял. Дело ясное, что дело темное. Тогда так. Вы мне за нее гарнитуру «хендс-фри» на «Дэу» дадите?

— Легко, — кивает головой Олег. — А после того как наш связист в ней поковыряется, может, еще и доплатим.

— Ну, вот и договорились! И еще, Игорь, у тебя чистая «склейка»⁸³ есть? Без вот этого, — тыкаю пальцем в разложенную на столе «двухкилометровку», испещренную всевозможными пометками и условными значками и крупной надписью «Рабочая карта Коменданта ст. Червленая».

— Я же тебе уже сказал, Миша, и рад бы, да не могу я тебе такую карту выдать.

— А я ее мне выдать и не прошу. Я ее у тебя сейчас аккуратненько пересниму по квадратам и буду с наглой рожей пользоваться.

— Вот наглец, а! — восхищенно хлопает пару раз в ладоши Костылев и лезет в стоящий позади стола приоткрытый сейф. — Ладно, на, проходимец. Знаешь, если от тебя польза будет, я в Ханкалу рапорт подам о премировании тебя картой за особые заслуги.

— Кстати, о пользе, Игорь, на фото с камуфляжной курткой особое внимание обратите. Не знаю, в курсе вы или нет, но это — камуфляж американских морских пехотинцев. Причем куртка здорово замызганная, давно не стиранная, но не старая. И клейма я сфотографировал на всякий случай. Это вам к вопросу о помощи турков Непримирым. И надпись на опоре. Сомневаюсь, что сапер-чеченец стал бы писать по-русски. Значит — имеем дело с предателем, причем очень неплохо обученным предателем.

— Или мамелюком, — заканчивает за меня Костылев.

— Угу, — кивает головой Исмагилов, — спасибо. Это, правда, больше по нашей части.

— Ну, это уж вы сами разбирайтесь, — покладисто соглашаюсь я. — Мое дело маленькое: попросили — сделал. Если что еще найду — или притащу, или сфотографирую. Но и ты, Игорь, о своей части договора не забудь.

— Так, а вот с этого места поподробнее! — оживляется «особист». — И чего это Комендатура за спиной Службы Безопасности наобещала?

— Да немного, в общем, — отвечаю я. — Мины, взрывчатку и средства взрывания. Но только если будут положительные результаты.

— Стоп! — Исмагилов хлопает себя по лбу ладонью. — Идея! К вопросу о результатах, маму их за ногу! Миша, а давай-ка мы тебя и твоего напарника оформим как отдельную разведывательно-диверсионную группу! Все чин по чину, список личного состава, человек в десять, из реально существующих бойцов ОсНаза или разведки. А все устроенные тобою «тарарамы» будем задним числом проводить как спланированные задания. С боевым приказом и прочей бюрократией. И возможностей утечки — никакой, ты ж сам все планируешь, никому не докладываешься. И реальные результаты налицо, — он кивает на монитор ноута, на котором застыло изображение подорванного мною моста. — А то в Ростове нам за низкую эффективность всю плешь проели. Это помощи от них не дожدهшься, а как пистон вставить — они всегда готовы.

⁸³ «Склейка» — армейская карта. Называется так, потому что склеивается из отдельных листов небольшого размера.

— Отличная идея, товарищ майор! — Я даже вскакиваю по стойке «смирно» и начинаю «преданно жрать глазами начальство». — Просто великолепная! Не побоюсь этого слова — гениальная!!! — Я резко меняю восторженный тон на скучно-скептический. — А моя-то выгода в чем? Вы получаете кругом красавцы, а мне-то с этого что, кроме глубокого морального удовлетворения?

— А тебе, товарищ прапорщик, — не удерживается от подколки Исмаилов, — снабжение со складов объединенной войсковой группировки по нормам отдельной ДРГ.⁸⁴ Тебе мины нужны? А может, пластит? Патроны, ВОГи, карта, столь тобой желаемая, черт ее возьми? Так вот, наемнику, каким бы замечательным парнем он ни был, мы этого выдать не имеем права, а вот командиру отдельной диверсионно-разведывательной группы — обязаны.

Я снова падаю на стул и погружаюсь в задумчивость.

— Блин, мужики, афера чистой воды!

— Да тут, считай, вся война — сплошная афера, — отвечает мне Олег. — Так что, согласен?

— Значит, так, если дадите все, что обещали... Кстати, ты забыл упомянуть про горячее для служебного автотранспорта, «вещевку» всякую, те же «лохматые камуфляжи». Опять же, «боевые» у вас тут как, выплачивают?

— Нет, ну я с тебя фигею, господин Тюкалов! Ты вслед за пальцем не то что руку, голову откусить норовишь!

— Ты, господин контрразведчик, скажи спасибо, что я с тебя положенный на группу из десяти человек автотранспорт не требую! И стрелковое оружие. И оптику. И средства связи. А ведь мог бы!

— Спасибо, Миша! — ухмыляется в ответ Исмаилов. — Да уж, ухарь вроде тебя мог бы и портянки на всех затребовать...

— Вот-вот, и я о том же! Одним словом, если сможете это все должным образом оформить — я не против.

— Ну, вот и договорились. Значит, все это, — Олег снова кивает на монитор ноутбука, — мы с Игорем оформляем как первый, пробный выход свежесформированной диверсионно-разведывательной группы, предназначенной для действий на территории Непримиримых Тейпов. Кстати, ты когда следующий выход планируешь? Сколько у нас времени на подготовку есть?

— Через неделю-полторы, не раньше. Погода испортилась, грязь в предгорьях и горах месить — не самое умное занятие. Да и Толю еще гонять и гонять.

— Ну, вот и отлично! К этому времени как раз все и оформим, и получим со склада, и сюда перевезем.

Распрощавшись с Костылевым и Исмаиловым, спускаюсь на первый этаж в финчасть. Все у той же полной доброжелательной тетки, обозвавшей меня на прощание «передовиком производства», получаю деньги за «бошки» и направляюсь на выход. И прямо перед «дежуркой» нос к носу сталкиваюсь с Настей. На этот раз на ней не легкий ситцевый сарафан, а черный прыжковый костюм с шевроном Комендатуры и сержантскими лычками на погонах. Светлые волосы собраны в аккуратный пучок на затылке, а свернутый черный берет заправлен под хлястик левого погончика. Из набедренной тактической кобуры торчит рукоять ни много ни мало, а «ГШ-18». Легкие хромовые сапожки с обтягивающими икру голенищами чуть не пускают по стенам солнечных зайчиков. Ох, мама дорогая, какая серьезная барышня! «Капитанская дочка», издание улучшенное и дополненное! И, что интересно, в форме она кажется едва ли не более привлекательной, чем в открытом сарафанчике на тонких бретельках.

На секунду застыв, вытягиваюсь во фрунт, словно гренадер времен Екатерины Великой, благо рост вполне соответствующий, вскидываю ладонь к виску в воинском

⁸⁴ ДРГ — диверсионно-разведывательная группа.

приветствии и вполголоса гаркаю:

— Здравия желаю, товарищ сержант!

— Вольно! — Ее смех звенит серебряным колокольчиком. — К пустой голове руку не прикладывают.

— Настенька, а кто вам сказал, что эта голова пустая? Она под завязку забита мыслями о вас! — решаю «закосить» под д'Артаньяна я. — А то, что вы имели в виду, называется «головой непокрытой».

— Можно на «ты», бессовестный лстец, — снова смеется она.

— Договорились, — тут же соглашаюсь я. — А какими ты судьбами тут, да еще в таком умопомрачительном виде?

— Вообще-то я тут служу, в связи. А это — мое форменное обмундирование.

— Оно тебе ужасно идет! — Блин, я сегодня прямо сама галантность, не переборщить бы, а то примет за мелкого ловеласа и Казанову «местечкового разлива». — А кем, если не военная тайна?

— Телефонисткой на коммутаторе.

— О! Теперь у меня есть причина незаконно подключиться к местной военной телефонной сети. Сделаю «врезку» и буду звонить, чтобы послушать твой голос.

— Болтун! — изобразив на лице шутливое осуждение, говорит она.

— Болтун, — с виноватой физиономией соглашаюсь я. — Зато галантный и обаятельный.

— Скорее, нахальный и назойливый, — подначивает меня Настя.

— Отставить! — пытаюсь изобразить суровость на физиономии. — В твоё сознание вкралась страшная ошибка, и ты приняла за названные тобой только что недостатки пару несомненных моих достоинств!

— Да что ты говоришь? И каких же это?

— Уверенный в себе и настойчивый.

В ответ Настя снова смеется негромким и очень красивым смехом.

— Да уж, Михаил, от скромности ты точно не умрешь.

— А смысл? Настенька, вокруг полным-полно куда более веселых способов «врезать дуба». Так зачем останавливаться на таком унылом и неинтересном?

— Хм, знаешь, а в этом, пожалуй, что-то есть! — согласно кивает она. — Ой, заболталась я тут с тобой, пора мне!

Я легонько придерживаю уже собирающуюся уходить девушку за локоть. Ну, была не была!

— Еще один вопрос можно? Что ты делаешь сегодня вечером?

Настя как-то уж очень внимательно смотрит на меня.

— А что?

— Да вот, собрал все остатки храбрости и решил тебя пригласить на свидание.

— Ох, ничего себе, ты наглый!

— Настойчивый, — глядя ей прямо в глаза, поправляю я.

— Нет, настойчивый, сегодня — никак. Служба.

— Тогда завтра, — не сдаюсь я.

Настя явно в некотором замешательстве от моего напора.

— Ну, хорошо. Завтра, но только если погода будет хорошая.

— Будет, — уверенным тоном заявляю я. — Под такое дело я тучи разгоню руками!

Аллегроу тут явно не помнят, и на мои слова и широкий взмах, которым я изобразил, как именно я буду разгонять тучи, чуть не сшибя при этом со стены какой-то призывающий к бдительности плакат в раме из тонких реек, Настя только прыскает в кулачок. Ну, что ж, принципиальная договоренность достигнута, осталось обсудить время и место встречи.

Комендатуру покидаю в весьма приподнятом настроении. Однако свидание — это, конечно, здорово, но и про дела забывать не стоит. А значит — бегом в «Псарню», трофейным стволам «предпродажную подготовку» проводить. А по дороге к деду Тимохе

заскочить и новый чехол под «Кенвуд» прикупить.

Старосельцев, похоже, уже смирился с мыслью, что в гости меня позвать не получится, и в ответ на мои сбивчивые объяснения и извинения только рукой махнул. Правда, поворчал себе под нос что-то про вечно спешащих и никогда из-за этого никуда не успевающих молодых оборотов. Я только согласно и виновато помотал головой, еще раз извинился и, расплатившись, потопал в гостиницу, которую про себя уже спокойно называл домом. Да, вот такой я странный человек. Видимо, сказалось «кочевое» детство, когда моя семья вслед за отцом-офицером раз за разом переезжала из одного гарнизона в другой. И теперь дом для меня — это всего лишь место, где я ем, сплю и где лежат мои вещи. До сих пор не могу забыть, как расстроилась мама и как ржал отец, когда я во время срочной службы, приехав на сутки в увольнение, покидал родительскую квартиру со словами: «Всем пока, я домой поехал!» И ведь на самом деле, чисто автоматически вырвалось.

Анатолия я застал за столом в зале трактира, где он сидел в окружении толпы слушателей и что-то громко вещал, размахивая зажатой в кулаке кружкой с пивом. Похоже, по энциклопедическому кругу во всех красках живописал наши подвиги.

— Але, Курсант, пиво на стол поставь! Или тебе чая в караулке у Умарова не хватило? — насмешливо кричу я ему прямо от порога.

Застигнутый врасплох оратор резко обрывает свой монолог и, покраснев, аккуратно приземляет кружку на столешницу. Народ тут же начинает активно интересоваться у смутившегося Толика, что ж там приключилось с чаем, но я благородно выручаю напарника из ситуации, в которую сам же его и втравил.

— Надеюсь, выпил немного? Тогда подъем, нам баул с трофеями разбирать, а потом еще оружие чистить.

— Нет, Миш, почти и не пил. Эта, — напарник кивает на стоящую перед ним наполовину пустую кружку, — вторая. Так, отхлебывал помаленьку, чтоб глотка не пересохла.

— Ну и правильно, — одобряюще киваю я. — Посидел, выпил, с народом пообщался — дело хорошее. А теперь работать пора. Пошли.

Уже почти у дверей моей комнаты Толя вдруг спрашивает.

— Миш, а может, сначала оружие почистим?

— Нет, стволы пусть еще пару-тройку часиков в соляре «пооткисают». А то мы их не отскребем. А что такое?

— Да так, — мямлит себе под нос Курсант.

Странно, что это у него рожа такая смущенная, будто у пацана, который на краже бабушкиного варенья из буфета запалился? Возникает стойкое ощущение, что ему очень хочется оттянуть момент «потрошения» баула с добычей. С чего бы, интересно?

Вопрос разрешился сам собой, как только мы начали процесс разбора и сортировки. Выглядит это следующим образом: я сижу прямо на полу и гогочу, словно умалишенный, а пунцовый от смущения Толя один за другим достает из недр подаренного Старосельцевым «брезентового монстра» прихваченные им на бандитской заставе трофеи. Появление некоторых из них вызывают у меня очередной взрыв хохота, грозящего вскорости перерасти в полноценную истерику.

— Я с тебя дурею, напарник, — всхлипываю я, утирая выступившие на лбу капельки пота. — И это меня в свое время друзья хомяком называли! Да нет, дружище, хомяк — это ты, а я так — погулять вышел. Вот скажи, это тебе зачем? Тебя что, Кузьма плохо кормит?

— Да хрен его знает! — Толян в расстроенных чувствах отшвыривает куда-то в угол небольшой холщовый мешок, из которого со стуком на пол выкатываются два засохших до деревянной твердости лаваша. — Башка от страха вообще не соображала. Оружие и гранаты закидал, а потом сгребал, не глядя, все, что под руку попадет.

— Оно и видно! — ухмыляюсь я, тыкая пальцем в грудкухлама на полу. Кроме полутора десятков ручных гранат, десятка автоматных магазинов и вскрытого цинка с

ВОГаи рядом с изрядно «отощавшим» баулом россыпью лежит всякий мусор: какие-то древние, сточенные чуть не до огрызков складные ножи, коробочки и кисеты с насваем и анашой, курительные трубки, еще какая-то мелочевка. Кроме того — сразу три пяса,⁸⁵ грязных и засаленных настолько, что их, наверное, жарить можно — два зеленых и один темно-бордовый, и даже молитвенные четки с зелеными каменными костяшками и черно-зеленой кисточкой.

— Мдяаа, — с философским, задумчивым видом тяну я, — ну, с другой стороны, хоть ложки-миски не прихватил. Уже хорошо.

— Слушай, Миш, давай я все остальное прямо сейчас на помойку вынесу, а? Хватит уже с меня позора, — канючит Толя.

— Э нет, брат, так дело не пойдет. Смотреть будем до конца. Мало ли, а вдруг что-то ценное или интересное ты все-таки к рукам прибрал? А про все это, — я снова тыкаю пальцем в рассыпанный по полу мусор, — я никому не расскажу, не волнуйся. Все, что происходит в группе, в ней и остается. Наружу — только сведения о том, какие мы крутые, могучие, умные и непобедимые. Понял?

— Угу, — сопит слегка успокоенный моими словами напарник, продолжая извлекать на свет божий то сильно помятую консервную банку без этикетки, то выгребать откуда-то со дна горсти патронов.

— Стоп! — резко останавливаю я его, увидев, что он уже собрался было выкинуть в кучу с мусором, который мы определили на выброс, мятую тетрадь в облезлом клеенчатом переплете. — Я тебе, балбесу, сколько раз про важность документов говорил?

— Так то документов... — как-то неуверенно тянет Толя. — А это разве документ? Рванье какое-то...

— А ты думал, что все важные бумаги всегда хранятся в кожаных папках с золотым тиснением «Совершенно секретно»? Да любая бумажка, найденная у врага, может оказаться важной, как бы ни выглядела. Эх, молодо-зелено, учишь вас, учишь, а все без толку! Дай-ка ее сюда.

Раскрываю и перелистываю переданную Толей тетрадку. Если не принимать во внимание жуткую мешанину русских и чеченских слов и огромное количество ошибок, то ничего особенного. Обычный, написанный простым карандашом, конспект по боевой подготовке. У меня давным-давно, когда я только начинал срочную службу в армии, похожий был: пара страниц по медицине, пара — по военной топографии, пяток по минно-подрывному делу, десяток-полтора — по тактике и огневой... А еще — строевой подготовки и Уставов нету, повезло уродам. Одним словом, обычный солдатский конспект. От того, что я писал в далекой армейской юности, отличается лишь тем, что картинки я рисовал не такие корявые, и грамматических ошибок было намного меньше. Хотя, думается мне, Исмагилова заинтересует вовсе не содержание этой тетради, никаких особых «откровений» в ней точно не найти. Важен сам факт ее существования. Кто-то обучает бойцов Непримиримых Тейпов, обучает централизованно, а самых грамотных еще и конспекты писать заставляет. А это уже весьма тревожный «звоночек».

— Миша, а это что за хрень? — вырывает меня из задумчивости голос напарника. — Самоделка, что ли?

— Где? — рассеянно отвечаю я, но, увидев, что он мне протягивает, даже роняю тетрадку себе на колени. — Вот это ни черта себе! Ты где ее взял?!

— Так в блокпосту «духовском» и взял. В ящике, вместе с обычными валялась.

— А других таких точно не было?

— Точно, — уверенно отвечает Толя. — Она приметная.

В руках Курсант держит облезлый черный цилиндр американской наступательной гранаты «МКЗА2».

⁸⁵ Пяс — чеченский национальный мужской головной убор.

— Так я не понял, это что, «самопал» какой-то?

— Нет, Толя, — отвечаю я напарнику, принимая из его рук странную, совершенно неуместную в чеченских горах находку, — это не «самопал». Это, друг мой, Grenade Hand Offensive, видишь, — тычу я пальцем в почти уже совсем стершиеся желтые буквы на округлом боку гранаты, — написано. Американская, мать ее.

— И чего эта тарабарщина значит?

— Ручная наступательная граната.

— Хорошая хоть? — с искренним интересом спрашивает Толик.

— Да так, — я корчу лицо в неопределенной гримасе, — ни рыба ни мясо. Вроде нашей «РГД», только запал горит чуть не в два раза дольше.

— Понятно, — разочарованно кривится он. — Хрень полная. Значит — на продажу...

— Не, никакой продажи, вместе с тетрадкой в контрразведку отнесем. Исмагилову в подарок. А все барахло сейчас ссыплем в баул, и ты вечером до помойки прогуляешься, чтоб никому на глаза не попасться, а то смеху будет на весь Терской Фронт.

— Хорошая идея, — покладисто соглашается Курсант, уже сообразивший по моему поведению, что «косяк» с кучей «захваченного в плен» хлама если и не забыт совсем, то уж точно заглажен тетрадью и гранатой.

Кроме всего прочего, обнаружили мы среди трофеев даже немного денег, чему я, если честно, был немало удивлен. Судя по тому, как на вырезанном нами блокпосту неслась служба, вполне логично было предположить, что «вкалывали» тамошние обормоты за еду, а то и вовсе в счет погашения какого-нибудь долга. За деньги обычно работают, ну, не знаю, более ответственно, что ли. Но деньги все же нашлись. Я поделил на две равные кучки примерно горсть разнокалиберной медной мелочи и два десятка найденных серебряных монеток, часть из которых была явно не югороссийскими рублями. Почти такого же размера, что и рубли, серебряные монеты с круговым орнаментом из звезд и полумесяцев по краю и сложной арабской вязью в центре были не похожи ни на одну из виденных мною в «прошлой жизни». Хотя нумизмат из меня, конечно, никакой.

— Турецкие... — безразличным полувопросительным, полуутвердительным тоном протянул я, протягивая Толику его долю.

— Угу, — так же спокойно ответил он, — куруши, блин. Ну, ничего, принять их у нас все равно примут, а там — в переплавку пойдут.

Мне осталось только равнодушно кивнуть.

— Слушай, Миш, тут слишком много, — засуетился вдруг напарник. — Ты меня что, на жадность решил проверить?

Вот ведь, блин! Опять я «косяк упорол»! Так, теперь надо как-то выкручиваться...

— Слушай меня внимательно, Курсант, и запоминай. У Убивца в отряде, и вообще у наемников, дела с оплатой обстоят немного иначе, знаю. Но мы с тобой — уже не просто Вольные Стрелки. Мы — диверсионно-разведывательная группа. И у нас все, взятое с бою, будет поровну. Потому что нас мало, и мы с тобой, напарник, все время по самому краю ходить будем. Вместе. И никаких глупых «непоняток», особенно денежных, между нами быть не должно. Потому как, ежели что, подыхать нам с тобой тоже вместе. А из-за денег периодически появляется недоверие друг к другу, которое в бою может плохо кончиться. Для обоих. Да, за «горку», кобуру и РПС ты мне должен, при случае отдашь. Как разбогатеешь. Рацию ты сам добыл, в бою. Ну а «подствольник» — это вообще укрепление нашей командной огневой мощи, тут вообще говорить не о чем. Все понял?

— Понял, — отвечает напарник.

— Ну, вот и молодец. Но учти, отныне никакие отговорки типа «у меня денег не было» или «я купить забыл» в отношении боеприпасов и прочей амуниции — не принимаются. Деньги у тебя теперь есть, а значит — должно быть все, что нужно в бою и что можно за эти деньги купить. Понял? Да, и еще одно. Есть в разведке такое древнее правило — каждый имеет право голоса. Если при разработке плана появляется какая-то дельная мысль — не стесняйся, высказывай. Не факт, что примем, но уж точно обдумаем. Ладно, хватит с тебя на

сегодня инструктажей! — хлопаю я его по плечу. — Пошли, пообедаем, жрать-то, небось, охота уже? Я и сам бы перекусил с удовольствием. А потом — во двор, нас там оружие нечищенное заждалось, поди.

Плотно и с удовольствием перекусив, чем бог послал, а вернее, чего Зинаида нам приготовила, снова поднимаемся наверх и, прихватив с собой ружейное масло и ветошь, идем на задний двор, где дожидаются своего часа утопленные в солярке стволы. Чистка нам предстоит долгая и вдумчивая, можно сказать, промышленного масштаба. После такой комнату придется не один день проветривать. Поэтому лучше ею заняться на свежем воздухе. Погодка, конечно, не фонтан, но, с другой стороны — на улице не холодно, хоть и пасмурно, дождя нет, а если вдруг и пойдет, то навес у Кузьмы хороший, и ветер во внутреннем дворе совершенно не чувствуется. Так что условия вполне приличные.

Расположившись на длинной деревянной скамье под навесом, приступаем к тщательной и неспешной чистке оружия. Саму соляру я выливать не стал, наоборот, накрыл ванночку небольшим куском жести, лежавшим в том же сарае. Мало ли, может и еще раз пригодиться. Нам же ею не машину заправлять, даже если и выдохнется — ничего страшного. Для «замочки» очередной партии трофеев и такая сгодится.

Так и сидим, разложив разобранные стволы перед собою на старых мешках, брошенных прямо на утопанную до состояния, близкого к бетону, землю. Толик возится с карабинами, а я полирую смоченной в масле тряпкой железные «потроха» одного из «семьдесят четвертых». Руки делают ставшую за многие годы совершенно привычной работу сами, без участия головы, поэтому я еще умудряюсь «травить» напарнику разные смешные армейские байки, которых знаю великое множество. Не забывая при этом зорко поглядывать на манипуляции, которые он производит с «СКСом». Напрямую просить его показать мне порядок сборки и разборки карабина, пожалуй, не стоит. Еще такого конфуза и пятна на авторитет мне не хватало! Но и знать, как и что с ним делать, — тоже необходимо. Судя по всему, «СКС» из стратегических резервов давно почившего Советского Союза, в здешних краях оружие весьма распространенное. По крайней мере, небогатых селян, входящих в ополчение Червленной и других окрестных станиц, вооружали именно им. А что? Русский мужик, он по натуре прижимистый. Автомат, оно, конечно, получше. Но он денег стоит. Да и на кой автомат простому пастуху или землепашцу, если воюют все-таки военные и бойцы Охранных Рот или Дорожной Стражи? Им это по службе положено. Вот, пусть и воюют. А для обороны и «СКСа» — за глаза. Опять же, карабины в свое время со складов бесплатно раздавали. Вот, ежели прижмет, ими и будут воевать. А пока жареный петух никуда не клюет — деньги можно и на что-то в хозяйстве более нужное потратить. Конечно, такого мнения были не все, но очень многие.

Тихо лязгает железо, изредка капает на мешковину масло, неторопливо елозят по полированному или вороненому металлу куски мгновенно чернеющей ветоши. Я продолжаю балагурить, не забывая убирать из историй лишнюю конкретику, типа названий населенных пунктов и дат, когда эти события происходили. Толик хохочет. Идиллия! А вот мысли в моей голове бродят не шибко веселые.

Похоже, ситуация на Терском Фронте куда серьезнее, чем мне думалось вначале. Скорее всего, в самом начале, когда и здесь, и на севере, за Волгоградом, всюду шло кровавое «веселье» с применением артиллерии, авиации и тяжелой бронетехники, о том, кто же теперь главный, никто особо не задумывался. Всем хотелось только одного — выжить. Но вот первоначальная цель была достигнута — выжили и даже слегка оклемались, начали строить некое подобие нормальной жизни. Тут-то и начались, скорее всего, первые проблемы. С одной стороны — в одиночку не выжить, и это прекрасно понимали даже самые тупые из тогдашних региональных лидеров будущей Югороссийской республики. С другой — гнуться под какого-то «чужого дядю», добровольно передавая ему наверняка весьма нелегко добытую власть, точно никому не хотелось. Вот тогда скорее всего и была достигнута договоренность о «широкой автономии» Терского Фронта, который формально входил в состав республики, но имел еще и свою собственную армию и вооруженные отряды

местного ополчения, в которое входили все мужчины начиная с 16 лет. Как я понял, кроме жителей Терского Фронта, Дагестана и самых северных районов, граничащих с зараженными радиацией землями, больше нигде в Югороссийской республике гражданские на руках огнестрельного оружия не имели. Правительство считало, что в центральных областях вполне достаточно и милиции. Одним словом, старая как мир история — власть до дрожи в коленях боится, что имеющий оружие народ может это самое оружие повернуть против нее. Совершенно не учитывая, что в случае опасности этот самый народ может мгновенно встать на защиту власти, вместо того чтобы терять драгоценное время в очередях перед армейскими складами и военными комиссариатами, или где у них тут будут вооружать боеспособных мужчин в случае чего. Опасность-то может и не наступить, а вот если люди будут вооружены, то и управлять ими, как бессловесной скотинкой, уже не выйдет. Оружие в руках как-то резко повышает самооценку и способствует появлению гордости и чувства собственного достоинства у того, кто им владеет. А оно власти надо? Серой массой, которая, в полном соответствии с классиком, всегда «безмолвствует», править намного легче и спокойнее. Некоторые вещи вообще не меняются!

Думаю, не будь Непримиримых и «дамоклова меча» турецкой угрозы, Ростов бы давно уже попытался и терцев разоружить, и автономию Фронта поурезать. Да вот беда, ежели у казаков оружие отобрать, кто ж будет южные границы республики охранять? Из безоружных буфера, что первый удар врага на себя в случае чего примет, не получится. Вот и приходится Ростову, скрипя зубами, своевольных ребят с Терека терпеть. Хотя, как Костылев сказал, по мелочам гадить уже начали. Толковых офицеров не шлют, размеры «федеральной» части гарнизонов увеличивать не хотят, новой военной техники у них не допросишься, вон, даже ту, что есть, толком починить не могут. Хотя, как мне кажется, в том же Харькове или в самом Ростове-Дону на машиностроительных заводах что-нибудь да производят. Разумеется, не «Т-80» и не «БТР-90». Но и не «Т-34» же! Уж выпуск чего-нибудь, уровня «Т-55» и «сто пятьдесят второго» БТРа, вполне могли освоить! Да и в бездонных «закромах Родины» всего этого, по меркам «девяностых» и «двухтысячных» годов, «хлама» должно было оставаться еще немерено. Ну да, на фоне техники конца двадцатого — начала двадцать первого века они не выглядели серьезно... Хотя еще с какой стороны посмотреть, тот же «Т-55» с его 100-мм пушкой, двумя «СГМТ»,⁸⁶ курсовым и спаренным с орудием, и зенитным «ДШК» на башне, да с почти двумя сотнями миллиметров лобовой башенной брони и тогда мог дел дел натворить с грамотным экипажем. А уж по нынешним временам — так это вообще клад!

Вот только никому в Ростове не нужен слишком сильный Терской Фронт. Нет, совсем на «голодном пайке» не оставят, все-таки со своей ролью буфера между Ростовом и турками, а заодно и пограничной стражи, терцы справляются хорошо. Но и усиливать их сверх необходимого минимума ростовские «умные» политики явно не собираются. Им автономия Фронта и так, словно кость в горле. А ведь если и без того строптивые казаки еще сильнее окрепнут... Кто знает, какие мысли могут прийти в их забубенные головушки? Нет, на такой риск Ростов не пойдет. Политики, мля! Вечно все проблемы от них! Из-за «глобальных замыслов», родившихся во всевозможных «высоких» кабинетах, с обеих сторон всегда умирали простые парни, которые изначально и вражды-то особой к «оппонентам» с противоположной стороны не испытывали. И которым на те самые «замыслы» плевать было с высокой колокольни. Вот бы заставить политиков самих за свои идеи друг с другом биться. То-то вояки бы посмеялись! Жаль, все это фантазии.

А если отставить неуместное ерничанье, то дела хреновые. По всему видно, назревает в здешних краях какая-то серьезная заваруха. Сил на отражение возможной агрессии если и хватит, то совсем впритык... А ведь может и не хватить, мы же о планах и возможностях врага ничего толком не знаем. И на помощь, похоже, особо рассчитывать не стоит. Да уж,

⁸⁶ СГМТ — станковый пулемет Горюнова модернизированный, танковый, калибра 7,62 мм.

было бы хуже — да некуда!

— Эй, Миш, ты как, в порядке? — возвращает меня к реальности голос напарника.

— Что? А да, Толь, все отлично.

— Точно? — Курсант глядит на меня с подозрением. — А то у тебя вдруг лицо стало такое... Нехорошее. Будто ты кому-то шею свернуть собрался.

— Не бойсь, Анатолий! Надо будет — так мы с тобой кому хошь шею свернем. Фигли нам, молодым-красивым, холостым-неженатым! — Я с улыбкой пихаю напарника кулаком в литое плечо. — Прорвемся!

— Точно! — соглашается Толя.

— Ну что, — я окидываю взглядом разложенное на мешках вычищенное оружие, — вроде, закончили? Похоже, можно к Сергеичу в «Ратник» собираться.

— А «подствольник»? — интересуется Толя, напоминая мне про обещание привести в приличное состояние подствольный гранатомет, доставшийся ему «в наследство» от командира бандитского блокпоста.

— Да не мороси ты, сделаю я твой «подствольник» в лучшем виде. Сразу, как вернемся, сяду и сделаю.

Удовлетворенный ответом Курсант кивает и начинает убирать почищенные автоматы, карабины и пистолеты в заранее припасенный баул. И то правда, пора к Сергею Сергеевичу наведаться, а то ведь дело уже к вечеру.

С продажей оружия мы чуть не пролетели. На дверях «Ратника» красовалась табличка «Закрыто. Прием товара», а в раскрытые настежь тяжелые стальные ворота, закрывавшие въезд во внутренний двор оружейной лавки, аккуратно сдавал задом здоровенный тентованный грузовик. «В девичестве» он явно был армейским «КамАЗом», но сейчас больше походил на пьяный бред какого-нибудь автомилитариста или рабочий реквизит для очередной серии «Безумного Макса»: всю кабину грузовика закрывали броневетровые листы, оставив спереди и по бокам лишь узкие смотровые щели, тускло блестящие стеклом триплексов. Колеса тоже прикрыты бронешитами. Вместо бампера — мощная конструкция, больше похожая на небольшой бульдозерный ковш с выступающей вперед, словно таран древнегреческой биремы или триремы, средней частью. Под многочисленными прорезами в брезентовом тенте тоже виднеется тусклая броневетровая сталь. Нет, точно «Безумный Макс»! Это сколько ж этот мастодонт весит? А горючего жрет сколько? Хотя, учитывая, что он перевозит, — затраты хозяев наверняка с лихвой окупаются. Улицу в обоих направлениях довольно грамотно «держат» шестеро крепких мужиков в одинаковом камуфляже совершенно незнакомой мне расцветки. Какая-то чудная «пятицветка», немного похожая на нашу омовскую «куклу» или британский DPM. И не сопляки, в годах дядьки, где-то чуть за сорок всем, судя по внешности, вооружены новенькими «АКМСами», позы вроде расслабленные, но взгляды внимательные, настороженные. Да, блин, серьезные товарищи, матерые. Может, и не спецназ, но бойцы опытные и грамотные. Что называется — пехота-профи.

— Эй, дружище, привет, — машу я рукой самому ближайшему из них. — Мне Сергей Сергеевич нужен. Подойти можно?

Тот пристально смотрит на меня и кивает. Но стоит только мне сделать пару шагов вперед, как он вскидывает к плечу уже снятый с предохранителя автомат и резко бросает:

— Спри!⁸⁷

Я замираю, как вкопанный, и даже руки слегка приподнимаю, не то, чтобы сдаваясь, скорее — успокаивая.

— Э, мужик, спокойнее! Ты чего такой нервный? Сначала киваешь, потом стрелять собираешься. Ты что, блин, болгарин?

Мужик слегка опускает ствол автомата и снова внимательно смотрит на меня, а потом

⁸⁷ Стой! (болг.).

отрицательно мотает головой, но при этом говорит:

— Да, болгарин.⁸⁸

— Он что, псих? — тихо шепчет у меня за спиной Толя.

— Нет, Курсант, все нормально, я тебе про это потом объясню, — так же тихо отвечаю я, слегка повернув к нему голову. — Главное — стой спокойно и глупостей не делай.

Из-за машины внезапно появляются Сергей Сергеевич и еще один, судя по такому же, как и у часовых, камуфляжу, гость из «солнечной Болгарии».

— Миша, у вас все в порядке? — тут же въезжает в ситуацию пожилой и мудрый торговец оружием.

— Да, Сергей Сергеич, все нормально. Просто небольшое недоразумение, — немного натянуто улыбаюсь я, автомат часового все еще смотрит мне точно в брюхо, и от этого мне слегка неуютно. — Но, надеюсь, сейчас с вашей помощью все и разрешится.

— Конечно-конечно! Георгий, — обращается он к часовому, — это мои друзья, их можно пропустить.

Тот, похоже, не хочет больше экспериментировать с жестами и просто произносит: «Добре!», опускает автомат и отходит на шаг в сторону.

— Драго, я буквально на несколько минут отойду с ребятами, — оборачивается Сергей Сергеевич к своему спутнику. — Все равно машину пока еще не разгрузили. Кстати, познакомьтесь, Миша, Толя — это Драгомир Христов, он командир группы сопровождения караванов «Арсенала». Драго, а это те самые парни, что упрямо лезут вам в конкуренты, правда, у них оружие не новое.

— Ааа, — улыбается тот, протягивая нам с Толиком руку, — да-да, уже о вас наслышан. Гроза и ужас Непримиримых.

Интересно говорит дядька, вроде и чисто, и фразы строит правильно, но все равно видно, что русский для него не родной.

— Да ладно, — отмахиваюсь я, ответив на крепкое рукопожатие. — Сами знаете, слухи — дело такое: насочиняют такого, что сам потом собственные дела по рассказам опознать не можешь.

— Бывает, — соглашается болгарин. — Но, с другой стороны, как у вас говорят: «Дыма без огня не бывает». Так что не стоит скромничать. А сейчас, извините, мне надо проконтролировать разгрузку. Рад был знакомству. Надеюсь, еще увидимся.

— Ну, что ж, Миша, пойдемте в магазин. Посмотрим, что вы на этот раз добыли, — подхватывает под руки нас с Толей Сергей Сергеевич, как только Христов уходит назад, к «монструозному» грузовику.

В этот раз общение вышло несколько скомканным, хозяин «Ратника» явно спешил, что, впрочем, совершенно не отразилось на его дотошности. Он с ходу отложил уже упомянутый мною «стечкин» и один из «ПМов» в сторону со словами:

— Полный хлам, Миша, возьму только на запчасти и исключительно из уважения к вам как к аккуратному, добросовестному клиенту.

Мне оставалось только согласно «мотнуть гривой». Зато за все остальное он заплатил довольно щедро. Наши усилия не прошли даром, и после чистки автоматы и карабины выглядели вовсе не так плачевно, как до нее. Полученные деньги я снова честно поделил пополам и тут же отдал одну половину напарнику.

— Да, Миша, подождите, чуть не забыл! — останавливает меня окрик Сергеича прямо на пороге.

Я оборачиваюсь и вижу в руках торговца, похожего сейчас не столько на доктора из «Формулы любви», сколько на Мюллера в момент произнесения знаменитого: «Штирлиц, а вас я попрошу остаться...», черный металлический тубус, примерно двадцати сантиметров

⁸⁸ Есть у болгарского народа интересная особенность: кивок головой, во всем мире означающий согласие, означает у них отрицание, а мотание ею из стороны в сторону — согласие.

длиной и пяти — в диаметре. Не опознать в нем ПБС способен разве что слепой или человек, бесконечно далекий от армии и всего, что с нею связано. Я — не первое и уж точно не второе, и поэтому радостно бросаюсь назад.

— Сергей Сергеич, дорогой вы мой человек, неужто достали?

— Спокойнее, Михаил! — слегка осаживает он мой пыл. — Это всего лишь корпус. Ни обтюратеры, ни патроны пока не готовы. Но и то, и другое будет в течение ближайшей недели-полутора. Так что готовьте деньги.

— Да хоть сейчас! Сколько?

— Погодите, Миша, прямо сейчас — не надо. Вот когда все будет готово, тогда и побеседуем.

— Сергей Сергеевич, скажите честно, вам уже говорили, что вы — изверг?

— Простите, если расстрою, Миша, но говорили, и неоднократно, — ехидно улыбается тот. — Так что оригинальным быть у вас не получилось.

— Да ладно, — вздыхаю в ответ я. — Не очень-то и хотелось. Значит, говорите, полторы недели, не больше?

— Возможно, даже меньше, — дружелюбно обнадеживает он меня на прощание, а потом внезапно меняет тон на деловой. — А теперь, простите, молодые люди, но у меня на самом деле приемка товара!

Парни мы с Толей толковые, «тонкий» намек понимаем с полуслова и, распрощавшись, покидаем «Ратник».

По дороге к Комендатуре я рассказываю Толику о некоторых особенностях болгарской жестикуляции. Тот только удивленно пожимает плечами.

— А с чего это у них все так, не по-людски?

— Да кто ж их поймет, напарник. Наверное, им так больше нравится. Хотят отличаться от окружающих.

— Ну, не знаю, если от такого отличия одни проблемы, что тебе, что окружающим, то на фига оно вообще нужно?

— Сложный вопрос, Анатолий, — улыбаюсь я. — Предлагаю тебе задать его нашим болгарским союзникам.

— Не, Миш, — машет на меня руками Толя, — что-то не хочется. Ты их рожи видел? А если у этих головорезов с чувством юмора плохо? Из-за кивков башкой с союзниками перестрелку устраивать? Да пусть живут как хотят!

— Вот, похоже, именно поэтому они до сих пор и не переучились! — с самой серьезной физиономией подвожу черту под разговором я.

Толик только хихикает в ответ и тут же замирает, обводя широко раскрытыми глазами площадь перед Комендатурой, на которую мы только что вышли.

А зрелище перед нами предстало вполне впечатляющее. Вдоль стены, окружающей двор Комендатуры, выстроились в линию, будто на параде, шесть грузовых «КамАЗов» и четыре БТРа-«восьмидесятки». Все грузовики выглядели братьями-близнецами того бронированного монстра, которого мы видели возле оружейной лавки. Такие же огромные, уродливые из-за дополнительных листов брони, но могучие и грозные. БТРы смотрелись не так устрашающе, несмотря на то что тоже имели не предусмотренные изначально проектом броне-экраны. Хотя, с другой стороны, БТР и не должен никого пугать, у него задача другая. И установленный на «восьмидесятых» КПВТ с этой задачей вполне эффективно справляется. И не только КПВТ... Приглядевшись чуть внимательнее, я понимаю, что самый дальний, почти полностью скрытый от меня корпусами других машин бронетранспортер — не «классический» БТР-80, а «Нона» на его базе. Да уж, ребята на сопровождении явно не экономят! «Нона» с ее 120-мм пушкой — противник серьезный. Она может «фугануть» осколочно-фугасной миной на семь километров, а специальным снарядом с уже готовыми нарезками — почти на девять. В ближнем бою, правда, от нее толку немного, но для ближнего есть «восьмидесятые» с их калибром в четырнадцать с половиной миллиметров. Тут обстановка была явно попроще, чем перед «Ратником». Болгары, хотя и

приглядывали по сторонам, но уже без той настороженности, что видна была в караульных у лавки Сергея Сергеевича. Две пары бойцов, демонстративно сняв автоматы с предохранителей и не выпуская их из рук, охраняли подходы к машинам, остальные же либо сидели на «броне», либо болтали друг с другом или бойцами Охранной Роты, что стояли на входе в Комендатуру и... Блин, они курили!

Надо же! А вот в здешних краях я курящих и не видел пока. «Долбившие» на блокпосту анашу боевики Непримириных — не в счет. Скорее всего, в первые годы после Тьмы, особенно когда похолодание пошло и все начали к грядущей «ядерной зиме» готовиться, в здешних краях стало как-то не до выращивания табака, даже самосада. А сигареты из старых запасов наверняка довольно быстро закончились. Вот и пришлось народу отвыкать от вредной привычки в принудительном порядке. А когда дела на лад пошли — табака уже и взять-то негде. А тут — вполне обычные сигареты, правда, без фильтра. Вроде «Астры» или «Примы». Значит, братушки, помимо оружейного, еще и табачное производство сохранили. Молодцы!

Обойдя на всякий случай болгарских «зорких часовых» по небольшой дуге, мы с Толяном подходим к проходной. Парни на входе оказались знакомые, ну да, интересно, после наших с Курсантом ежедневных утренних пробежек остался ли в Комендатуре хоть один не знающий нас охранник?

— Привет-привет, спортсмены, — здоровается с нами старший наряда, дочерна загоревший, с выцветшими на солнце почти добела пшеничными волосами и усами и оттого здорово похожий на негатив, крепыш-старшина в лихо сдвинутом на самую макушку берете. — Далеко путь держите?

— И тебе не кашлять! — в тон ему отвечаю я. — До начальства твоего.

— Извините, мужики, нету никого. Уехали.

— Что, и Комендант, и Исмагилов?

— Ага, вместе укатили. Там наши в Ханкалу из рейда какого-то серьезного «бородатого» приволокли, а до кучи, говорят, еще штук пять на месте привалили, — лицо старшины лучится такой гордостью, будто он лично притащил в штаб перспективного «языка», в одиночку порешив перед этим пяток Непримириных.

— Красавчики! — соглашаюсь я. — Хорошее дело сделали, нужное.

— А то! Не одним же вам, наемникам, геройствовать, — беззлобно подначивает меня один из бойцов. — Мы тоже кой-чего можем.

— А кто ж спорит, хлопцы? Толковых бойцов на Терском Фронте много, но не всем повезло к Убивцу в отряд попасть! — отшучиваюсь я.

В ответ раздается дружный хохот. Шутку поняли и оценили даже стоявшие неподалеку болгары.

— Ну, как говорится, на нет — и суда нет, завтра заскочим. Бывайте, ребята. Несите службу бодро, ничем не отвлекаясь...

Цитату из «Устава караульной службы», как-то совершенно случайно сорвавшуюся с языка, собравшиеся у проходной встречают новым взрывом всеобщего веселья.

— Ну, что, брат, — позевывая, спрашиваю я Толика на крылечке «Псарни», — сейчас на боковую? А то ночь у нас выдалась еще та...

Вместо ответа — умоляющий и немного обиженный взгляд. Вопль: «Ты же обещал!!!» на лице напарника крупным шрифтом набран. Вот, блин, молодежь пошла — никакого, понимаешь, почтения и понимания!

— Ладно, черт с тобой, уговорил, тащи свой подствольник, а то мне твои молящие глаза будут в кошмарах сниться! Опять же — ужин скоро, все равно вставать, а выспаться до него я так и так не успею.

Толя пулей улетает в свою комнату, а я, продолжая широко зевать, отправляюсь к себе. Вот интересное все-таки животное человек! То ходил-ходил, делами занимался, с людьми общался — все нормально. А тут в одну минуту нахлобучило, и, что называется: «Поднимите мне веки!» Почувствуй себя Виём, блин. Когда Толян хлопает дверью, я уже

практически сплю сидя. Но, давши слово — держись. Тяжко и протяжно вздохнув, встаю с кровати и захожу в душевую, пускаю себе на затылок тонкую струю холодной воды. Фу, вроде полегчало.

Сажусь на койку, гранатомет кладу перед собой на прикроватную тумбочку. Нет, все-таки главным достоинством (после надежности, конечно) нашего оружия всегда была его простота. Вот где бы среди западных аналогов найти гранатомет, все детали которого держатся на трех штифтах и одной хитро выгнутой проволочке? Ну, еще защелка, что ствол фиксирует. Все! И ведь работает, причем не то что не хуже, а даже и лучше своих иностранных «собратьев». Быстро разбираю подствольник. Ой, мамочки, да тут не просто грязно, тут уже вполне можно картошку сажать! Интересно, а он вообще у бывшего хозяина стрелял? Или тот его так таскал, «для форсу бандитского»?

— Слушай, Толя, — передаю я разобранный на три части гранатомет напарнику, оставив себе лишь штифты и проволочку, не хватало еще, чтоб Курсант их потерял случайно, — возьмика это безобразие, по недоразумению считающееся оружием, и вычисти-ка его так, чтоб блестел.

Толик принимает из моих рук многострадальный «Костер», понативно присвистывает, заглянув внутрь, и, достав из шкафа только что убранные туда ветошь и масло, снова топает во двор. Работа ему предстоит непростая, но сделать ее как следует — в его же интересах. А я, с чувством почти выполненного долга, опускаюсь на кровать. Спать я не собираюсь, нет, просто полежу немножко, а там и ужин подоспеет.

Ага, не собираюсь! Зарекалася свинья... Глаза я разлепляю с огромным трудом и только потому, что Толя настойчиво тормозит меня за ногу. Гляди-ка, запомнил! Не так давно рассказывал я ему, почему не стоит будить людей, тряся их за плечо. Все ж разные. И нервишки у многих войною подточены... Опять же, кто знает, что человеку снится в этот момент? Одним словом, если хочешь разбудить кого-то, постарайся быть вне досягаемости его рук, в противном случае — можешь и на удар кулаком налететь. И, хорошо, если кулаком! У некоторых есть не очень хорошая, но часто полезная привычка держать под подушкой нож или пистолет. У меня такого «бзика» нет, но знал я людей, у которых он был. И рассказал-то я об этом Толику так, между делом, как хохму. А он не только запомнил, но еще и к сведению принял. Нет, все-таки с напарником мне повезло! И соображает быстро, и память хорошая. Еще один плюс Курсант честно заработал.

— Да встаю, Толян, встаю, — сиплым со сна голосом бурчу я и со стоном принимаю относительно вертикальное положение. Голова сама не своя, как с похмелья. Эх, говорила ж мне в детстве мама, не спи, сынок, на закате солнца, голова болеть будет. Не послушался, а зря.

— Ну, ты силен, командир! Чуть ужин не проспал!

— Ага, — зевая, я чуть не вывихнул себе челюсть, — я такой! Но ведь не проспал же, правильно? Пошли, Анатолий, перекусим, да я твоей ГПшкой займусь. Ты ее вычистил?

— А как же! — он гордо стучит себя кулаком в грудь.

— Вот и отлично.

Поужинав и предупредив Кузьму, что сегодня концерта не будет, снова поднимаемся ко мне. Приведя вычищенный гранатомет «в чувство», сноровисто собираю его и передаю Толе.

— На, Курсант, владей! Стрелять из него умеешь?

— Неа! — радостно скалясь в тридцать два зуба, мотает головой напарник. — Не умею!

— Ну и чему тогда радуешься, балбес? — пытаюсь изобразить суровость я, но безуспешно, уж больно у Толяна физиономия счастливая. — Ладно, научу, там ничего сложного. А теперь — отбой. Пробежку и зарядку еще никто не отменял. Потом с ГП тебя работать научу. А после обеда в Комендатуру еще раз прогуляемся.

— А вечером что? Тактика?

— А вечером, Курсант, у командира свидание. Так что сможешь спокойно отдохнуть.

Гляжу на внезапно погрузневшее лицо напарника. Нет, вроде здоровый, как бес, а все

равно дите-дитем, ей-богу. С таким «умением» свои мысли скрывать в карты играть — лучше и не садиться.

— Выдохни, а то лопнешь! Я не с Оксаной на свидание иду.

— Да не, Миш, я не к тому, — затараторил враз «воскресший» Толик. — Я просто...

— Бабушке своей эти сказки рассказывай, — беззлобно усмехаюсь я. — Все, отбой по войскам. Завтра, как обычно, в семь на крылечке.

А утром на крыльце «Псарни» меня поджидают сразу два «маленьких сюрприза». Первый — не очень приятный: небо по-прежнему затянуто серой хмарью, не помогло учиненное мною в Комендатуре «колдунство». Правда, сегодня облака висят куда выше, чем вчера, а значит — надежда еще есть. К какой категории отнести второй, я пока не понял, он заключается в наличии на крылечке Саши Шурупа и Артема Коваля. Те, переминаясь с ноги на ногу, стоят рядом с Толей и явно ждут меня. На обоих — легкие маскхалаты и укороченные сапоги из мягкой кожи. Интересно...

— Так, и кому это еще кроме нас с Курсантом не спится? — притормаживаю я на верхних ступеньках лестницы, оперев кулаки в бока.

— Слушай, Михаил, — на правах более близкого знакомого начинает Шуруп, — мы тут с Темой посовещались промеж собой... Уметь — оно всегда лучше, чем не уметь... Хотим вместе с вами тренироваться. Возьмешь?

Хороший вопрос, Саша, хороший. С одной стороны, чем больше группа учеников, тем меньше времени у меня будет на «индивидуальный тренинг» с каждым. По тылам Непримиримых мне «гулять» с Толей, и его подготовка для меня на первом месте. С другой — случись что, на выручку поедут именно эти парни. И чем лучше подготовлены будут они — тем больше шансов выжить у нас. Да и тактические занятия в группе можно проводить более качественные.

— Хорошо, — согласно киваю я. — Но предупреждаю — будет тяжело. И «сбавлять обороты» ради кого-то из вас я не буду. Моя цель — себя в форме держать и вот из этого гаврика, — тычу я пальцем в Курсанта, — бойца сделать. Так что, если поймете, что не справляетесь — просто бросайте это дело. Без обид. Хорошо?

— Договорились, — в два голоса соглашаются парни.

— Ну, раз договорились, тогда в колонну по два становись! Мы не стадо баранов, чтоб вразнобой бегать. Побежим строем и в ногу, под счет. Вопросы, жалобы, предложения?

Вопросов, как я, впрочем, и ожидал, не было. А раз так, значит — побежали! На площади перед Комендатурой я пожалел, что не взял с собою фотоаппарат. Квадратные глаза и отвисшие челюсти часовых из Охранной Роты были вполне достойны того, чтобы их увековечить. Да уж, они, бедные, только-только привыкли к двум психам, что каждое утро мимо них сломя голову носятся, так теперь этих психов уже четверо. Мало того, бегут эти четверо аккуратным каре, слаженно топоча ногами под мой громкий счет.

— Раз, два, три! Раз, два, три! Ага, мужики, — кричу я, поравнявшись с «караулкой». — Это заразно, так что надевайте противогазы! А то и вы скоро вслед за нами пристроитесь.

— Не дожدهшься! — слышу я их хохот уже за спиной. Нью-нью, погодите, вот если поднатаскаю я наемников, глядишь и Костылев за вас, бездельников, возьмется, чтоб не отставать. Мстительно хмыкнув, снова подаю счет, чтоб мои непривычные к таким вот пробежкам «ученики» не сбились с шага.

Дистанцию парни пробежали до конца. Правда, выглядели на финише весьма плачевно: взмокшие, взъерошенные, Шуруп слегка прихрамывал на правую ногу, видно, плохо портянку намотал и мозоль натер, а Коваль сухо и надрывно кашлял и часто сплевывал тягучую и вязкую слюну. Напарник мой, судя по выражению физиономии, уже собирается сказать что-то ехидное, но, наткнувшись на мой осуждающий взгляд, ясно говорящий: «Себя-то в первый день вспомни», — резко меняет свое намерение.

— Это еще чего, ребята, вы просто меня на первой пробежке не видели. Я так вообще

на обратном пути перед Комендатурой «сдох».

— А после завтрака что будет? — спросил прокашлявшийся наконец Коваль.

— После завтрака я буду Толика учить из «ГП» стрелять. Так что, если умеете, то можете отдыхать.

Сашка тут же сообщил, что из подствольника стрелять не умеет и только видел со стороны, как это делается. Тема сказал, что и стрелять умеет, и «Костер» у него есть, но поучиться у знающего человека никогда не вредно. Слова наемника мне польстили, чего уж греха таить. Мужички в команде у Убивца в большинстве своем были бывалые, тертые. И когда такие считают тебя не удачливым выскочкой, а спецом, у которого есть чему учиться, — это приятно. Опять же, моя «легенда», запущенная в свое время усилиями Исмагилова, уже успела обрасти целым ворохом новых подробностей, которых не было в «первой редакции». Толик, периодически знакомивший меня с местными сплетнями, которые успевал совершенно непостижимым для меня образом где-то узнавать, рассказал тут пару дней назад, что я, оказывается, не просто один из работавших на Службу Безопасности наемников. На самом деле я — один из лучших оперативников СБ, отправленный в тыл к Непримирым с каким-то таинственным, но наверняка смертельно опасным заданием, преданный кем-то из своих, чудом избежавший смерти и теперь подавшийся в наемники, дабы досадить так некрасиво поступившей со мною «кровавой гэбне». Вот так вот. Как минимум — Штирлиц и Бэтмен в одном флаконе. И, сдается мне, то ли еще будет! Фантазия людская — штука страшная. Интересно, что такого «нового и интересного» я узнаю о себе месяца через два-три?

— Так, ну что, продышались-прокашлялись? Тогда пошли во двор, — объявил я и повел свою не совсем святую троицу в дальний угол внутреннего двора, в котором мы с Толей оборудовали небольшой спортуголок, соорудив там турник и брусья и принеся пару старых, сильно выгоревших на солнце и в нескольких местах заштопанных плащ-палаток. Их мы расстилали на земле, чтобы во время отжиманий или качания пресса в пыли не барахтаться.

Полностью силовой комплекс ни Шуруп, ни Коваль не одолели. Подтягивались оба хорошо, да и на брусьях не сплеховали, а вот на попеременных нагрузках «теста Купера»⁸⁹ сломались. Артем пластом растянулся на брезенте, так и не одолев трех «кругов», а более молодой и выносливый Сашка почти дотянул до четырех.

На этом издевательства над личным составом я решил прекратить и отправил всех мыться, стираться и завтракать. Сам же, прежде чем последовать их примеру, сначала заглянул к Зинаиде.

— Зинуль, солнце, как там «горка» моя, отстиралась?

— Отстиралась, не переживай, такие пятна отстирывать мы тут давно умеем, — степенно отвечает Зина, а потом как-то особенно пристально смотрит на меня. — Погоди, а что это ты так из-за этой куртки всполошился? Тебе в ней что, на свидание идти?

Блин, она телепат, что ли? Или, правда, у женщин на такие дела глаз наметанный?

— Собрался, Зинуль, — только и осталось «колотся» мне.

— Ну, надо же! Охмурила-таки какая-то краля нашего гитариста, — всплеснула руками и покачала головой Зина. — А мы уж с бабами спорить взялись, какая из наших девок тебя в оборот возьмет.

— Зинаида, блин, да вы совсем, что ли, офигели, на мне тотализатор устраивать?! — возмущению моему нет предела.

⁸⁹ «Тест Купера» — помимо множества спортивных, существует еще и применяемый в спецподразделениях тест на физическую выносливость. Он состоит из четырех упражнений: отжимания от пола, поднос прыжком колен к груди в упоре лежа, подъем ног за голову в положении лежа на спине и выпрыгивания из присяда до выпрямления ног и туловища. Эти упражнения надо выполнять без остановки сериями-«кругами» по 10 повторов. Чем больше «кругов» — тем лучше результат. В ОМОНе на ежемесячных зачетах по физподготовке норма — 6 «кругов».

— Не пыхти, чайник, все равно не страшно! — добродушно улыбается она. — Ну, и кто ж эта шустрая?

— Не важно! — еще пытаюсь ерепениться я.

— Ой, да ладно тебе! — в глазах Зины ярким костром вспыхнуло извечное неумное женское любопытство. — Сказал «А», говори уж и «Б». Кто такая? Я ее знаю?

— Да знаешь скорее всего. Настя Костылева. Только не она меня, а я сам ее на свидание пригласил.

— Костылева?! Это Коменданта нашего дочка? Ну, ты силен, казак! — смеется Зина. — А не боишься, что батя ейный тебе, ежели что, голову-то и оторвет к чертям?

— Не оторвет! — тихо, но уверенно отвечаю я. — Потому что не будет никаких «ежели что»... А будет все серьезно, если вообще будет, конечно.

— Прямо-таки серьезно? — уже без шутливых интонаций в голосе интересуется хозяйка «Псарни».

Я только киваю в ответ.

— Ну, и не переживай тогда, все у тебя будет в полном порядке, — успокаивает она меня, а когда я уже отворачиваюсь и собираюсь уходить, бросает мне в спину ехидно-задорным голосом: — Жаааних!!!

После завтрака на ставшем уже чем-то вроде маленького полигона заднем дворе «Псарни» я объясняю собравшимся вокруг тесным кружком парням премудрости обращения с подствольным гранатометом.

— Значит, так, начнем с азов. Неполная разборка, — прижав большим пальцем левой руки фиксатор, а правой — слегка провернув ствол по часовой стрелке, я разделяю подствольник на две части, — производится вот так. Сборка — еще проще.

Снова собрав гранатомет, я демонстрирую уже полную его разборку, а потом беру у Курсанта его АКМС.

— Крепится гранатомет вот так, — повинуюсь резкому движению моей руки, «Костер», клацнув, залип на цевье Толиного автомата. — А чтобы его отсоединить, нажимаем вот тут и с небольшим усилием сдергиваем. Ничего сложного...

Ну, то, что ничего сложного, я и по лицам своих учеников вижу. Скучно им. Вон, Коваль аж позевывает, деликатно прикрыв небритую рожу широкой мозолистой лапой. Ньюню, щас я вас разбужу, соколы мои!

— Так, воины, а ну-ка упор лежа принять! По «тридцаточке» толкнули!

— За что? — попытался было возбунтовать Артем.

— Чтоб не спалось на занятии.

— А нас за что? — непонимающе тянет Шуруп.

— А вас, родимые, за компанию, чтоб Теме не скучно было в одиночку «землю толкать». А за пререкания — еще «двадцаточку» накидываю. И напоминаю, никого, кроме Курсанта, я тут насильно не держу, что-то не устраивает — свободен, аки пташка божья в небе. Все ясно?

Ответом мне служит только угрюмое пыхтение, издаваемое тремя отжимающимися в быстром темпе мужиками. Похоже, покинуть занятие никто не хочет. Ну, вот и славно.

— Что, можем продолжать? — поинтересовался я, когда отдувающиеся и переводящие дух парни снова расселись по скамейкам.

— Угу, — за всех ответил Толя.

— Тогда продолжим. Вот это — «флажок» предохранителя. Вверх-вниз, включили-выключили. Бьет подствольник на расстояние до четырех сотен метров. Но, по личному опыту, я больше чем на триста стрелять не советую, потому как все равно, скорее всего, в цель не попадете. Нет, есть виртуозы, что могут чуть ли не в ведро ВОГи укладывать, но таких мало, и добились они такого мастерства долгой практикой.

Я не стал уточнять, что упомянутые мною «виртуозы» бегали по здешним горам лет сорок назад, ни к чему это. Просто, пусть имеют в виду.

— У нас для подобной практики гранат маловато, поэтому работать лучше наверняка. Метров на двести-двести пятьдесят. По этой части вопросы есть?

Вопросов нет. Ладно, тогда поехали дальше.

— Прицеливаться из «ГП» несложно. Вот мушка, вот откидной целик. — Поддев его ногтем, я привел только что упомянутый «девайс» в боевое положение. — Главная заковыка в том, что для попадания в мишень, ну, или во врага, надо правильно выставить прицел. Вот тут, — я ткнул пальцем в нижнюю часть прицельного устройства, — на поворотном кругу — стрелочка, а на корпусе гранатомета под ней — риски. Длинные — с цифрами от одного до четырех — это сотни метров. А короткие, что между ними — полусотни. Все просто. Прикидываете расстояние до цели, выставляете прицел так, чтобы стрелка указывала на нужную дистанцию, а потом целитесь, как из автомата: мушка-целик. Небольшая хитрость в том, как эту фиговину со стрелкой поворачивать. На, держи, — я протягиваю «калаш» Толе. — Попробуй.

Толик принимает оружие и пытается крутануть прицельное устройство. Сначала легонько, потом с усилием. Его шея багровеет, костяшки пальцев, наоборот, бледнеют, но ничего не выходит.

— Сдаюсь! — Он передает «АКМС» мне назад. — Не выходит.

— Точно, — киваю головой я, но автомат у него не забираю. — А теперь попробуй нажать на вот эту кнопочку сверху. Ага, именно эту, рифленую.

— Ни хрена себе «кнопочка», — ухмыляется напарник. — Да такой, ежели ее открутить, самой по себе человека убить можно.

— Зато не сломается, — отвечаю я. — Нажал? А теперь крути против часовой стрелки.

Прицельное устройство гранатомета начало крутиться, издавая громкие металлические щелчки.

— Вот другое дело! — одобряюще киваю я. — А теперь попробуй прицелиться.

Толя вжимает приклад автомата в плечо. И Шуруп, и Коваль смотрят на него с улыбками. Ну, да, парни-то уже в курсе...

— Херня какая-то! Неудобно. Миш, да тут, примеряясь, шею себе свернуть можно!

— А то! А теперь попробуй по-другому. Зажми приклад под мышкой и еще раз прицелься.

— О! Намного лучше! Погоди, — озаренный внезапной мыслью Курсант даже автомат опускает на скамейку рядом с собой и тычет пальцем в закрепленную на прикладе «галошу» затыльника. — А на кой черт тогда вот эта фигня? Если с плеча стрелять все равно почти невозможно?

— Эта «галоша»-то? Честно? — пожимаю я плечами. — Понятия не имею. Для красоты, наверное.

Лицо у напарника разочарованно вытягивается. Ну да, он-то был уверен, что на его автомате висит какая-то очень нужная, да еще и так круто выглядящая штукавина. А оказалось — бесполезный хлам, да еще и с таким уничижительным названием.

— Да не расстраивайся ты так, — пытаюсь я его утешить. — Если когда-то этот затыльник придумали, значит, был для чего-то нужен. Я вот думаю, что сначала из него так и планировали с плеча стрелять. Потом оказалось, что это и не очень удобно, и довольно больно. Мало того, я вот когда был молодой-глупый и только-только эту зверюгу осваивал, не очень удачно приклад упер... Так мне отдачей чуть ключицу не сломало.

Глядя на чуть ли не пенечками вставшие уши слушателей, я только ухмыльнулся. Вон как они замерли в ожидании продолжения. Вдруг да и проболтаюсь где, когда и кто меня обучал, в годы, когда я был «молодым и глупым». Не, ребята, не дождетесь!

— Ну, вот, — продолжаю, будто ничего не заметив. — Вполне возможно, таких обормотов было много. И стали люди искать менее травмоопасный способ стрельбы. Вот и нашли.

Подхватив с лавочки «АКМС», я ловко принял изготовку к стрельбе.

— Да и целиться так, на самом деле, гораздо удобнее. Ладно, двигаемся дальше. Есть у

«Костра» одна очень толковая особенность, от которой, к сожалению, позже отказались. Уж не знаю почему, что им так не понравилось, но из моего «ГП-30» так пальнуть уже не выйдет. Вернее выйдет, но только наобум, не прицельно.

С этими словами я присаживаюсь на корточки и ставлю Толин «АКМС» прикладом на землю, слегка подперев его сзади своей ступней.

— Из «ГП-25» можно стрелять «по-минометному», навесом. Чертовски удобно в бою, не надо высовываться из окопа или из-за укрытия. Вполне достаточно знать направление и примерную дистанцию до противника. А потом, — движением указательного пальца я освобождаю «молоточек» маятника, который тут же повисает грузиком вниз. — Видите, парни, эту штуковину? Называется она маятник. И нужна она именно для прицеливания при навесной стрельбе. Например, сидишь ты, Толя, в воронке. Сверху пули чирикают — башки не поднять. Буквально на секунду один глаз наружу высунул, — парни дружно хохотнули, видимо, представили, как бы это выглядело со стороны: одинокий Толин глаз, торчащий над воронкой. — Ага, подлый вражина вон там, и до него метров двести.

Я с треском выставил прицел «Костра» на две сотни и снова упер его прикладом в землю.

— Теперь глядите, чтобы ВОГ улетел именно на двести метров, вам надо направить автомат в нужную сторону и наклонить его под таким углом, чтобы маятник был строго перпендикулярен поверхности земли. Смысл слова «перпендикулярен» всем понятен?

— Бросай глумиться, Миш, геометрию в школе учили, слава богу, — укоризненно смотрит на меня Толя.

— Вот и молодцы. Глядите, если выстрелить надо не на двести, а на триста метров, — я снова трещу прицельным устройством, — то угол наклона автомата получается уже другой. Чем дальше надо выстрелить, тем выше задирается ствол. Видите? А направление держите по стволу автомата, он у вас, как стрелка в компасе на север, должен глядеть точно на противника. Понятно?

Мои слушатели дружно закивали головами, давая понять, что все уяснили. Ну, в общем, ничего удивительного. Все ж не мальчишки восемнадцатилетние, в первый раз автомат в руки взявшие. Опыт обращения с оружием есть, инструкции я дал вполне подробные, все показал наглядно. Еще б стрельбы устроить для практического закрепления. Но это — только с Толей и позже. Вытрясу из Костылева с Исмагиловым пару десятков инертных ВОГов. Думаю, на складе в Ханкале должны быть, ведь тренируют же они своих бойцов как-то. А боевые на учебу тратить — дело расточительное.

— Ну а раз все понятно и вопросов нет — разойдись. Занятие закончено.

— Миш, есть вопрос, — слегка приподнимает руку, будто школьник, Сашка. — Покажи свой подствольник, а? Охота глянуть, что там не так.

— Да не вопрос! — я подхватываю с лавки и передаю ему свой «АКС». — Гляди, во-первых, у «Обувки» прицельное устройство перенесли с левой стороны на правую. Чтоб гранатомет за одежду прицелом не цеплялся. А во-вторых, упростили его до безобразия. Видишь — никаких кнопок, ничего вертеть не надо, просто пенечек мушки и откидная планка, как на «Аглене» или «Мухе». Стало вроде как проще, но зато и маятника нет. Так что из моего навесом можно только наугад пальнуть. А уж попадешь или нет — как повезет.

Немного повертев мой автомат в руках и потренировавшись в прицеливании, Шуруп передал его стоящему рядом и с интересом слушающему Ковалю, а тот, в свою очередь, Толе.

— Что, юноши, теперь вы довольны? Больше вопросов нет? Ну, тогда точно — разойдись. После обеда занятий не будет, у меня дела, а у вас — личное время.

А дел у меня после обеда и впрямь немало. Надо забрать у Зины отстиранную и высушенную куртку от «горки», чтобы не ударить в грязь лицом на свидании с Настей. Но, прежде всего, надо навестить ее отца и отдать американскую гранату, которую мы с Толей так и не донесли ему вчера.

Выходя после обеда на улицу, замечаю вдали на северо-западе уже весьма широкую полосу яркого голубого неба. Причем ветер дует именно с той стороны, неуклонно сдвигая клубы серых туч в сторону гор. Отлично! Если ничего не переменится, то ко времени встречи с Настей погода совсем наладится, и свидание не сорвется из-за какого-нибудь сущеглупого дождя. Что не может не радовать.

За размышлениями о предстоящем вечере я и дошел до Комендатуры. Как я уже говорил, благодаря нашей с Толей любви к физкультуре и спорту, физиономию мою давно знали не только бойцы Охранной Роты, но и все окрестные дворняги, поэтому к Коменданту меня пропустили без лишней волокиты. А вот с самим Костылевым разговор поначалу как-то не задался.

— Ну, и чего хотел? — с порога встретил меня он довольно-таки недружелюбным тоном. Мало того, если бы мысль могла становиться материальной, то под его тяжелым взглядом меня бы уже расплющило, словно таракана под полным собранием сочинений Ленина. М-да, похоже, плохи мои дела. Я, конечно, далеко не Шерлок Холмс, но в данном случае для определения причины столь неласкового приема особые дедуктивные способности не нужны. Слепому видно — господин капитан за дочь переживает.

— Але, служивый, — подобный тон и манеру выразаться я выбрал не случайно. Что там Костылев нафантазировал — не знаю, но, похоже, накрутил он самого себя неслабо и сейчас похож на токующего глухаря: не услышит никого, кроме своей светлости. А надо, чтобы слышал. И понял. А иначе — точно подеремся, а оно мне на фиг не нужно. Значит, надо его вывести из не сильно подходящего для конструктивного диалога состояния. Проще всего — удивить и ошарашить.

— Угу, к тебе обращаюсь, — продолжаю я, увидев промелькнувшую в его глазах растерянность от подобного начала разговора. — Может, для начала выдохнешь, а потом поговорим, как взрослые люди?

— Слышь, шутник, да я тебя сейчас... — несмотря на грозный вид, уверенности и холодной злости в голосе Игоря уже гораздо меньше. Хорошо, начал в себя приходить.

— Пан офицер, ну, может, хватит уже, а? Развел тут, понимаешь, детский сад — штаны на лямках. Ты мне еще на кулачках побиться предложи. Очень взрослое поведение... Самому не стыдно? Взрослый серьезный мужик, а развел тут...

— А ты мне что предложишь? Водки с тобой за это дело выпить?

— За какое на хрен «это дело», Игорь? Ты меня что, совсем что ли за ублюдка какого-нибудь держишь?! Чего ты там себе нафантазировал? Что злой и ужасный Миша потащит твою кровиночку в темный лес насиловать?! У тебя, вообще, все дома, капитан?!!!

Да, а вот такого «наезда» героический Комендант точно не ожидал. Моя резкая отповедь, похоже, его здорово отрезвила. Выглядит он уже не столько злым, сколько смущенным. Хотя, если честно, я себя тоже чувствую немного неловко. Как-то не доводилось мне раньше на подобные темы с родителями девушки перед первым свиданием общаться.

— Слушай, Миш, — нарушает уже слегка затянувшееся молчание Игорь, — ты понимаешь... Ну, я на самом деле совсем не об этом подумал...

— Еще раз говорю, выдохни, отец-герой, а то лопнешь. О чем ты, собака страшная, подумал, у тебя на роже вооот такими, — раскинув руки как можно шире, я попытался ему изобразить размер шрифта, — буквами написано было. Вот только мне не понятно, с чего ж ты решил, что Михаил Тюкалов на такое паскудство способен, а?..

Одним словом, тяжелый вышел разговор. И для него тяжелый, и для меня. Просто как-то не принято у нормальных мужиков такие темы в разговорах затрагивать. Интимные стороны своей жизни охотно обсуждают либо подростки (и врут при этом друг другу безбожно), либо пьяные кретины, либо больные на голову. Мы с Костылевым не относились ни к одной из этих трех категорий. Мало того, речь шла о дочери Игоря. М-да, одним словом — ситуация сложная...

— Так что не выдумывай херни, герр капитан, — подвожу я итог почти получасовому

обсуждению. — Настя мне нравится. Очень. И отношение у меня к этому вопросу — самое серьезное. Но вот как она ко мне относится — это еще неизвестно. Может, не понравлюсь я ей. Именно поэтому никакой ерунды я себе позволять не собираюсь. Уяснил?

В ответ Комендант только головой кивнул.

— Ну, вот и ладненько. Тогда переходим ко второму вопросу нашей повестки дня...

— Миша, блин, кончай балагурить! У меня от тебя и так уже голова кругом. Какой вопрос, какая повестка? Ты о чем вообще?

— Я, господин Комендант, собственно, вот об этом.

С гулким стуком американская граната плюхнулась из моей руки на поверхность письменного стола, и, наверное, покатилась бы по столешнице, если бы не предохранительный рычаг.

— Нормально так... И откель такая красота?

— Толя с блокпоста за вместо сувенира прихватил. Только вчера из баула с трофеями выкопали. Хотели сразу и отдать, да только вы с Олегом в Ханкале были. Ну, что, канает эта дурында за столь нужное тебе доказательство?

— Не обижайся, Миша, но — нет. Ну, граната, ну, американская... МКЗ, если меня мой склероз не подводит? И чего? Вот если б была новенькая, да не одна, а ящик...

— Угу, а грузовик не хочешь? Перевязанный розовой ленточкой с пышным бантом и надписью на борту: «Дорогим чеченским братьям-мусульманам от турецких товарищей по борьбе!»

— А что, есть?

— Да ну тебя! Тут, понимаешь, в клочья рвешься ради выполнения задания высокого командования, а оно, блин, нос воротит.

— Да не ворочу я, Миша, но ты же сам взрослый мужик, понимать должен, что граната эта могла оказаться у Непримиримых миллионом разных способов. И вовсе не обязательно, как часть турецкой военной помощи.

— Все я понимаю, — остается только грустно вздохнуть мне. — Но и ты пойми, это ж как звенья цепи. Сами по себе, по отдельности, они вроде как малозначительны: ну, подумаешь, американская граната... И американский же камуфляж... И конспект по боевой подготовке у командира...

— Погоди, какой конспект?

— А, блин, — хлопнул я себя ладонью по лбу, — забыл совсем! В общем-то — ничего особенного, но, тем не менее, факт имеет место быть.

Я выкладываю на стол тетрадку с каракулями покойного командира бандитского блокпоста. Игорь некоторое время листает ее, а потом со вздохом откладывает к гранате.

— Да, блин, это уже серьезно...

— Угу. И бонусом ко всему этому — очень грамотно поставленный фугас под мостом, который опытный спец делал, а не какой-нибудь раздолбай обкуранный. Каждая деталь сама по себе — пустяк. А вот если учесть, что все они имели место на одном, причем весьма занюханном блоке... Уже есть повод задуматься, не считаешь?

— Вот черт. — Брови Костылева высоко приподнимаются в изумлении. — А вообще если под этим углом ситуацию разглядывать, то что-то в твоих словах есть.

— Как минимум, Игорь, тут есть повод задуматься. А я буду дальше искать. Бог даст, еще чего-нибудь вам на рою. Ладно, пора мне. А то дел полно. Свидание ж у меня сегодня...

— Ты, это, вот чего, — Костылев снова делает серьезное лицо. — Чтоб в десять вечера Настя дома была!

— Есть! — Я словно на пружинке подскакиваю со стула и, вытянувшись по стойке «смирно», прицеливаю каблуками. — Разрешите выполнять?!

— Да вали уже отсюда, клоун! — скривившись, будто лимон целиком слопал, отмахивается от меня Игорь.

Как я ни спешил, но на рынок все равно почти опоздал и, войдя в ворота, обнаружил только ряды пустых прилавков да всякий мелкий мусор, который легкий ветерок катал по

пыльным проходам. Хотя, в продуктовых рядах еще наблюдалось какое-то движение.

— Слушай, отец, а где тут можно цветы достать? — огорошил я вопросом низенького и тощего, как щепка, пожилого кумыка со смуглым и сморщенным, похожим на печеное яблоко, лицом. Тот был занят делом: неторопливо и обстоятельно снимал с прилавка и убирал в деревянные ящики, набитые стружкой, поздние яблоки, маленькие ярко-желтые круглые дыни и уже слегка перезревший, а потому не зеленый, а желтовато-бежевый виноград. Полную тару он составлял на небольшую повозку, в которую был запряжен мышастого цвета ослик с флегматичной мордой и целым ожерельем репьев в кисточке хвоста. Ящиков было много, работал дед споро и потому даже не заметил, как я подошел, а мой вопрос явно застал его врасплох.

— Э, слушай, какой цветы? Зачем цветы? — испуганно забормотал он, явно не понимая, чего от него хочет этот двухметровый лоб в черной бандане и с внушительного размера пистолетом на бедре.

— Как зачем? — теперь настала моя очередь удивляться. — Для девушки, разумеется!

Думаю, сначала старик понял, что я не собираюсь его бить, убивать или грабить, а уже потом до него дошел смысл моей просьбы. Зато после этого его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Две минута погоди! Товар положу — все сделаем! Любой цветы, какой захочешь!

Ну, может, не через две, скорее — минут через двадцать, я был уже во дворе дома дяди Мурада, как он сам попросил его называть, когда мы знакомились по дороге. Насчет «любой цветы» Мурад явно преувеличил, но кое-что на клумбах его жены, дородной тетки с очень добрым и приветливым лицом, к которой старик меня и привел, действительно было: пышные желтые и розовые хризантемы, похожие на ромашки с розовыми и фиолетовыми лепестками сентябрины, еще какие-то, называющиеся, по-моему, «Разбитое сердце». От первых я отказался, объяснив, что на свидание иду к девушке, а не к бабушке, причем мы с хозяйкой дома на эту тему посмеялись, а вот Мурад, похоже, смысла шутки так и не понял. «Сердечки» были весьма симпатичными, но, во-первых, уже отходили и слегка подвяли, а во-вторых, я решил, что это уж больно «прозрачный» намек. В итоге мне вручили большой букет веселеньких голубых сентябринов, а Мураду его вторая половина что-то весьма громко и эмоционально высказала по-кумыкски, когда узнала, что он хотел взять с меня денег. Тот как-то сразу сник, потом, решив не терять лицо, приосанился и заявил, что они с женой мне этот букет дарят и желают счастья и любви мне и моей избраннице, которая, наверняка, молода и прекрасна. Поблагодарив и тепло распрощавшись с этой приятной пожилой парой, я быстрым шагом направился к назначенному месту встречи. Это девушкам позволительно опаздывать на свидание. Мужчина должен приходить не просто вовремя, а даже чуть раньше. А бежать нельзя — букет растреплется. Ну, да ничего, мы и быстрым шагом все успеем. И точно — успел. И в гостиницу заскочил: переодеться из маскхалата в отстиранную Зинаидой «горку», а вместо уже ставших привычными сапог обуть свои весьма «богатые», по местным понятиям «Коркораны». И к месту встречи примчался за десять минут до назначенного времени.

Нет, ну надо же, а ведь я умудрился почти забыть, как же это может быть здорово — идти вот так по улице под ручку с молодой красивой девушкой. Нет, раньше я вовсе не вел монашеский образ жизни. Просто после пары неудачных попыток построить серьезные взаимоотношения, в один прекрасный момент осознал, что если хочу стабильности в личной жизни, то мне надо поменять всего одну чепуховину — работу. А так как делать этого я в ближайшие годы не собирался, то и решение принял соответствующее — ограничиться короткими и ни к чему не обязывающими интрижками. Благо кандидаток на должность «временной подружки» хватало. Нет, не хочу говорить о девчонках ничего плохого, они не были какими-нибудь шаболами. Просто... Просто и я, и они изначально очень хорошо понимали, что нам друг от друга надо. И фланирование на свежем воздухе под луной в число этих самых надобностей точно не входило. А вот теперь я, чуть ли не в первый раз со школьных времен, неспешно прогуливаюсь по пыльному тротуару, болтая о всякой чепухе с

самой красивой девушкой на свете, которая, слегка опираясь на мой галантно подставленный локоть, идет рядом. Изредка мы прерываемся, чтобы поприветствовать кого-нибудь из проходящих мимо. Кстати, никогда не обращали внимания? Это один из первых признаков того, что вы становитесь своим на новом месте: с вами начинают здороваться на улице, а вы не просто отвечаете, но еще и узнаете тех, кого поприветствовали. Вот этот дядька, с усами, как у Семен Михалыча Буденного, например, во время моего прошлого концерта в «Псарне» два раза на бис просил исполнить «Звезду по имени Солнце». А вот у той бабули я на рынке частенько тыквенные семечки покупаю. А вон один из часовых, что возле Комендатуры дежурят, только сегодня он в «гражданке», с женой и двумя пацанами, здорово на папу похожими. Так и идем мы с Настей, время от времени кому-то кивая или приветливо улыбаясь и отвечая на приветствия и вопросы о житье-бытье, а я так еще и руки иногда пожимаю. Надо же, даже и не подозревал, что у меня в Червленной уже столько знакомых!

Если честно, я даже и не знал, как и с чего лучше всего начать разговор. Слегка поразмыслив, пришел к выводу, что, скорее всего, одна из основных черт женского характера вряд ли претерпела сильные изменения: больше хороших собеседников девушки ценят только хороших слушателей. Исходя из этой «мудрости веков», я и начал действовать. Вручив Насте букет и сделав несколько слегка неуклюжих, зато искренних комплиментов, а в ответ получив похвалу за хорошие магические способности в области метеорологии (ну, да, пообещал тучи разогнать — получите и распишитесь), я аккуратно развернул разговор в нужном направлении и вот уже примерно полчаса слушал, изредка поддакивая, кивая и задавая наводящие вопросы. Причем не скажу, что мне было неинтересно. Ничего подобного. Рассказчицей она была хорошей, и слушать ее было одно удовольствие. Родилась Настя в Армавире, но город этот совсем не помнит, потому что выросла и всю сознательную жизнь провела здесь, в Червленной. Отец воспитывал ее один. На вопросы о матери отвечал всегда неохотно и расплывчато. Мол, была, а теперь нету. И только когда дочь подросла, Игорь сказал ей, что мама от них ушла, когда его, в ту пору еще молодого летеху-взводного, перевели из вполне мирного Армавира в небольшой гарнизон в самом сердце Терского Фронта. Заявив мужу, что она еще слишком молода и хороша собой, чтобы заживо хоронить себя в опасных чеченских предгорьях, собрала вещи и ушла. А лейтенант Костылев с полуторагодовой дочерью на руках убыл к новому месту службы. На Терском Фронте тогда было куда «веселее», чем сейчас: стычки с не угомонившимися после Резни и не желавшими оставаться в горах, куда их оттеснили, Непримируемыми происходили чуть ли не ежедневно. И дело не ограничивалось засадами на дорогах, как сейчас. Боевики нападали даже на поселки, небольшие опорные пункты и военные базы. Именно тогда и обезлюдели маленькие деревни и аулы, все население которых ушло в более крупные станицы, под защиту тогда еще только строившихся стен и воинских гарнизонов. Храбрый и толковый взводный, умеющий воевать и не боящийся риска, быстро обратил на себя внимание командования. Довольно скоро Игорь стал сперва заместителем командира Охранной Роты, а потом и ротным. Одно было плохо: успешная служба оставляла очень немного времени на воспитание дочери. Мало того, учитывая сложную обстановку, жил тогда старший лейтенант Костылев в маленьком домике, пристроенном к казарме, в которой размещалась его рота. Так что росла Настя практически в этой же казарме, среди солдат и оружия. Первыми игрушками, по ее словам, ей стали разнокалиберные гильзы и сделанные ротным старшиной непонятно из чего куклы. Правда, к тому моменту, как она пошла в школу, отец получил очередное повышение и, став Комендантом, переехал в отдельный дом, но, как говорится, армейский уклад жизни уже сломал несложившуюся детскую психику. И, окончив станичную школу-восьмилетку, Анастасия огорошила папу, заявив, что решила связать свою дальнейшую судьбу с военной службой. Конкретно офонаревший с такой «большой радости» Игорь попытался было взбрыкнуть и показать, кто в доме хозяин, но тут выяснилось, что если красотой дочь пошла в маму, то характером — точно в отца. В общем — нашла коса на камень. Единственный успех, которого он смог достичь, это уговорил дочь служить поближе к нему, в узле связи при Комендатуре.

— Ой, — спохватилась вдруг Настя. — А что это я все о себе, да о себе. Может, и ты что-нибудь про себя расскажешь? А то я, кроме того, что ты «самый страшный человек на всем Терском Фронте», и пары-тройки совершенно диких, но почти правдивых, просто слегка преувеличенных историй, этот факт подтверждающих, о тебе ничего и не знаю.

Ну, это не сложно! Уж в чем в чем, а в рассказывании разных баек из своей богатой и бурной биографии, обходя конкретные даты и места событий, я, за время общения с Толей и прочими парнями из отряда Убивца, уже поднаторел. О детстве своем рассказал правду: родился в Подмосковье, там и жил с родителями, а вот потом пришлось начать импровизировать. Была срочно выдумана бабушка в Астрахани, к которой меня, щегла-детсадовца, готовящегося осенью пойти в первый класс, отправили на лето в тот злополучный год, когда весь мир рухнул. Никаких реалий первых лет Большой Тьмы я не знал, поэтому просто скорчил грустно-задумчивую физиономию и сказал, что вспоминать об этом не хочу, мол, слишком все было невесело. Зато историй о боевой юности у меня было — пруд пруди, благо, повоевать-то на самом деле успел много. Но рассказывал я их так, что Настя хохотала, будто на концерте какого-нибудь юмориста. Ну, не люблю я всякие страсти-мордасти о войне народу рассказывать. Кто ее своими глазами видел — и так все знает, а кто не видел — тому оно и не надо. Вот и привык я все свои «фронтовые мемуары» рассказывать в духе и с интонациями Задорнова. Вроде как сам серьезен, а слушатели по полу катаются. Ну, и сюжеты подправлял малость, так, что даже самые опасные ситуации становились похожими на забавные, хотя и захватывающие дух приключения. Короче, старался, как мог. На Настин вопрос о том, как я очутился на Терском Фронте и чем занимался прямо перед этим, глубокомысленно помолчал, а потом посетовал на то, что некоторые товарищи сержанты, несмотря на то что уже почти два года как служат, до сих пор не выяснили смысла словосочетания «военная тайна». Потом с наглой рожей чмокнул ее в макушку и извиняющимся тоном сказал, что рассказать ей этого не имею права при всем желании. Насупившаяся было «товарищ сержант» сменила гнев на милость, и прогулка продолжилась.

На юге всегда темнеет очень быстро, а уж в предгорьях, где солнце уходит не за горизонт, а за горы, так и вообще создается впечатление, что кто-то нажал на кнопку выключателя. Вроде бы только что еще было светло, и тут же — раз, и все, вокруг — непроглядная темень, рассеиваемая только светом редких уличных фонарей, да еще кое-где светились глядящие на улицу окна домов, хотя таких было еще меньше. Да уж, как сказал еще в девятнадцатом веке какой-то путешественник: «Кавказ живет окнами вовнутрь». Факт, не поспоришь. Хотя, с другой стороны, в нашем случае это было даже неплохо. Во-первых, теперь ничто уже не мешало мне аккуратно приобнять начавшую спотыкаться в темноте Настю за талию. Вроде как без каких-либо грязных поползновений, исключительно чтобы не дать девушке оступиться и упасть, но все же... А во-вторых, очень хорошо были видны огромные и яркие звезды. Если честно, запас историй у меня к этому моменту уже иссяк, и я с удовольствием переключился на рассказ о загадочно мерцающих у нас над головой созвездиях, собрав в кучу все застрявшие в голове со школы познания в астрономии и мифологии.

Удивительно, но по ходу дела умудрился увлечься им сам. А так как на ходу показывать созвездия было не очень-то удобно, то уселся на проходящую вдоль дороги трубу газовой магистрали, расстелил рядом куртку от «горки» и усадил на нее спутницу, и, периодически тыкая пальцем в небо, показывая Насте, куда именно надо смотреть, начал рассказывать. О царице Кассиопее, которую боги наказали за хвастовство и которая теперь вечно будет летать по небу на своем троне кругами, переворачиваясь вверх тормашками. О Персее, сначала убившем Медузу Горгону, а потом спасшем царевну Андромеду от ужасного чудовища, превратив его в камень. О великом охотнике Орионе и страшной ошибке влюбленной в него богини охоты Артемиды. В общем, понесло меня, как того Остапа в Васюках.

— Знаешь, Миша, ты меня удивляешь все больше и больше, — заявила вдруг Настя, когда я, слегка выдохшись, ненадолго умолк.

— Почему это?

— Я же тебе рассказывала, что всю жизнь вокруг меня военные... И мне казалось, что крутых парней, вроде тебя, я отлично знаю: большие, сильные, шумные, немного грубоватые и самоуверенные до жути. А вот встретила тебя, и вся теория насмарку. На первый взгляд — самый типичный представитель, по всем пунктам. А приглядишься чуть-чуть, и ничего понять не можешь. Откуда ж ты такой взялся, а?

— Какой?

— Станный, необычный...

— Ой, да ладно тебе, Настюнь! Ну, какой же я необычный? Самый обыкновенный я. По крайней мере, сам я как-то особых отличий от окружающих в себе не наблюдаю.

— Ага, обыкновенный он, уж мне-то не рассказывай. — Настя укоризненно качает головой. — Да про тебя по станице сказки бродят — одна другой страшнее. Головорез, почище Ханкалинского ОсНаза, вон Светлана Викторовна из финчасти говорит, что ты за последний месяц один чуть не весь фонд премиальных за «волчьи головы» выгреб. Она такого за все время своей работы не упомнит, а работает она уже почти десять лет. Но при этом еще и на гитаре играет, песни поет, знает столько, что можно учителем в школу отправлять... И это называется обычный?

— Да ладно тебе, развоевалась, — я с улыбкой прижимаю раздухарившуюся девушку к себе. — Ну, может, и не совсем обычный. Но уж точно не сильно-то и выдающийся. Да, воевать умею. Так, слава богу, уже шестнадцать лет как «калаш» первый раз в руки взял. Ну, и детство было не простое, кое-чему научился. На гитаре играть да песни петь — тоже дело не хитрое, было бы желание и способности. А то, что знаю много, так это потому, что с самыми разными людьми в своей жизни общался. И не стеснялся их слушать и запоминать. Вот и выросло, что выросло... Уж какой есть...

— Кстати, о гитаре, — резко меняет вдруг тему разговора мое голубоглазое чудо. — А почему это я до сих пор не слышала, как ты поешь?

— Эээ, — даже как-то растерялся вначале я. — Возможно, потому, что в «Псарню» зайти вечером так ни разу и не соизволила. Я, конечно, и рад бы дать частный концерт для одной-единственной слушательницы, да вот беда — инструмент у меня не личный, можно сказать — казенный. Так что, если есть желание послушать — придется идти в гости к Четверти. Пошли?

— Пошли, — с готовностью соглашается она. — А то на улице уже совсем прохладно стало. А там и согреюсь, и музыку с песнями послушаю.

А на дворе, и впрямь, не жарко, особенно учитывая, что на куртке моей сидит Настя, я на мне — одна только футболка. На Кавказе ночи, конечно, намного теплее, чем были в свое время в Подмосковье, но все-таки октябрь есть октябрь.

— Ладно, пошли, мерзлявая.

— Это я мерзлявая? Да ты на себя посмотри, деловой, тоже мне, а у самого зубы уже от холода клацают!

— У кого? У меня? Это клевета, девушка, и я вам об этом официально заявляю!

— Ой, да ладно! — снова смеется Настя. — Ну, не клацают... Пока... А вот руки уже все «гусиной кожей» покрылись. Или скажешь, нет?

— Даже если и покрылись... Мне по уставу положено стойко переносить все тяготы и лишения.

— Но не на свидании же. Пошли, хватит мерзнуть.

И, правда, зачем бродить на холоде, если можно посидеть в тепле? Да еще и сыграть на гитаре для красивой девушки что-нибудь этакое, эксклюзивное. Значит — решено, идем к Кузьме...

Только на пороге «Псарни» до меня дошло, что, если там сейчас сидит Оксана Старосельцева, то может получиться некрасиво. Нет, я ей ничего не обещал и ухаживать не начинал, так что формально все в порядке. Но женщины — существа нелогичные и непредсказуемые. Устроит, понимаешь, девчонка скандал с истерикой и битьем посуды — и

кирдык, никому и ничего ты потом уже не докажешь. По крайней мере, Насте — точно. Но отступать поздно. Галантно приоткрыв дверь и пропустив спутницу вперед, я, озираясь по сторонам, вошел в трактир. Фуууу, кажись пронесло. Ни Оксаны, ни подружек ее не видать. Зато другого народа полно, и Убивцева команда, все кто ни на каких выездах не задействован, и из Охранной Роты и Дорожной Стражи служивые, и просто гражданские. Практически не протолкнуться. Опять у Четверти аншлаг. Сидящий за «моим» столом в углу зала Толик усиленно машет мне руками, аж подпрыгивая на месте, чтоб я его быстрее заметил. Как бы опять чего не опрокинул... А стол, он не то чтобы мой личный, но когда я даю свои «концерты», то сажусь всегда именно там. И я всех в зале вижу, и меня всем видно, а главное — хорошо слышно.

— Да вижу я тебя, вижу, хватит лапами размахивать, — с улыбкой успокаиваю я Толяна, подходя к столу. — Настя, знакомься, этот вот гибрид человека и ветряной мельницы — мой напарник и боевой товарищ Анатолий. Толя, это Настя. Ты, напарник, присмотри, чтобы ее никто не обижал, а я до Кузьмы за гитарой метнусь.

Уже направляясь к стойке, за которой виднелась массивная фигура Четверти, слышу за спиной сдавленный Толин смешок и его приглушенное бухтение:

— Ага, хотел бы я знать, сколько секунд проживет тот, кто рискнет тут твою девушку обидеть...

Увидев меня, бармен вопросительно кивает, а я изображаю в воздухе пальцами перебор струн. Тот мимикой и жестами дает понять, что все понял, и сначала достает откуда-то из своих бездонных закромов гитару, а потом громогласно объявляет на весь зал:

— Итак, друзья, наш «маэстро» сегодня снова в настроении и намерен устроить небольшое выступление. Возражения будут?

Дружный одобрителный гул и аплодисменты были ему ответом. Понятно, возражений нет. Усевшись на лавку рядом с Настей, немного подкрутил колки, настраивая гитару, и громко объявил:

— Эту песню я тут никогда еще не пел. И исполняю ее не просто так, а хочу посвятить ее самой красивой девушке на свете.

А потом тихонько выдохнул, была — не была, и ударил по струнам.

Вообще, если честно, то эта великолепная песня в исполнении мексиканцев из Los Lobos у меня никогда еще хорошо не выходила. Спеть «Cancion Del Mariachi» я пытался неоднократно, но каждый раз друзья добродушно посмеивались и советовали оставить ее Антонио Бандерасу, который просто отлично исполнил ее в «Отчаянном». И я сдался. А вот сейчас просто чувствовал — должно получиться!

Soy un hombre muy honrado, Que me gusta lo mayor
A mujeres no me faltan, Ni al dinero, ni el amor.
...En mi caballo, Por la sierra yo me voy
Las estrellas y la luna, Ellas me dicen donde voy.

И ведь получилось же! Получилось все: и с мелодией не облажался, и ритм выдержал, и даже в тексте не сбился ни разу. А если где в словах и ошибся, то вряд ли кто тут знает испанский, так что с поправками не полезут. Народ от бешеного напора и эмоциональности мексиканской музыки сначала малость припух. А когда я в последний раз затянул припев, чуть не порвав струны, выдал финальное соло и взвыл, подражая гитаристам-мариачи, словно койот из прерий, так чуть потолок не обрушили восторженными воплями и свистом.

— Вот это да! — Настя смотрела на меня большими восхищенными глазами. — Ну, ты даешь!!!

— Это что, — смахивая выступившие на лбу от напряжения капли пота. — Ты бы видела, как я стреляю!

— Да ну тебя, — звонко расхохоталась она. — Нашел чем хвалиться. А вот спел действительно здорово. Слушай, а чья эта песня и о чем она?

— Песня мексиканская. А о чем... Вот умеете же вы, девушки, вопросы задавать! Я, честно говоря, не уверен, что все слова правильно спел, а то, возможно чистое «Уно моменто» получилось. А вообще, кажется, она о влюбленном музыканте. Хотя, не факт, я ведь только слова заучивал, а перевода не знаю. Но слово «амор» точно означает «любовь». Так что, выводы делай сама.

— О влюбленном музыканте, говоришь, — глаза девушки загадочно блеснули в полумраке. — Ну-ну. А что за «Уно моменто»?

Вот блин! В который раз убеждаюсь, что язык — мой главный враг. Сколько раз уже зарок себе давал: сначала думать, а уж потом говорить. И один черт опять прокололся! Пришлось на ходу выдумывать историю про то, как давным-давно довелось мне поглядеть старую, задолго до Большой Тьмы снятую комедию, где два героя пели якобы иностранную песню, просто неся под музыку какую-то рифмованную тарабарщину, слегка напоминающую заграничную речь. И даже воспроизвел под гитару пару куплетов. Народ за соседними столиками это дело услышал, оказалось, что часть слушателей, тех, кто возрастом постарше, ее тоже помнят. Попросили исполнить полностью. Пришлось петь и «Уно моменто», подражая разом и Абдулову, и Фараде. Судя по реакции зала — получилось неплохо.

Одним словом, после такого начала стало понятно, что ничего серьезного сегодня петь уже не получится. Пришлось поднапрячься и одну за другой выдать несколько песен из «пиратского цикла» Владимира Высоцкого, потом «Восьмиклассницу» Цоя, а закончил так вообще «Черным котом». Вот такой я был сегодня романтик. Но, публика явно была не против, а главное — не против была Настя.

Взглянув на часы и припомнив серьезное выражение лица Костылева во время нашего последнего разговора, я понял, что, пожалуй, не стоит слишком уж испытывать прочность его терпения. Как ни крути, понять мужика можно, он отец и за дочь свою волнуется. Поэтому, поблагодарив всех за внимание и теплый прием, я вернул Кузьме гитару, и мы с Настей направились в сторону ее дома.

Уже у ворот я снова набрался наглости и чмокнул ее на прощание в щечку. Думаю, мог бы поцеловать и в губы, да и девушка, судя по загадочному мерцанию глаз, была совсем не против, но остановил меня видневшийся за стеклом в темном окне второго этажа квадратный силуэт хозяина дома. Встав по стойке «смирно», я, словно на параде, отсалютовал ему и, четко развернувшись на пятке через левое плечо, строевым шагом, с отмашкой рук и громким топотом, отправился домой. Вот, блин, товарищ капитан, всю концовку хорошего свидания смазал, негодяйская душа!

Когда я вернулся, в «Псарне» по-прежнему было многолюдно. Сославшись на ранний подъем и необходимость хоть немного поспать, я вежливо отказал самым настойчивым «фанатам», желавшим продолжения концерта, выдернул из-за стола допивающего свое пиво Толика и направился вверх.

— Красивая, — глубокомысленно протянул поднимавшийся по лестнице позади меня напарник — Понятно, почему Ксюха так бесится...

— Стоп! А вот с этого места поподробнее. — Я от удивления чуть о ступеньку не запнулся.

— А чего ж подробнее? — удивился Толя. — Была она тут сегодня вечером. Тебя спрашивала. А когда я сказал, что ты на свидание ушел, так взвилась, будто кошка дикая, чуть не зашипела, и умчалась — аж пыль столбом.

— М-да, — задумчиво протянул, почесывая в затылке, я. — Ну, может, хоть теперь успокоится да отстанет. Хотя, то, что обиделась, — это плохо. Не хотел я ее обижать. Вот только как всю эту ситуацию по-мирному разругать можно было — ума не приложу.

— Точно, — участливо поддакнул Курсант. — Беда с ними, с девками...

— Ладно, кто бы говорил. Тоже мне, великий знаток женской души! — усмехнулся я. — Все, отбой в войсках спецназа! Завтра — по полной программе: и физо, и тактика. Будем сегодняшний прогул отрабатывать.

Ответом мне был только тяжелый протяжный вздох напарника. Видимо, моя идея его не очень вдохновила. Ничего, салага, чем больше ты сейчас потеряешь пота, тем меньше потом — крови. Терпи, Курсант, — атаманом будешь!

Вид у троих моих «подопечных», выстроившихся поутру возле входа в «Псарню», вполне бодрый. Похоже, никто накануне водку особо не пьянствовал, безобразий не нарушал, и выпались все неплохо. Ну, что ж, давайте-ка радости вам на физиономиях малость поубавим.

— Сегодня бежим «червончик», парни, отрабатываем вчерашний прогул.

— Нет, ну зашибись! — ухмыляется Коваль. — Вот начальство пошло: сперва сам эти прогулы назначает, а потом за них же и наказывает! И где в этом мире справедливость?

— Отставить ныть, — в тон ему отвечаю я. — Справедливость на свете есть, даже если ты ее не замечаешь. Наказываю я в первую очередь себя, а вы — так, за компанию, чтобы мне не скучно и не страшно одному бежать было. А ну как кто решит обидеть меня, маленького? Ладно, смех — это здорово, жизнь, говорят, продлевает и все такое. А бежать надо, так что — в колонну по двое разобрались, и — за мной.

Сегодня часовые возле Комендатуры обошлись без обычных своих прибауток и подколов, да и смотрели на нас как-то странно. Неодобрительно. Чего это с парнями? Ну, да бог с ними, может, «косяк» какой упорол и уже успели от начальства пистон получить. Караульная служба — дело такое, без «залетов» не обходится. Но вот мы-то тут при чем? А и ладно, их проблемы, не наши. У нас же впереди приятная десятикилометровая прогулка по свежему воздуху. Благо, на дворе давно не лето, не жарко, и потому бежать легко. Ну, скажем так, мне легко. А вот спутники мои километра через четыре что-то приуныли: потеряли строй, вытянувшись в цепочку, тяжело задышали, начали часто сплевывать и откашливаться. Пришлось слегка снизить темп и бежать замыкающим, чего я, если честно — терпеть не могу. Километре, примерно, на шестом пришлось даже нагнать окончательно отставшего от более молодых и резвых парней Ковалю, явно решившего перейти на шаг.

— Ну, ты чего, Артем, завязывай. Уже больше половины дистанции пробежал. Уж перед штатскими-то не позорься.

— Все Миша, не могу больше, в бочину будто спицу воткнули. Вдохнуть больно.

— Понятно. Это бывает. Печень прихватило. Через не могу вдохни как можно сильнее, удержи дыхание и беги, на сколько кислорода в легких хватит. И так несколько раз.

— Ты охренел? — Мой «добрый» совет явно ошарашил Ковалю.

— Поверь, я знаю что говорю, попробуй.

Артем, судя по выражению лица, явно видел весь мой жизненный опыт, особенно эту его часть, в гробу и белых тапках, но выбора у него все равно нет, поэтому он решает попробовать. И метров через сто-сто пятьдесят он действительно переходит на вполне уверенный бег и даже слегка ускоряется, сократив разрыв с вырвавшимися вперед Шурупом и Толиком. Одним словом, с дистанции никто не сошел, добежали все, хотя в армейский норматив и не уложились. Ну да ничего, все у ребят еще впереди, хотя они об этом пока и не знают.

Когда мы подбегаем к нашему спортуголку на заднем дворе «Псарни», ловлю на себе немного опасливые взгляды.

— Не бойсь, парни, не садист я. Сегодня тестов не будет, хорошего помаленьку. Турник, брусья и в душ.

Вместо ответа — дружный облегченный вздох. Ах, вот вы как? Ладно, блин, халтурщики, в следующий раз я не поленюсь для вас у Костылева три бронежилета выпросить и в них заставлю «чирик» бежать.

Ожидавший своей очереди на турник Коваль подошел ко мне.

— Слушай, Михаил, а что это было? Ведь я на самом деле думал, что все, прибежал... Сил нет: икры «забились», поясницу ломит, да еще и в боку колет — будто туда спицу вогнали. А когда попробовал, задержав дыхание, бежать, как-то сразу легче стало, даже

дыхание выровнялось. Добежал уже вообще почти спокойно, без напряжения.

— Это, Тема, у тебя «второе дыхание» открылось.

— А это что еще за фигня такая?

— Знаешь, — наморщив лоб, я озадаченно чешу в затылке, — если честно, то я и сам толком не знаю... Был у меня один разбиравшийся в вопросе знакомец, так вот он говорил, что в человеке в круге кровообращения участвует не вся кровь. Какая-то ее часть вроде как в резерве, на случай всяких непредвиденностей. Вот, например, ты слышал, что когда человек замерзает насмерть, то в самом конце ему вдруг становится тепло, и он просто засыпает?

— Ну, да, что-то такое слышал...

— Вот как раз в этот момент организм, чтобы выжить, отдает свой последний резерв, эту самую резервную кровь.

— А бег тут при чем?

— Гляди, Тем: ты бежишь, тебе и так хреново, печень болит, воздуха не хватает. А тут вдруг ты еще и дышать перестаешь. Тело, оно же само думать не умеет, и все, что с ним в этот момент происходит, воспринимает как смертельную угрозу. И отдает этот самый «кровяной резерв». А тебе становится легче. Вот это и называется «второе дыхание», когда тебе вроде только что была совсем хана, а потом вдруг резко полегчало.

— Надо же, вот никогда бы не подумал, что оно все так сложно...

— Если честно, то я и сам все это от того знакомого почти случайно узнал, так, к слову пришлось в разговоре. Мало того, не факт, что все правильно понял и запомнил и что сейчас тебе тут все не переврал, — усмехаюсь я. — Ладно, хватит ляссы точить, турник уже свободен, так что давай к снаряду!

— А после обеда сегодня что? — интересуется спрыгнувший с брусьев Толя.

— После обеда — тактика. Будем отрабатывать передвижения в «двойках» и «тройках» по открытой местности, по улицам и при зачистке зданий. Устраивает?

— А то! — широко улыбается напарник.

— Ну тогда в душ топай.

Сразу после обеда, дав парням буквально полчаса на переварить съеденное, я повел их на то самое стрельбище, на котором сначала пристреливал свой «АК-103», а потом принимал у Толи зачет по огневой. Конечно, этот пустырь — далеко не самый лучший полигон, но для обучения движению «перекатами» вполне подходит. В принципе в «перекатах» ничего сверхъестественного нет: двигаются себе бойцы по полю короткими рывками-перебежками по пять — десять метров, пока один бежит — двое его прикрывают, а потом он прикрывает их. Все дело в синхронности и согласованности. А вот их можно достичь только тренировками. Вот и будем тренироваться.

— Слушайте, хлопцы, а чего вы орете как умалишенные? — поинтересовался я после нескольких пробных прогонов. — Ладно на тренировке, а если в боевой обстановке надо будет скрытно к противнику подобраться? Ваши «Готов!» и «Пошел!» за версту даже глухой услышит. Неужели нельзя знаками готовность обозначить?

На лицах ребят смущение и замешательство. Понятно...

— Вы хоть какое-то понятие об условных жестах имеете?

— Нууу... Как тебе сказать, Миш... — тянет Толя.

— Да как есть, так и скажите. Вот это что? — Я вскидываю вверх правую руку с раскрытой ладонью.

— К бою? — неуверенно смотрит на меня Коваль.

— Понятно! — обреченно машу рукой я.

Хотя, а чего удивительного? При проводке колонн эти жесты на фиг не нужны. При охране объектов — тоже. Там упор больше на радиосвязь. Ладно, похоже, придется и этому учить.

— Глядите и запоминайте, парни, ничего сложного тут нет. Если я поднял вверх раскрытую ладонь — это значит «Внимание!». По этому сигналу вы должны занять оборону и вести наблюдение в своих секторах. Если я поднял сжатый кулак, вот это уже команда «К

бою!». Если кулак сначала сжат, а потом я его несколько раз разжал, растопылив пальцы, и назад сжал — значит, обнаружил на пути «растяжку» или мину...

Что ни говори, ученики мне попались смышленные и опытные. На все объяснения и проверку ушло минут сорок, не больше.

— Ладно, раз запомнили, давайте еще раз попробуем, но теперь уже без воплей.

Поначалу получалось чуть хуже, чем с криками, периодически кто-то отвлекался и пропускал команду или начинал движение, не подав сигнала, но уже через десяток проходов эта далеко не святая троица заработала четко и слаженно — любо-дорого поглядеть. Ну, значит, пора возвращаться в «Псарню» и отрабатывать в отданном мне «на растерзание» старом сарае и рядом с ним передвижения по улице и в зачищаемом помещении.

Закончили только в седьмом часу вечера, когда солнце окончательно село за горы и единственным источником света стали уличные фонари и глядящие во двор светящиеся окна гостиничных номеров. Парнями по итогам занятий я был вполне доволен. Как ни крути, наличие реального боевого опыта и желание обучаемого — великое дело. Обучить так быстро чему-нибудь бойцов-срочников или новичков в ОМОНе точно не получилось бы. А вот с парнями другое дело: учиться хотят и впитывают новые знания словно губка, да еще и очень быстро, большинство нужных навыков уже есть, пусть даже сами обучаемые об этом не подозревают, а мне только остается их знания и умения слегка «огранить», дополнить и в нужную сторону направить.

Когда приняв душ и переодевшись, я спустился в зал, меня прямо у лестницы перехватил Кузьма.

— Миша, Костылев только что звонил, просил к нему зайти, срочно. Сказал, ждет в Комендатуре, никуда не уходит. Так что, думается мне, не мешает тебе поспешить. Комендант — мужик серьезный, просто так, без повода, дергать не будет.

Идти, если честно, никуда не хочется. Я хоть парень и крепкий, тренированный, но «червончик» крайний раз бегал уже давненько. И теперь чувствую себя не лучшим образом: мышцы побаливают, а ноги при ходьбе так и норовят согнуться то выше, то ниже коленного сустава, особенно на лестнице. Но делать нечего. Игорь действительно вряд ли станет вызывать к себе поздним вечером без важных на то оснований. Поблагодарив Кузьму и на ходу поздоровавшись со всеми знакомыми в зале, выхожу на улицу и направляюсь в Комендатуру.

Рабочий день уже закончился, и в Комендатуре, кроме ярких прожекторов, освещающих площадь и прилегающую территорию, свет горит всего в нескольких помещениях: в прикрытом толстыми металлическими ставнями с узкими бойницами окне «дежурки», маленьком оконце проходной и в кабинете Коменданта. Наверняка есть люди и на узле связи, и в секретной части, но там окон нет. Часовые на входе о моем визите уже осведомлены и пропускают меня без лишней волокиты.

— Да, Командор, тяжело пожатье каменной десницы, — с серьезной рожей выдаю я Игорю, когда мы жмем друг другу руки.

— А не пойти ли тебе на хрен, пушкиновед недоделанный! — беззлобно огрызается тот. — Уж совсем за дикарей нас тут считать не надо, а?! Я, между прочим, одиннадцать классов еще до войны закончил, а после армии в Ставропольский университет поступать собирался. Да и сейчас Пушкина в школах учат, так что не надо мне тут пальцы гнуть. Пижон, блин!

— Упс, виноват, герр капитан, больше не повторится. Чего хотел, Игорек?

— У меня для тебя сразу две новости, причем обе хорошие, и просьба. Сначала о новостях. Во-первых, я сегодня был в Петропавловской и видел старого Умарова, того, что автомастерскую держит, Исмаила. Он тебе велел передать, что машина твоя готова, можешь подъезжать в любой удобный для тебя момент и забирать.

— Отлично! А вторая какая?

— Во-вторых, нетерпеливый ты мой, подписан приказ о создании при Червленненской Комендатуре отдельной разведывательно-диверсионной группы. Завтра мне и ее командиру

надлежит прибыть в Ханкалу и получить все полагающиеся документы, а со складов Комендатуры выделить на нее по нормам положенности оружие, боеприпасы и вещевое имущество. Так что с утра попросим какой-нибудь попутный экипаж Дорожной Стражи нас до Петропавловской подбросить, а уже в Ханкалу на твоей поедем. Ну что, как тебе новости?

— Отличные новости, Игорь. И по машине согласен, как раз работу в деле и проверю. А что за просьба?

— Миша, я знаю, мы с тобой уже договорились, что все операции ты будешь планировать и проводить сам. А нам только результаты сообщать. Но у меня к тебе большая просьба... У нас сейчас ни одной свободной группы нет, все в разгоне, а дело делать надо.

— Я помочь не отказываюсь, но, Игорь, ты пойми, нас с Толей всего двое. Много от нас ожидать не стоит.

— Угу, и это мне говорит человек, который в Беное один толпу нохчей завалил, а потом вдвоем с зеленым новичком блокпост вырезал и мост на воздух поднял... Но ничего чрезмерного я с тебя требовать не буду. Ничего взрывать и ни в кого стрелять не надо. Нужно просто аккуратно подобраться к Ца-Ведено и поглядеть, что там происходит. Если получится, посчитать, сколько там народу, сколько техники, какое оружие. Схему оборонительных сооружений зарисовать неплохо было бы. Рельеф местности там подходящий: аул в ущелье, над ним — господствующие высоты, горы лесом покрыты. Сейчас, правда, «зеленка» всю облетает, но укрытие дает еще вполне нормальное. Так что, возьмешься?

— Ну, — я неопределенно пожимаю плечами, — в принципе ничего невыполнимого ты не требуешь. Так что возьмусь. Срочно надо?

— Вообще-то чем скорее, тем лучше. Если сможешь выдвинуться послезавтра — будет здорово. Но если нет, то еще пару-тройку дней терпит...

— Да ладно, чего тянуть. Завтра с делами разберемся да и выдвинемся потихоньку. Опять же места знакомые, до Беноя я пешком уже ходил, причем вполне удачно, вернулся с прибытком. Хорошо, завтра подробности обсудим, когда в Ханкалу поедем. А сейчас, уж ты прости, что-то заманался я за день, пойду до дому, спать.

— Что, прямо так сразу домой пойдешь?

— Нет, не сразу. По дороге планировал ненадолго к тебе заскочить, Настю повидать. Поэтому буду тебе очень признателен, если ты еще хотя бы на часок на службе задержишься. А то как-то не по себе мне, когда я пытаюсь с девушкой говорить, а над головой из окна ты торчишь, как тень отца Гамлета. Знаешь, как-то весь романтический настрой сразу улетучивается. Может, дашь мне хоть час времени, обещаю — буду вести себя хорошо, а?

— Да что ж ты творишь, изверг? — с мукой в голосе стонет Костылев. — Я ж ей отец, а не так, погулять вышел! А ты мне такие вещи говоришь.

— Слушай, успокойся ты, малахольный! — не могу я видеть этого взрослого и серьезного мужика в таком состоянии. — Я же сказал, отношение у меня к Насте самое серьезное, так что никакой хрени с моей стороны не будет, обещаю.

— Мне с твоих обещаний не легче, Миша... Но тебе я верю. Ладно, до девяти вечера я тут. Но, смотри у меня!

— Понял, — киваю я.

— А раз понял, так и вали отсюда бегом, время-то пошло уже.

Разумеется, до девяти я не уложился. Стоило мне увидеть Настю, как все мысли из головы как ветром выдуло. Мы сидели во дворе, в маленькой беседке, затянутой уже пожухшими и облетающими виноградными лозами, я нес какую-то чепуху, она смеялась своим замечательным смехом, ее тонкие пальцы слегка подрагивали в моих руках, а ночь пахла ее волосами. А потом внезапно в проеме калитки нарисовался Игорь... Вот, блин! Неужели уже девять? Мельком бросаю взгляд на часы. Ого! Почти десять. Похоже, он свое обещание даже перевыполнил, вот только я все равно так ничего и не успел ей сказать из того, что хотел... Однако пора и честь знать. Нежно целую свое голубоглазое чудо в щечку, под ручку подвожу ее к отцу, сдаю, что называется, с рук на руки и, пожелав спокойной

ночи, откланиваюсь.

В «Псарне» собираю свою «зондеркоманду» за одним столом и, как любил в свое время говаривать мой ротный, «довожу приказ до личного состава в части, его касающейся». То есть объявляю, что завтра занятий не будет, Толя уезжает со мной на весь день, а Коваль с Шурупом могут заниматься «по личному плану», то бишь — что хотят, пусть то и делают. О предстоящей вылазке им знать не обязательно, а напарнику я все попозже расскажу, наедине. Ну, что ж, как сказал некогда один очень известный политический деятель: «Цели поставлены, задачи определены — за работу, товарищи»! Значит, будем работать...

Чечня — Подмосковье, 2009–2010 гг.